

Эта книга предназначена только для предварительного ознакомления и не несёт в себе никакой материальной выгоды. Любое копирование и размещение материала без указания группы и людей, которые работали над книгой, ЗАПРЕЩЕНО! Давайте уважать и ценить чужой труд!

Тэмми Фолкнер
НЕТОРОПЛИВО, БЕРЕЖНО, ВСЕЦЕЛО
(Братья Рид #3)

Оригинальное название: Calmly, Carefully, Completely by Tammy Falkner

Серия: The Reed Brothers / Братья Рид

Номер в серии: 3

Переводчик и редактор: Екатерина Прокопьева (главы 1-21),
Ольга Растворгueva (22-38)

Вычитка: Лина Зянгирова, Катерина Матвиенко
Обложкой занималась Изабелла Мацевич.

Переведено специально для группы <http://vk.com/translation4you>.

Аннотация

Она была заперта ещё дольше, чем он.

Питер Рид только что вышел из тюрьмы, он освобождён от объяснений и готов начать всё с чистого листа.

Рейган Кастер нужно отблагодарить Пита за его добрый поступок, но ему недостаточно её благодарности — он хочет большего.

Рейган знает, как защитить своё тело, но не сердце. Да и тело предательски реагирует на Пита так, как ни на кого другого. И когда невинный флирт Пита перерастает в нечто большее, Рейган готова ответить ему взаимностью.

Питер понимает, что любить Рейган нужно неторопливо и бережно.

А Рейган знает, что любить её нужно всецело.

Но сможет ли он дать ей то, в чём она так нуждается?

Посвящается Диане, которая прочитала массу вариантов этой книги и ни разу не пожаловалась (по крайней мере, мне).

Особая благодарность Кайле Гарднер, которая позволила мне позаимствовать её идеи, а потом помогла претворить их в жизнь.

Пит

Если ты весь покрыт татухами, в тюрьме с тобой никто не связывается.

Никто, ни одна душа.

Может, ещё играет роль то, что ты огромный. Я не спрашивал. Просто наслаждался этим.

Дома всё было по-другому. Дома ко мне лезли все. Я самый младший из пяти братьев. Они все такие же огромные, как и я, а татуировок у них даже больше. Но ценят тебя не за внешнюю привлекательность. В моей семье ценят за то, хороший ли ты человек, за то, вносишь ли ты свой вклад в семью и поддерживаешь ли её.

Но я облажался по всем этим пунктам. Херово так облажался два года назад.

Мне не следовало делать то, что я сделал. Никогда. Но я сделал то, что сделал; и отбыл за это срок. Мне остаётся лишь надеяться, что мои родные простили меня и не станут попрекать этим всю оставшуюся жизнь.

Опустившаяся на моё плечо рука выдёргивает меня из моих мыслей. Я поднимаю глаза и вижу своего бесплатного адвоката, мистера Кастера.

— Рад снова видеть тебя, сынок, — говорит он и садится напротив, а затем открывает лежащую перед ним папку.

— Зачем вы пришли? — вырывается у меня. И я тут же морщусь, осознав, как грубо прозвучал мой вопрос. Но он лишь поднимает бровь и качает головой. — То есть я хотел сказать, что тоже рад видеть вас, сэр.

Он усмехается.

— Взаимно, Пит, — говорит он, а потом достаёт из папки брошюру и разворачивает её так, чтобы я смог прочитать. — У меня есть для тебя предложение.

Мой старший брат, Пол, говорит, что предложения — это проблемы других.

— Какого рода предложение? — поколебавшись, спрашиваю я и открываю брошюру. Там размещены фотографии лошадей, детей, игровых площадок и бассейна, из которого во все стороны летит вода. Я поднимаю глаза на своего адвоката.

— Это брошюра «Каст-Э-Вэй Фармз»¹, — говорит он.

— И?

— Это твоё предложение. Я говорил с судьёй и сказал ему, что ты отлично подойдёшь для этой программы. — Он вновь поднимает бровь. — Надеюсь, я не ошибся.

Ненавижу казаться придурком, но...

— Не совсем понимаю вас, мистер Кастер.

— Этим летом, дней на пять, мне нужны несколько толковых парней, чтобы помочь с лагерем «Каст-Э-Вэй». — Мистер Кастер перекладывает бумаги в своей папке, а затем закрывает её. — Я читал твоё дело. Мне понравилось то, что я увидел. Мне кажется, у тебя есть потенциал. И навыки, которые пригодятся в этом конкретном лагере.

Навыки? Единственное, что я умею, это набивать татуhi. До тюрьмы я работал в тату-салоне моих братьев.

Больше ничего в голову не приходит.

— Вы хотите, чтобы я делал им татуировки?

Адвокат снова усмехается.

— Мне понадобится твоё знание языка жестов, — отвечает он. — Каждый год мы открываем лагерь для «особых» детей. В этом году у нас будет паренёк с трахеостомической трубкой. Он не может говорить, но общается жестами. Его мать тоже приедет, однако она не сможет быть с ним двадцать четыре часа в сутки. Так что я подумал, может, ты сможешь приехать и помочь. — Он пожимает плечами. — Ещё будет небольшая группа мальчишек с нарушением слуха. С ними ты тоже сможешь работать.

¹Название фермы «Cast-A-Way Farms» перекликается со словом «castaway» — «изгой, отверженный, пария, нечестивец» и словосочетанием «cast a way», что можно перевести как «выбирать/выискивать дорогу». Далее по тексту будет понятно, отчего такое название.

Я смотрю на предплечья мистера Кастера и вижу, как из-под коротких рукавов его рубашки выглядывает татуировка. Он следует за моим взглядом и пожимает плечами.

— Вы думаете, мистер Рид, что только у вас не получается скрывать свои чувства? — спрашивает мистер Кастер с улыбкой.

Я качаю головой.

— Ваше предложение звучит довольно интересно, — говорю я. — Но я год пробуду под домашним арестом. Я смогу ходить только на работу и/или заниматься одобренными судом занятиями.

— Я уже поговорил с твоим инспектором по надзору, — отвечает мистер Кастер. — Он меня поддержал. — Мой адвокат скрещивает перед собой руки и ставит локти на стол. — Но дело за тобой. Тебя никто не будет заставлять.

Я поднимаю брошюру и начинаю читать. Если честно, это обещает быть интересным.

— Ты сделаешь мне большое одолжение, — говорит мистер Кастер. — Мне нужен ещё один живой пример, хороший пример, для мальчишек, которых мы забираем из тюрем для несовершеннолетних. В лагере они будут трудиться, за что им будут насчитывать рабочие часы. И мне нужен кто-то, кто поможет с ними. Поэтому я выбрал тебя. — Его глаза прищуриваются. — Ты здоровый парень и выглядишь довольно устрашающе. — Он ухмыляется. — А твоё дело произвело на меня хорошее впечатление.

— В вашем лагере будут работать молодые совершеннолетние преступники? Работать с детьми?

Мистер Кастер качает головой.

— Да, они будут взаимодействовать, но не много. В основном их главной обязанностью будет помогать с ежедневными делами — кормёжкой лошадей, перевозкой сена и его укладкой, подёнными работами, приготовлением еды...

Я никогда не боялся физического труда. Мои братья прочно вбили мне в голову, что либо я буду работать не покладая рук, за что бы ни взялся, либо буду отвечать перед ними. Я тяжело вздыхаю, медленно уговаривая себя на это.

— Есть приятный бонус, — говорит мистер Кастер, ухмыляясь.

— Говорите. — Я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди.

— Если ты хорошо проявишь себя в лагере, я попрошу о снисхождении в отношении твоего домашнего ареста, в зависимости от твоих заслуг. — Он смотрит мне прямо в глаза.

— Если ты заслужишь это, так оно и будет.

Ух ты! Я могу получить снисхождение?

— Это на пять дней? — спрашиваю я.

Он кивает.

— С понедельника по пятницу.

Я снова тяжело вздыхаю.

— Когда мы уезжаем?

Мистер Кастер ухмыляется и протягивает мне руку. Я подаю ему свою, и он её крепко пожимает.

— Завтра утром.

— Завтра? — Ого, но я же ещё не был дома. Ещё не повидал своих братьев.

Он кивает.

— В рань-раньскую — три часа утра. — Он вновь улыбается. — Ты не передумал?

— Это действительно может сократить моё наказание?

Мой адвокат кивает.

— Скорее всего. Но это зависит от судьи. И от того, как ты проявишь себя в лагере.

— Тут он становится совершенно серьёзным и смотрит мне в глаза. — Пит, по-моему, ты очень поможешь с мальчишками, которые приедут в наш лагерь. Со всеми. С теми, у кого проблемы со слухом, с теми, кто не может разговаривать, и с теми, кто приехал по программе для несовершеннолетних. Мне кажется, ты отлично справишься. Я верю в тебя,

Пит, и хочу предоставить тебе возможность доказать, что ты выше всего этого. — Он обводит рукой комнату.

Доказать, что тюрьма не для меня? Лучше ли я того, кем стал? Я не уверен.

— Так что, по рукам? — спрашивает мистер Кастер.

Я киваю и вновь протягиваю ему ладонь для рукопожатия.

— По рукам.

— Мне нужно попросить кого-нибудь забрать тебя завтра утром?

Я качаю головой.

— Я сам доберусь.

— Тогда увидимся в шесть. — Он похлопывает ладонью по моему плечу, а затем показывает на дверь. — По-моему, снаружи тебя ждёт твоя семья.

У меня замирает сердце. Прошло так много времени. Я и представить себе не могу, что значит снова оказаться с ними. Чувствовать себя нормальным.

Я киваю и закусываю нижнюю губу, а затем распрямляю спину и выхожу через дверь. Охрана ведёт меня мимо караульного поста к другой двери, где мне выдают пакет с моими личными вещами и просят их проверить. Я запихиваю свой бумажник в задний карман джинсов. Надеваю на запястье часы. Весь пирсинг кидаю в карман. Позже всё вдену.

— Готов? — спрашивает мистер Кастер. Я даже не осознавал, что он рядом до тех пор, пока не посмотрел в его глаза. Очень тихо он произносит: — Кончай так сильно переживать. Они всё та же семья, которую ты покинул два года назад.

Пусть так, но я-то стал другим. Тем не менее, я киваю, потому что не могу говорить из-за кома в горле.

Я протискиваюсь к двери, с усилием нажимаю на задвижку, оттягиваю её и вдруг оказываюсь за стенами тюрьмы, где безвылазно провёл последние два года. Глубоко вдохнув, я смотрю на небо. А затем вижу в конце тротуара своих братьев, и ком в моём горле становится раза в два больше. Я быстро моргаю, стараясь удержаться от нахлынувших эмоций.

Пол, самый старший мой брат, стоит рядом с Мэттом, на лице которого сияет широченная улыбка. Его волосы вновь отросли, и теперь он носит их длиннее, чем мне когда-либо приходилось видеть. В своём письме он писал мне, что решил отращивать их, потому что знает, что значит потерять волосы из-за рака. Мэт идёт на поправку. Я всё это пропустил, потому что был за решёткой. Но именно поэтому я там и оказался. Думал, что помогу ему, а на самом деле лишь огрёб себе неприятностей.

Логан стоит рядом со своей девушкой, Эмили, обнимая её за плечи. Она смотрит на него так, словно он управляет солнцем и луной. Логан показывает на меня, улыбаясь, Эмили поднимает глаза и радостно взвизгивает. Она выбирается из объятий Логана и, на полной скорости ринувшись ко мне, со всей силы врезается в мою грудь и обвивает руками мою шею. Я поднимаю её над землёй и кружу, а она крепко сжимает меня и шепчет мне на ухо:

— Я так рада, что ты возвращаешься домой. Мы очень по тебе скучали.

Я смотрю по сторонам. Кое-кого не хватает.

— Где Сэм? — спрашиваю я. Лицо Эмили мрачнеет, и она старается смотреть куда угодно, только не на меня. Сэм — мой брат-близнец, но его здесь нет. Внутри у меня всё сжимается. Я так сильно надеялся, что он придёт.

— Он занят по учёбе. Знаешь ведь, как порой перегружено расписание. — Она не смотрит мне в лицо, так что я понимаю, что Эмили врёт. Я на мгновение обнимаю её одной рукой, а затем мы направляемся к моим братьям. Но мне удается сделать всего несколько шагов вперёд, когда Пол оттаскивает меня от Эмили и заключает в крепкие медвежьи объятия. Он с такой силой стискивает меня, что воздух из лёгких выходит.

— Отпусти меня, бычара, — ворчу я, и брат, отпустив, обхватывает руками мою голову и проводит ладонью по моим коротко подстриженным волосам. Таким коротким, что они больше напоминают пух.

Логан толкает меня в руку, и я поворачиваюсь к нему. Он глухой и пользуется языком жестов.

Но после восьми лет молчания Логан вновь заговорил, ещё до того, как я оказался в тюрьме. Он показывает жесты и говорит одновременно:

— Кто-то снял с тебя скальп, пока ты спал? — спрашивает Логан, показывая на свои волосы. Это так странно — слышать от него слова. Он очень долго не разговаривал. Но Эмили выявляет в нём самое лучшее, в том числе и его способность говорить. — Похоже, ты три раунда сражался с газонокосилкой. И проиграл.

Но прежде чем мне удаётся ответить, Логан обнимает меня. Он особенный — чертовски умный и очень талантливый. Эмили — его вторая половинка, и все об этом знают. Они предназначены друг другу навечно, и никто из нас не сомневался в этом с тех самых пор, как он притащил её к нам домой, перебросив через плечо, и мы лицезрели Бетти Буп на её трусиках.

Логан отпускает меня, и я смотрю на Мэта. У него здоровый, сияющий вид.

— Раз речь зашла о стрижках, — говорю я, потянув за прядь его волос, — ты не думаешь, что тебе пора бы уже постричься?

Он даёт мне шутливый подзатыльник и притягивает к себе. Боже, как я по ним скучал!

— Мы будем называть тебя Златовлаской, — предупреждаю я. Все в нашей семье блондинки, и кое-кто из нас светлее остальных.

— Только попробуй, придурок. — Дурачясь, он пихает меня в плечо. — Давненько мы не сходились в схватке.

Эмили цепляется за меня рукой.

— По-моему, ты стал больше.

— Там нечего было делать — только качаться и читать. — Я пожимаю плечами.

— Но я всё равно смогу тебя уделать, — дразнится Логан и поигрывает своими мышцами. Круто снова слышать, как он говорит.

Сразу после того, как меня посадили, Логан попал в аварию и чуть было не умер. Мне очень хотелось его навестить. Но меня бы не выпустили.

— Я слышал, что теперь ты как поникший дед. — Сказав это, я сразу же уклоняюсь от его попытки схватить меня и отпрыгиваю в сторону.

— Ничего у меня не поникло, — с усмешкой отвечает он и, ухмыляясь, спрашивает, — правда, Эмили?

Эмили толкает его в руку. Логан склоняется и перебрасывает её через плечо. Она визжит и колотит руками по его заднице, но он не обращает на неё никакого внимания. Как и всегда, когда они вытворяют это. Логан направляется к станции метро, чтобы отправиться домой. Мы следуем за ним.

Эмили сдаётся и, покачиваясь, свисает с плеча Логана. Она прямо перед моим лицом, так что я наклоняюсь ближе и чмокаю её в щёку.

— Как ты? — тихо спрашивает Эмили. Она так смешно болтается!

— Хорошо снова вернуться домой, — признаюсь я. — Странно, но хорошо.

Эмили складывает ладони рупором и театральным шёпотом произносит:

— У нас есть пиво! По случаю твоего дня рождения.

Я ухмыляюсь. Свой двадцать первый день рождения я встретил за решёткой. Но что-то подсказывало мне, что они его обязательно как-нибудь да отметят.

— Только пиво? — таким же громким шёпотом отвечаю я.

Она подмигивает мне.

— Ну, может быть, ещё что-нибудь найдётся. Вино, например.

Мои братья любят порой выпить.

— А торт? — спрашиваю я.

Эмили кивает:

— Сэм испёк.

Сэм — главный пекарь в нашей семье. Жаль, что чтобы попасть в колледж, ему пришлось играть в футбол — из него получился бы чертовски классный кулинар. Да и сам он стал бы счастливее.

— Так значит, на выходных он был дома? — Узнать, что уик-энд он провёл дома, но сейчас его с нами нет — словно получить ножом в сердце. Чертовски больно. Хотя я не могу сказать, что виню его.

Эмили кивает и при этом старается не смотреть на меня. Ей вряд ли бы улыбнулась удача в покере — она чертовски плохо притворяется.

— Как вы думаете, он ещё долго будет меня избегать? — спрашиваю я.

Мэт смотрит на меня, его глаза встречаются с моими, но и он не отвечает на мой вопрос.

Рейган

Я сижу в пикапе моего отца и в такт звучащей музыке отбиваю ритм большими пальцами по рулю. Я высадила папу час назад, и он отправил меня по делам — ему не хотелось, чтобы я сидела одна в машине рядом с тюрьмой. Однако с делами покончено, и вот я жду его. Не меня надо в этом винить, не так ли?

Но я застываю, как только вижу, как к месту, где припаркована моя машина, приближаются трое мужчин, сплошь покрытых татуировками. Правда, один из них держится за руку с девушкой, очень милой блондинкой. Я выпрямляюсь на сидении и наблюдаю за ними.

Между ними столько дружелюбия, что сразу видно, как им здорово быть вместе. Тот, кто держался за руку с девушкой, шлётает её по попе и убегает. Она бросается за ним, прыгает ему на спину, а затем, склонившись, целует его в щёку. Он ставит её на землю, и девушка начинает показывать ему что-то жестами. У меня сжимается сердце. Это его семья. Я почти уверена в этом. Это братья Пита Рида.

Пит Рид — тот, с кем я хотела встретиться на протяжении двух с половиной лет. Одной ночью он оказался рядом, как раз тогда, когда я нуждалась в том, чтобы меня спасли. Именно он нашёл меня съжившейся в дальней комнате дома одного из университетских братств после того, как случилось нечто немыслимое.

Я, съёжившись, прижимаюсь к стене, по-прежнему дрожа после того, что произошло. Он выключил свет, когда уходил, так что я сижу в темноте, и мои зубы стучат так сильно, что болят челюсти. Мои трусики запутались в районе лодыжек и висят там, словно ненужный кусок ткани, каковым сейчас и являются. С той стороны, где он схватил их и сдёрнул с меня, материя разошлась, но я не в силах заставить свои руки, сцепленные вокруг тела, разжаться и натянуть их. Или снять. Моя юбка задрана до талии. Он даже не потрудился опустить её обратно, когда закончил. Он просто прошептал мне на ухо, что если я что-нибудь расскажу, мне никто не поверит, и для меня же будет лучше, если я буду держать рот на замке.

Звенит мой телефон, лежащий рядом, его светящийся экран словно маяк во闇е, и я перевожу на него взгляд. Мне хочется его поднять. Наверняка это кто-то из моих друзей звонит, чтобы узнать, куда я запропастилась. Но я по-прежнему не в силах расцепить руки. Если я это сделаю, то развалюсь на части. А я не могу позволить себе расклеиться. Просто не могу.

Дверь открывается, и в комнату проскальзывает луч света. Молодой парень смеётся и закрывает дверь прямо перед носом какой-то девушки. Он щёлкает выключателем и прислоняется спиной к двери, шутливо ругаясь. Я отползаю на четвереньках в тёмный угол. Может быть, он меня не заметит. Но он замечает, потому что замирает и ругается по-настоящему.

Мои зубы до сих пор стучат, я даже не могу сделать полный вдох. Парень садится на корточки передо мной.

— Эй, ты как? — спрашивает он и протягивает ко мне руку.

Я издаю какой-то животный звук. Он и меня саму-то пугает, а парень отдергивает руку, словно я бешеная собака, которая вот-вот набросится на него. А вот тот, кто недавно ушёл из этой комнаты, не боялся меня, ни капельки. Мы несколько минут целовались, что было прекрасно, и мне этого хватило, но вот только он толкнул меня вниз, сорвал с меня трусики и, удерживая на месте, изнасиловал.

Я смотрю в небесно-голубые глаза этого парня, и они так сильно отличаются от тех карих, принадлежавших тому, кто обидел меня.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, но получается какой-то писк. Мой телефон снова звонит, и я смотрю на него.

— Хочешь, я подниму? — мягко спрашивает парень. Он берёт мобильник и

протягивает его мне. Я беру свой телефон из его руки и забиваюсь ещё дальше в угол. Парень отстраняется, как будто я его напугала. Я смотрю на экран.

Сообщение от Рэйчел: «Ну и где ты, дерзкая девчонка? Я видела, как ты не могла оторвать свои губы от того придурука. Ты ушла с ним?»

Мне нужно ответить. Но мои пальцы слишком сильно дрожат.

— Хочешь, я тебе помогу? — спрашивает парень. Он осторожно, но ловко забирает у меня мобильник, в который я вцепилась, и мне приходится отпустить. От меня никакого толку. Меня колотит с такой силой, что я всё равно не смогу им воспользоваться.

— Что мне нужно ответить? — спрашивает парень.

Я проглатываю ком. Когда всё началось, я орала, но тот зажал мне ладонью рот, а затем ударил головой о ванную тумбочку, и теперь у меня дерёт горло.

— Помоги мне. — Это мой шёпот, и парню приходится наклониться ближе, потому что он не понимает, что я говорю.

— Что? — тепло спрашивает он.

— Помоги мне, — повторяю я. Он смотрит на моё лицо. Не на мое выставленное напоказ тело. Только на мое лицо, словно я не сижу здесь с задранной вверх юбкой, словно моя блузка не разорвана.

Словно меня только что не изнасиловали. Не осквернили. Не использовали. Я пытаюсь одёрнуть юбку, и он оглядывает комнату, затем открывает шкафчик и накрывает меня большим полотенцем. Тогда я начинаю поправлять свою одежду. Парень смотрит вниз и поднимает мои туфли — они, должно быть, упали, когда я молотила ногами. Он ставит их рядом со мной. Затем замечает висящие вокруг лодыжек трусики и, протянув руку, осторожно поднимает мою ногу, чтобы снять их.

— Они мне нужны, — говорю я. И они очень, очень сильно мне нужны.

Он стряхивает их и поднимает.

— Они порваны.

— Они мне нужны, — снова повторяю я.

По моей щеке скатывается слеза, и его лицо смягчается. Парень находит обрывки трусиков в том месте, где их порвал тот, кто меня обидел, и связывает вместе. Потом поднимает их, как если бы мне два года и нужна его помощь, чтобы одеться. Я продеваю в них ноги и, пошатываясь, встаю. Он поддерживает меня. Но у меня так сильно дрожат руки, что я не могу натянуть трусики до конца. Парень помогает мне и тут же с шипением выдыхает, когда замечает кровь на внутренней поверхности моих бёдер. Он поднимает взгляд и смотрит на мое лицо, когда натягивает трусики, а затем одёргивает мою юбку, чтобы прикрыть их. Я опускаю полотенце, и он осторожно застёгивает мою блузку. Затем наклоняется и поднимает телефон, который я выронила.

— Может, мне кому-нибудь позвонить? — спрашивает он.

Я киваю. Но не могу придумать, кому именно. Я не могу позвонить своим родителям. Меня не должно было быть на этой вечеринке. Я должна была находиться в своей комнате в общежитии и заниматься.

— Позвони Рэйчел, — говорю я и опираюсь на ванную тумбу, потому что больше не в силах стоять прямо.

Парень ищет нужное имя, прокручивая список контактов. Он нажимает кнопку вызова, и я слышу слабые гудки, доносящиеся из телефона.

— Алло, Рэйчел? — спрашивает в трубку парень.

Я слышу, как Рэйчел отвечает:

— Кто ты такой и почему у тебя телефон моей подружки?

Он смотрит на меня.

— Ты хочешь с ней поговорить?

Я качаю головой.

Он закрывает глаза и говорит:

— Меня зовут Пит Рид, рядом со мной твоя подруга... — Он умолкает и смотрит

на меня, хмуря брови. — Как тебя зовут?

— Рейган, — шепчу я.

— Прости, — говорит он и выглядит так, словно действительно извиняется. — Я тебя не слышу. — Его голос звучит очень мягко и с гораздо большим сочувствием, чем я заслуживаю.

— Рейган, — рявкаю я, простонав про себя из-за того, как грубо получилось. Это был приступ. Но он меня услышал.

— Рядом со мной твоя подруга Рейган. Она нуждается в тебе.

— Где? — доносится до меня голос Рэйчел.

— С-скажи, что на вечеринке. Наверное, в главной спальне. — Я оглядываюсь по сторонам.

— Может, мне лучше пойти и отыскать её? — спрашивает меня парень.

У меня сжимается сердце.

— Не оставляй меня, — шепчу я. Мой подбородок дрожит, и я ненавижу его за это. Почему-то с этим парнем я чувствую себя в безопасности.

Парень протягивает руку и очень осторожно прикасается ладонью к моему лицу. Я резко отдергиваю голову, и он тут же понимает, что совершил ошибку.

— Я не уйду. Обещаю, — говорит он мне. А затем в трубку: — Мы в дальней спальне, в ванной. Она ранена. — Говоря это, он смотрит мне в лицо. Не на моё поруганное тело. А прямо мне в глаза. — Она хорошо держится. Но, мне кажется, ты ей нужна. — Тут он переводит взгляд на телефон. — По-моему, она скинула вызов.

Я киваю.

— Спасибо.

— Я останусь с тобой, — уверяет меня парень. — Я не оставлю тебя. Обещаю.

Я киваю и опираюсь на тумбу, скрестив руки на груди.

— Я поеду с тобой, чтобы убедиться, что ты добралась до больницы.

Я мотаю головой.

— В этом нет необходимости.

Он смотрит мне в глаза.

— Если тебя изнасиловали, в экспертизе есть необходимость.

Ох, я поеду в больницу. Нужно будет сдать анализы на венерические заболевания. И принять противозачаточную таблетку. И сделать всё прочее, о чём я даже вообразить себе не могла.

— Я знаю. Я поеду.

— Я поеду с тобой.

Я мотаю головой. Он и без того достаточно видел мой позор.

— Я не могу вот так просто уйти и оставить тебя в таком состоянии.

В дверь кто-то стучит, и он спрашивает, кто там.

— Это Рэйчел, — доносится приглушенный голос.

Моё сердце взывает к ней. Я киваю, и парень открывает дверь. Подруга врывается в комнату, но тут же встаёт как вкопанная. Её лицо исказывается ужасом, но она быстро берёт себя в руки, когда видит, как по моей щеке скатывается слеза.

— Что стряслось? — глухим голосом спрашивает Рэйчел.

Затем она обвивает меня руками и крепко прижимает к себе. Я всхлипываю в её плечо, а подруга обнимает меня. Сквозь пелену её волос я смотрю на парня и вижу, как он яростно моргает. Он шмыгает носом и выпрямляет спину, когда замечает, что я смотрю на него.

— Её нужно отвезти в больницу, — тихо произносит он.

— Я отвезу. — Рэйчел оглядывается по сторонам. — Как мы можем выбраться отсюда, чтобы остаться незамеченными?

Парень стягивает с себя толстовку и подходит ко мне. Он держит её так, словно хочет натянуть на меня через голову, но глазами спрашивает разрешения. Я киваю, и он

натягивает её на моё тело. Меня тут же окружает его запах. Похоже на цитрусы и свежий аромат леса. Я натягиваю толстовку до бёдер. Рэйчел смачивает в воде кончик полотенца и вытирает мне глаза.

— У тебя на лице царапины, — говорит она.

Потом её глаза опускаются на мою шею.

— Он тебя душил? — ахает подруга, но тут же быстро оправляется от шока. Я прикрываю шею рукой. Это не самое худшее из того, что он со мной делал.

Где-то глубоко внутри Пита прокатывается рык, но я его слышу. Он в ярости, за меня.

— Спасибо, — шепчу ему я, когда Рэйчел направляет меня к двери, крепко держа за руку.

— Я могу поехать с тобой? — спрашивает он.

Рэйчел смотрит на меня, но я качаю головой.

— Могу я хотя бы потом тебя проводить? Как мне тебя найти?

— Нам нужно идти, — говорит Рэйчел.

Он выходит за нами в коридор и провожает нас через шумную кухню и ещё более шумную гостиную. Его тело прикрывает меня, словно щит, и вот он открывает перед нами двери. Я держу руку Рэйчел, но ощущаю необходимость прикоснуться к нему, он даёт мне силы.

— Спасибо, Пит Рид, — шепчу я.

— Всегда пожалуйста, — шепчет он в ответ, затем открывает для меня дверцу машины, и я осторожно залезаю внутрь.

Внизу у меня всё болит, и я со свистом втягиваю в себя воздух. Он замирает.

— Ты уверена, что мне не нужно ехать?

Я киваю. Затем откидываю голову назад и закрываю глаза. Рэйчел везёт меня в больницу.

Из моих воспоминаний меня вырывает пронзительный визг. Я наблюдаю, как из здания тюрьмы выходит блондин, и девушка, которая пришла с тремя мужчинами, бросается навстречу Питу Риду. Я знаю, это он. Хотя мы больше не виделись с той ночи, я на сто процентов уверена, что из ворот тюрьмы только что вышел мой спаситель.

В окно со стороны пассажирского сидения стучат, и я подпрыгиваю на месте. Через стекло мне корчит рожицы мой папа. Я открываю дверь, и он садится внутрь. Затем переводит глаза на сцену перед нашей машиной.

— Теперь ты счастлива? — спрашивает он.

Мой отец юрист, и он взялся представлять Пита, когда я выяснила, где тот находится. Я отправилась на его поиски через несколько недель после того инцидента. Спрашивала по всем кампусу, пока, наконец, не нашла кое-кого, кто был знаком с одним из его братьев. Пит по глупости угодил в тюрьму. И я попросила отца помочь ему. С тех пор папа работал над тем, чтобы его быстрее освободили.

Папа хорошо известен благодаря своей работе с несовершеннолетними задержанными, и ещё он часто бесплатно представляет интересы тех, кто не может позволить себе нанять адвоката. Папа выяснил, что у Пита уже есть адвокат и кто-то ещё печётся о его судьбе, так что предложил свою помощь по этому делу. Питу всё равно пришлось отправиться в тюрьму, но благодаря папе ему вынесли куда более мягкий приговор. Пит не заслуживает того, чтобы сидеть в тюрьме. Он заслуживает ордена Почёта.

Я смотрю на папу и улыбаюсь.

— Да, теперь я счастлива. Ты спросил его, приедет ли он на ферму? — Я задаю этот вопрос, очень смущаясь, потому что мой отец читает меня как книгу.

Папа кивает.

— И? — Внутри у меня всё сжимается, пульс ускоряется.

— Он приедет.

Я кладу ладонь на грудь и заставляю себя глубоко вдохнуть.

— И что ты надеешься получить от встречи с этим мальчишкой? — спрашивает папа.

— Я просто хочу поблагодарить его, пап.

Он ухмыляется и закатывает глаза.

— А я-то думал, ты хочешь от него детей.

Я фыркаю.

— Пока нет.

Завтра я увижу Пита. Не могу дождаться.

— Эй, детка, — мягко окликает меня папа. — Он два года провёл в тюрьме. И, возможно, стал немного жёстче, чем тот парень, с которым ты познакомилась той ночью.

Папа говорит об этом, словно прошло много-много времени. Но в моей голове это происходит снова и снова, каждую ночь.

— Всё равно, это он спас меня, папа, — тихо отвечаю я.

Пит

Мне не хочется возвращаться туда. За прошлую ночь я ничуть не соскучился по тюрьме. Ни секунды. И я не планирую снова оказаться по ту сторону решётки. Ни за что. Но, тем не менее, я вновь в том месте, где меньше всего хотел бы находиться. Конечно, не в самой тюрьме, но... на мне джинсы, кроссовки, футболка, а к лодыжке прикреплён отслеживающий браслет. Мальчишки, что стоят в очереди, по-прежнему одеты в тюремные робы. Их ещё официально не освободили из заключения, но эта программа — первый шаг к свободе.

Двери передо мной открываются, и я, войдя в автобус, устраиваюсь на первом сидении, на месте у окна, а рюкзак со своими пожитками устраиваю на соседнем. Надеюсь, народу наберётся немного, и никто не сядет рядом.

Молодой парень за мной наклоняется вперёд.

— Ты тоже едешь на ферму? — спрашивает он. От него так воняет, словно он ел ослиное дермо.

— Слушай, отстань, — бурчу я. Признаю, у меня жуткое похмелье.

Он откидывается на спинку своего сидения, а я опираюсь затылком о стекло и вытягиваю ноги вдоль кресел. Но вот его нос возникает между окном и моим местом, рядом с моим лицом.

— Ты тоже едешь на ферму, да? — Его тяжёлое дыхание раздаётся рядом с моим ухом. Похоже, дермо было от двух слов. Боже мой, неужели никто не мог дать ему «Тик-Так»? Я лезу в свой рюкзак, достаю оттуда упаковку с мятными драже и даю ему одну. Он тут же закидывает её в рот и улыбается.

— Да, я еду на ферму, — тихо отвечаю я.

— Я тоже. Круто, да? — Он ухмыляется. Парень выглядит моложе меня. Мне двадцать один, значит, ему где-то лет восемнадцать.

— Круто, — бормочу я.

— За что сидел?

Они знают, что я был в тюрьме? Почему-то мне казалось, что я буду выступать в роли куратора. А не бывшего заключённого.

— Давай лучше поспим, — говорю я, закрывая глаза.

Пусть мне и хочется узнать, за что сидел этот парень, но я ни за что не стану спрашивать. По меньшей мере это будет грубо.

— Я кое-кого убил, — сообщает он. Я открываю глаза и вижу, что он улыбается. В его глазах появляется маниакальный блеск, а взгляд начинает бегать туда-сюда.

— Конечно, — бормочу я, но... к чёрту всё! Теперь я заинтригован.

— Не, правда, — говорит парень. Внезапно он становится крайне воодушевлённым, даже восторженно потирает ладони. — Раз, и чувак мёртв. — Он складывает из пальцев пистолет и издаёт звук «пф».

— Ммм-хмм, — буркаю я, вновь закрывая глаза.

— Ты уже бывал там? — спрашивает парень. Он как щенок. Щенок, который может убивать.

Типа кокер-спаниеля. Эти собаки долбанутые на всю голову. У нашей соседки, миссис Коннелли, была такая, и я её выгуливал. Эта тварь могла цапнуть в мгновение ока.

— Где? — спрашиваю я.

— На ферме, — отвечает он, снова проявляя невиданный восторг. Я слышу, как он елозит на своём месте, словно не в силах усидеть спокойно.

Вообще-то, это место называется «Каст-Э-Вэй Фармз», судя по вчерашней брошюре. Я заставляю свои глаза открыться.

— Нет, ни разу.

— Я тоже. Но один мой знакомый ездил туда в прошлом году. Он сказал, что там прикольно. За исключением больных и умственно отсталых.

Как я, на хер, ненавижу это словосочетание!

— Они не умственно отсталые, — говорю я. — Они глухие. А у некоторых множественный склероз. Или аутизм. Или что-нибудь другое, что делает их особенными. Но они не умственно отсталые. — Чёрт, до чего же я ненавижу ярлыки! Мой брат Логан глухой, и его как только не обзывали.

— О, ладно, — отвечает парень и кивает. А затем повторяет: — Ладно.

— Не смей снова произносить это слово, — предупреждаю я.

— Ладно, — вновь говорит он и опять кивает, его голова болтается вверх-вниз, как у собачек, прикреплённых к приборной панели.

Водитель автобуса залезает в кабину, и в салон поднимается мой инспектор по надзору, держа в руках папку. Он занимает места напротив меня и начинает перелистывать страницы своих документов. Он огромный и тучный, да к тому же вооружён. На нём футболка с треугольным вырезом, плотно обтягивающая его грудь и плечи, и штаны цвета хаки. Офицер смотрит на меня, и его брови сходятся на переносице.

— Ты Рид? — спрашивает он.

Я открываю глаза.

— Да, сэр. — Вообще-то, мы уже встречались в тюрьме, но, должно быть, он забыл.

— Как ты попал в эту программу? — спрашивает офицер.

Я пожимаю плечами.

— Понятия не имею.

Что-то мне подсказывает, что здесь не обошлось без мистера Кастера, но не понимаю, что к чему. Тот вёл себя так, словно для меня это честь.

Мой офицер по надзору вновь хмурится, а затем смотрит в папку.

— Ты тот, у кого брат глухой.

Я смотрю на него.

— Угу.

Офицер кивает и откладывает папку в сторону.

— В лагере будет несколько детей со слуховыми нарушениями. И паренёк с множественным склерозом, с трубкой в горле, из-за которой он не может говорить. Ты будешь его переводчиком.

Я киваю.

— Звучит неплохо.

— Как давно ты общаяешься на языке жестов?

Мой брат потерял слух, когда ему было тринадцать, то есть десять лет назад.

— Лет десять, около того.

Я не вполне уверен. Я общаюсь на языке жестов так давно, что порой даже не понимаю, что делаю это почти всё время.

Офицер разворачивается ко мне лицом.

— За что ты сидел? — тихо спрашивает он.

Я киваю в сторону его папки.

— Вы и так знаете, — отвечаю я и снова закрываю глаза.

Он хватает меня за ногу и встряхивает. Я отдергиваю ногу. Очень в духе моих братьев.

— Нет уж, скажи мне сам.

— Хранение наркотиков для передачи другим лицам, — тоже тихо отвечаю я. Не очень хочется, чтобы меня услышал Тик-Так.

Офицер протягивает мне руку.

— Меня зовут Фил.

Я пожимаю его ладонь.

— Пит.

— Надеюсь, с тобой не будет проблем, да, Пит?

— Нет, сэр, — отвечаю я.

Никаких проблем не будет. Потому что, когда всё это закончится, я хочу уехать домой.

Офицер кивает.

— Ясно. Возможно, мне понадобится твоя помощь с некоторыми парнями. — Он показывает большим пальцем в заднюю часть автобуса.

Я киваю. Если не считать Фила, самым старшим здесь оказываюсь я.

Фил поднимается, пересаживается напротив Тик-Така и повторяет те же вопросы. И так со всеми парнями в автобусе, которых около десяти, и всем им, по-моему, не больше восемнадцати.

И только один мальчишка выглядит не старше шестнадцати.

Я тяжело вздыхаю и закрываю глаза. Затем скрещиваю руки на груди и пытаюсь уснуть. Если не ошибаюсь, до «Каст-Э-Вэй Фармз» нам ехать несколько часов.

Рейган

Бассейн — чудесное место. Вот только жаль, что вокруг него собирались одни придушки. Я взвизгила и прикрываю голову, когда один из них прыгает в воду рядом со мной, окатывая всю меня брызгами, хотя я прямо сказала, что не хочу промокнуть. Позже у меня есть ещё другие дела.

Чейз высовывает голову из воды и опирается на локти рядом с моей головой, его нос почти касается моего.

— Теберь ты мокрая из-за меня, да? — спрашивает он и смотрит на меня так долго, что я начинаю ощущать дискомфорт. И мне хочется врезать ему по носу. Я передёрываю плечами. Это начинает меня доставать. Он подкатывает ко мне с тех самых пор, как две недели назад я сходила с ним поужинать. Но если бы я и смогла пойти на это, то уж точно не с Чейзом Джеральдом. К тому же он понятия не имеет, что произошло со мной в первом семестре в колледже. Да и никто об этом не знает, кроме моей семьи, Пита Рида, Рэйчел и того парня, что навсегда оттолкнул меня от секса. Мне хочется послать Чейза куда подальше, сказать, чтобы он бросил свои попытки, потому что я не из тех доступных девушек, что с удовольствием бы забрались к нему в постель. Но я не могу рассказать ему, что меня изнасиловали, потому что тогда он станет смотреть на меня с жалостью. А это последнее, чего мне хочется.

Я притворяюсь, будто не слышала его слов по поводу влажности. В моём словаре у этого слова нет того значения, что он в него вкладывает. Чейз что-то бурчит и выбирается из бассейна. Не знаю, зачем я вообще его пригласила. Он привёл с собой своих приятелей, один омерзительнее другого. И, что хуже, они притащили с собой своих подружек. Тех самых девиц, что смотрят на моего младшего брата так, как будто он аттракцион на местной ярмарке.

Чейз встаёт рядом, возвышаясь надо мной, и стряхивает воду с волос. Его коленная чашечка рядом с моей головой.

Один удар, и я могла бы сбить его с ног...

Он прищуривается, и до меня доносится рокот подъезжающего автобуса. Я поднимаюсь, беру полотенце, быстренько вытираюсь и натягиваю одежду поверх купальника.

— Прости, Чейз. Мне нужно идти.

— Это те, кто приехал в лагерь? — спрашивает он.

Я поднимаю волосы и завязываю их в небрежный конский хвостик.

— Ага.

Это моя любимая часть лета. Мой папа учредил этот лагерь в год, когда моему младшему брату стукнуло три. Именно тогда мы поняли, что нет такого места, куда мы могли бы отправить его и где бы он мог быть самим собой — нормальным маленьким мальчишкой с аутизмом.

В первый год мы пригласили только тех детей, у кого тоже был аутизм. Со временем количество приезжих всё возрастало. Теперь у нас проводят время и те, у кого синдром Дауна, и те, у кого аутизм, и те, у кого какие-либо нарушения восприятия. А в этом году будет даже небольшая группа глухих ребят. Я полна энтузиазма. Эти мальчишки нуждаются во мне. И они не опасны для меня. Из-за них у меня нет кошмаров о том, как они причиняют мне боль... В отличие от остальных.

— А это что? Тюремный фургон? — спрашивает Чейз.

— Ага, — снова отвечаю я.

Каждый год в качестве волонтёров папа приглашает в лагерь молодых людей из местного исправительного центра для молодых преступников. Они из числа тех, кто не склонен к насилию — чтобы попасть в лагерь, нужно пройти тщательный отбор. К тому же с ними приезжает их наставник. Но что есть, то есть — у всех них есть криминальное прошлое. И своей помощью в лагере они отрабатывают часы общественных работ.

— Ты уверена, что это не опасно? — интересуется Чейз.

— Ага. — Я бы больше волновалась о самом Чейзе, чем о них. — Я не буду вас провожать, ладно? Найдёте выход сами, — бросаю я через плечо, особо не заботясь, что мне ответят.

Обувшись в шлёпанцы, я приближаюсь к воротам, ко мне подходит папа.

— Готова встретить новых постояльцев лагеря? — закидывая руку мне на плечи, спрашивает он. Мой отец — один из тех нескольких человек, которым я разрешаю дотрагиваться до себя. Если кто-то другой сделает то же, что только что сделал он, то я его вырублю. Папа улыбается мне и целует меня в лоб.

Из-за угла дома выходит мама, присоединяясь к нам, за ней хвостиком следует мой брат Линкольн. Линк не любит держаться за руки и редко смотрит в глаза, но выглядит как обычный мальчишка. Вот только он совсем не обычный. У него аутизм. Он говорит только когда хочет говорить, а если он не хочет… что ж, тогда почти нет шансов выудить у него хоть слово.

В нашем лагере много детей с аутизмом, но у всех них свои совершенно разные трудности. Я вытягиваю ладонь, чтобы Линк дал мне «пять». Он косо улыбается, и эта его улыбка по-прежнему заставляет моё сердце делать сальто.

— Тюремный автобус уже здесь, — предупреждает мама.

— Я пойду к ним, — отвечает папа. — А вы помогите детям устроиться.

На самом деле, мне очень хочется увидеть Пита, но вместо этого я должна помочь расселить детей по их домикам. Кто-то из них приехал один. С некоторыми приехали опекуны. С некоторыми — родители. К таким детям не будут назначены вожатые. Взрослые будут спать с ними, гулять с ними и вообще следить, чтобы мальчики ели, пили, принимали лекарства, ходили в душ. В роли вожатых выступают работники местной больницы и студенты-медики. Молодые совершеннолетние преступники не несут никакой ответственности за нужды мальчишек из лагеря. Да и взаимодействовать они будут по минимуму.

Мама отдаёт мне папку-планшет, и мы прикрепляем разноцветные таблички к рубашкам и футболкам мальчиков, чтобы потом всегда знать, кто из них не может говорить. Я пробегаю глазами по их характеристикам, выискивая информацию о том, с какими трудностями они сталкиваются, и делаю мысленные пометки об индивидуальных потребностях каждого.

С мальчишками всегда весело. В прошлом месяце у нас жили девочки, и это было больше похоже на состязание.

У них постоянно какие-то драмы. А мальчишки — это просто мальчишки, они хотят ездить верхом, плавать в бассейне, хорошо проводить время. Они хотят быть мальчишками в самом прямом смысле этого слова. И наш лагерь — то самое место, где они могут это делать.

Когда все дети устроены, я отправляюсь на поиски папы. Он сидит на столе для пикника, положив руки на колени, ладони свешиваются между ног, и произносит речь, которую я слышу каждый год с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать лет.

— На вас возложили большую ответственность, и я надеюсь, вы сможете её оправдать. — Он поднимает вверх один палец. Я улыбаюсь, спрятавшись за деревом, потому что эту часть знаю почти наизусть. — У меня есть только одно правило. Если вы его нарушите, я тут же отправлю вас обратно.

Молодые люди выжидающие смотрят на него.

— Моя дочь вернулась из колледжа на летние каникулы. Если вы прикоснётесь к ней, посмотрите на неё, заговорите с ней или вам в голову придут непристойные мысли о ней, я отрежу вам яйца, когда вы будете спать. — Для пущего драматического эффекта папа поднимает лежащий рядом тесак и вонзает его в деревянную поверхность стола. Затем он минуту ждёт, а я наблюдаю за тем, как все эти парни вжались в скамейки.

Я прикрываю рот рукой, чтобы сдержать смех. Каждый раз одно и то же. Он им

угрожает, и потом всю неделю они меня избегают.

Я стою за деревом ещё немного, пока он не заканчивает, и уже собираюсь подойти к нему.

Но отец разговаривает с офицером по надзору, так что я решаю подождать. Повернувшись, поднимаю ногу, чтобы сделать шаг, но цепляюсь шлёпанцем за корень дерева и спотыкаюсь. Выставив вперёд ладони, я накренияюсь вниз. Но сильные руки не дают мне упасть, и я шлёпаюсь на что-то твёрдое.

Перекатившись и убрав с лица волосы, я опускаю глаза — оказывается, что я наполовину лежу на Пите, а он прижимает руки к бокам, чтобы не касаться меня. Рванувшись, я поднимаюсь с него.

— Вот дермо, — вставая на ноги, ворчит он. — Ставлю десять баксов на то, что ты его дочь.

Я на секунду закрываю глаза, чтобы выровнять дыхание. Почти два с половиной года я хотела поговорить с этим человеком. Но он смотрит на меня так, словно не знает, кто я такая.

— Пропали мои яйца.

Наши взгляды встречаются. Его глаза поблескивают.

Он указывает большим пальцем на моего отца.

— Он не шутил насчёт тесака, да?

У него такой встревоженный вид, что я вот-вот рассмеюсь, несмотря на досаду от того, что он меня не узнал.

— Боюсь, да, — отвечаю я, пряча улыбку.

— Я так и понял, — бурчит он и, качая головой, удаляется в сторону своего домика. Я наблюдаю, как он уходит прочь.

Пит меня не помнит.

Пит

Рейган. Чёрт, она красивая. Но, с другой стороны, она первая девушка, с которой я столкнулся за последние два года. Она секунду лежит на мне, глядя на меня, и я тут же узнаю её. Никогда её не забуду. Но когда мы встретились... то была не самая хорошая для неё ночь. И если я упомяну об этом, то, скорее всего, только заставлю её нервничать. А мне не хочется, чтобы меня отправили обратно, в город. Я хочу быть здесь. Работать с этими детьми. Хочу, чтобы с моей ноги сняли этот грёбаный браслет, и я бы смог вернуться к хоть какому-то подобию нормальной жизни. Я просто хочу быть Питом.

Только вот бы ещё мне знать, кто такой этот Пит. Я отлично представлял себе своё будущее, но лишь до тех пор, пока не заболел Мэт. Тогда всё похорилось.

Тогда я сделал то, что сделал, и сел в тюрьму. Винить во всём нужно лишь меня, и я полностью беру на себя ответственность за содеянное, но это не значит, что мой поступок можно как-то оправдать.

У Рейган зелёные глаза и всё те же веснушки на переносице, что запомнились мне с той ночи. Дерьмо. Мне нельзя думать об этом. Были бы мы в Нью-Йорке, я бы пригласил её на ужин. Сказал бы ей, что помню её. Выяснил бы, как она. А затем пригласил на свидание. Но здесь я никто. Просто парень, который лишится своих яиц только из-за того, что заговорил с ней. У меня нет ни капли сомнений в том, что её отец не шутил. Абсолютно. Я поправляю своё хозяйство и продолжаю свой путь.

Но тут она смотрит на меня через плечо. Её лицо краснеет, и моё сердце начинает биться чаще. Я бывший заключённый, который всё ещё находится под домашним арестом, но она смотрит на меня так, как будто я настоящий живой мужчина? Рейган облизывает губы и отворачивается, чтобы заговорить с кем-то. Мне хочется, чтобы она снова на меня посмотрела.

Её светлые влажные волосы собраны в небрежный пучок на макушке. На её лице никакой косметики. Мои знакомые женщины обычно тут же размалёвывались до неузнаваемости, стоило им только выйти из душа. Эта же выглядит естественно. И мне это нравится. Не должно. Но нравится. Я мог бы смотреть на неё весь день.

Когда она упала на меня, на её лице на мгновение отразился страх. Это из-за того, что с ней произошло? Помнит ли она меня вообще?

Но мои мысли прерывает несущееся на меня инвалидное кресло с приводом.

— Погоди, погоди, Спиди Гонсалес², — встаю я перед ним. — Куда это ты так торопишься?

Парень в кресле оказывается светлокожим блондином, из его горла торчит пластиковая трубка. Он показывает мне что-то жестами, но у него отрывистые, искажённые движения. Совсем не похожие на плавную речь глухонемых.

Маршмеллоу, показывает он при помощи пальцев, а затем указывает согнутым пальцем на кого-то, кто разжигает костёр.

Интересно, не с ним ли я должен работать? Вскоре к нам, тяжело дыша, подбегает женщина.

— Простите, — задыхаясь, она хватается за бок. — За ним сложно угнаться, когда он в этом кресле.

Она протягивает мне руку.

— Я Андреа. А это мой сын, Карл. Он в восторге от того, что проведёт какое-то время в этом лагере.

Я пожимаю ей руку и сажусь на корточки напротив Карла.

— Ты ведь слышишь меня, да, Карл? — спрашиваю я его, одновременно показывая

² Спиди Гонсалес (англ. Speedy Gonzales) — мультипликационный персонаж из серии «Луны Тюнз» («Весёлые мелодии»). Он описан как «самая быстрая мышь во всей Мексике». Говорит с мексиканским акцентом. Обычно носит гигантское жёлтое сомбреро, белые шорты, рубашку и красную бандану. Появляется в 46 мультфильмах серии.

жестами. Он кивает и улыбается, но улыбка выходит резкой и кривой.

Ему так хочется поехать к костру, что он буквально выпрыгивает из своего кресла.

Я слышу, показывает он. Только говорить не могу.

Я киваю. Всё ясно.

— Сколько тебе лет?

Пятнадцать.

Он выглядывает из-за меня в сторону костра. По-моему, ему и правда не терпится оказаться там, где уже собирались другие подростки.

— Прекрасный возраст, — закатывая глаза, говорит его мать.

Ему пятнадцать? Не похоже, чтобы он весил больше сорока пяти килограммов. Я отхожу с дороги.

— Отправляйся к ним, Гонзales, — кивнув в сторону костра, говорю я. Он ухмыляется и катится от меня туда, где Рейган расставляет стулья вокруг огня.

— По-моему, он уже успел влюбиться в Рейган, — признаётся его мама.

— В Рейган? — переспрашиваю я. Мою Рейган?

Рейган расшевелила внутри меня так много эмоций, что я не знаю, как с ними справляться. Отбросив всё, я смотрю на маму Гонзо.

— Не могли бы вы мне рассказать, какие именно трудности он испытывает, чтобы я был в курсе, с чем имею дело?

— Не с *чем*, — поправляет она, — а с *кем* ты имеешь дело.

— Я не это имел в виду, — начинаю я.

Но она кладёт ладонь на мою руку.

— Где ты научился языку жестов?

— Мой брат глухой, — отвечаю я.

Она кивает, рассматривая мои татуировки и пирсинг, который я даже поначалу не смог вдеть обратно, когда вышел из тюрьмы. Вчера вечером мне пришлось перепрокалывать все дырки, и они ещё болят. Но зато я больше не чувствую себя голым.

— Я ни в малейшей мере не хотел оскорбить вашего сына, — говорю я, чувствуя себя виноватым.

— У Карла только две проблемы — тело, которое его не слушается, и то, что он не может говорить. — Она с любовью смотрит на сына через полянку. Но по ней заметно, как она измождена. — А так у него все те же желания и потребности, как у любого другого пятнадцатилетнего мальчишки. Просто есть кое-что, что он не может делать. — Мама Карла тяжело вздыхает. — Он легко выходит из себя. Это самое сложное при общении с ним. Он здоров духом, но не здоров телом.

Я киваю. Мне знакомо это чувство, когда ты не в силах держать что-либо под контролем.

— Почему бы вам не отдохнуть полчасика? — спрашиваю я. — А я присмотрю за Карлом.

Её глаза расширяются, и она выглядит такой воодушевлённой, что мне хочется отмотать время назад и предложить ей это в ту самую минуту, как они приехали.

— Правда? — спрашивает женщина.

Я киваю.

— Отдыхайте. Я о нём позабочусь.

На её глаза наворачиваются слёзы, и я понимаю, как отчаянно она нуждается в перерыве.

— Увидимся через полчаса.

Она кивает и направляется к своему домику. Эта женщина очень устала, поверьте мне.

Я подхожу к костру. Солнце только село, и пока здесь всего несколько мальчишек.

— Привет, Гонзо, — говорю я Карлу. Он оборачивается и смотрит на меня, улыбаясь широченной и бесхитростной улыбкой, и это так умиляет, что я уже люблю этого пацана. —

Пристаёшь к Рейган?

Я сажусь на бревно рядом с костром.

Она обалденно красивая, показывает он, а затем поднимает на неё свои голубые глаза и несколько раз моргает, склонив голову. Рейган улыбается в ответ.

— Что он сказал? — спрашивает она.

— Сказал, что ты обалденно красивая, — перевожу я.

Карл недовольно вскидывает руки. *Ты не должен был ей говорить!*

Прости, чувак, показываю я в ответ, стараясь не улыбаться. Если ты собираешься говорить про неё, то мне придётся переводить ей всё, что ты скажешь. Я сжимаю его плечо. Такое правило придумали мои братья, и мы всегда ему следуем. Не нужно пользоваться языком жестов, чтобы обсуждать кого-то. Это язык общения. Так что, если ты хочешь, чтобы она ничего не знала, держи язык за зубами.

Предатель, показывает он. Но ухмыляется.

Рейган вспыхивает.

— Спасибо, Карл. Я думаю, что ты милый. — Я ещё никогда не видел, чтобы кто-то так широко улыбался, как сейчас Карл. Она смотрит на него. — Хочешь помочь мне принести хворост для костра?

Он кивает и уже направляет своё кресло в лес, хотя Рейган ещё и шагу ступить не успела.

— Как думаешь, стоит нам брать с собой своего переводчика? — спрашивает она, кивая в мою сторону.

Карл показывает мне: *Намёк понят. Ты остаёшься здесь.* И он поигрывает бровями.

Ни фига подобного, ослина, показываю я в ответ. Он смеётся. Это первый звук, который я от него услышала. *Она для тебя слишком взрослая.*

Может, ей просто нравятся мужчины помоложе.

Я оглядываюсь вокруг, как будто что-то потерял. *Что-то я не вижу здесь других мужчин. Зато вижу прекрасную даму и мальчишку, который надеется к ней подкатить.*

Пацан улыбается и кивает.

Я смеюсь. Она слишком взрослая для тебя. Так что отвали. Мы найдём тебе другую. Ту, что тебе по зубам.

Мои зубы крепче, чем ты думаешь.

Что есть, то есть.

Рейган, что идёт впереди нас, оборачивается.

— Вы там не задницу мою обсуждали? — спрашивает она без тени улыбки.

Гонзо показывает на меня, как будто хочет сказать, что я как раз этим и занимался.

Рейган улыбается и краснеет.

Предатель, показываю я ему, когда она отворачивается.

Он смеётся, чуть подпрыгивая в своём кресле.

Ну вот, теперь я куда и могу смотреть, так это только на задницу Рейган. Она классная. Как сказочная принцесса, что гуляет по лесу и собирает хворост. Набрав полные руки, она смотрит на Гонзо и спрашивает:

— Ты можешь быть моим героям и отвезти всё это к костру?

Карл кивает и позволяет ей переложить весь хворост себе на колени. Он разворачивается, чтобы уехать обратно, и оставляет нас вдвоём.

— Возвращайся быстрее, — кричу я ему.

Он поворачивается и показывает мне: *Руки прочь от моей девушки.*

Я прижимаю руки к бокам, а потом показываю ему большой палец.

Рейган оборачивается и протягивает мне руку.

— Я Рейган.

Она меня не помнит. Должен ли я напомнить ей? Но наверняка ей каждый день приходится бороться с воспоминаниями, чтобы забыть о той ночи.

Я беру её ладошку в свою, и по мне пробегает тепло. И это не потому, что за два года

я не прикасался ни к одной женщине. А потому, что эта девушка какая-то особенная. Она отдергивает руку и смотрит мне в глаза. Мне хочется спросить, почувствовала ли она то же самое. Она вытирает ладони о джинсы, и тут до меня доходит: у меня просто-напросто вспотели ладони. Я идиот.

— Пит, — говорю я.

— Почему ты называешь его Гонзо? — спрашивает она.

— А почему бы и нет? — Я продолжаю собирать прутья.

— Он милый.

— Он — гормоны на колёсах, — поправляю я её.

Она смеётся.

— По крайней мере, ты видишь в нём нормального подростка. Другие бы увидели только кресло. — Она качает головой и поднимает на меня глаза. Такое чувство, будто её взгляд проникает ко мне в душу. — Что делает тебя непохожим на остальных?

Если не учитывать мои татухи, пирсинг и тот факт, что меня только что освободили из тюрьмы? Я пожимаю плечами и смотрю, где Гонзо. Он уже возвращается.

— Я вижу обычного мальчишку, который хочет, чтобы с ним обращались как с мальчишкой. — Я окликаю его, когда он подъезжает ближе: — Эй, Гонзо! Можешь захватить ещё?

Пацан ухмыляется и кивает. Мы снова нагружаем его хворостом, и он уезжает к костру. Я поворачиваюсь к девушке.

— Ну, Рейган, а что делает тебя непохожей на остальных? — спрашиваю я. Мне хочется коснуться её, но я не осмеливаюсь, а вместо этого просто смотрю на неё. Наблюдаю за её губами и жду, когда она объяснит мне, в чём же смысл жизни.

Рейган

У него самые голубые глаза из всех, что мне приходилось видеть. Немного отвлекает его пирсинг, забирая на себя всё внимание от глаз, из-за чего приходится искать дорогу обратно. Обе его руки сплошь покрыты татуировками, от самых запястий до краёв рукавов футболки. Но они вновь показываются из-за ворота и поднимаются по его шее.

Он высокий и широкоплечий, а ещё немного пугающий. Но в то же время и нет. Он видел меня на пике уязвимости, однако сделал всё, в чём я так нуждалась.

— Я не думаю, что чем-то отличаюсь от остальных. Я такая же, как любой из этих подростков. — Она кивает в сторону домиков. — Ни лучше. Ни хуже. Те же страхи. Те же стремления. — Я пожимаю плечами.

Он медленно кивает и вновь принимается собирать хворост. Сзади на шее у него ещё одна татуировка. Массивными готическими буквами там выведено слово «СЭМ».

— Сэм — это твоя девушка? — вырывается из меня. Мне тут же хочется прикусить язык, но что сказано, то сказано.

— Сэм? — переспрашивает он.

Я тру заднюю часть шеи, а затем показываю на него.

— Татуировка.

Он улыбается.

— А, ты про это.

Но больше ничего не говорит. Я и так чувствую себя идиоткой за первый вопрос, так что не собираюсь расспрашивать его дальше.

— Так значит, ты приехала на каникулы из колледжа? — спрашивает он. Поверить не могу, что он меня не помнит. Я киваю.

— Где учишься? — Пит смотрит на меня и ждёт ответа. И что-то мне не припомнится, что какой-нибудь другой мужчина, с которым мне действительно хотелось поговорить, был ко мне так внимателен. Питу на самом деле интересно, что я скажу. Ну, или, по крайней мере, он хочет, чтобы я так думала.

— В Нью-Йоркском университете, — отвечаю я. — На предпоследнем курсе.

— Мой брат тоже там учится. — Он улыбается и спрашивает: — Логан Рид?

Однако университет большой. Шанс того, что я знакома с его братом, почти равен нулю. Но я знаю всё про всех его братьев, потому что задавала массу вопросов, когда разыскивала Пита.

Я качаю головой.

— Он глухой.

Я снова качаю головой. Я видела его лишь раз — вчера у тюрьмы, в университете мы ни разу не пересекались.

— Весь в татуах, как я. — Он опускает глаза на свои руки, и я ухватываюсь за эту возможность получше разглядеть все его татуировки.

— Можно взглянуть? — Мне не хочется сойти за невежку, но, правда, я сгораю от желания рассмотреть его. Хотя не хочу к нему прикасаться, только посмотреть.

Он ухмыляется.

— Смотри, но руками не трогай, — дразнит меня Пит. Как будто мысли мои читает. Моё сердце бьётся с глухим стуком. Уж кто-то, а я его точно не коснусь. — Потому что я предпочитаю, чтобы мои яйца оставались там же, где и сейчас.

Моё лицо вспыхивает, но я не собираюсь упускать шанс изучить рисунки на его коже. Смотрю на крест, внутри которого написано «Мама».

— Что она обозначает? — спрашиваю я.

— Моя мама умерла несколько лет назад.

Ещё на нём есть слово «Папа», к которому пририсованы крылья.

— Твой папа тоже умер?

— Он ушёл от нас после маминой смерти. — Пит застывает. Внезапно в нём

чувствуется напряжение, и я ненавижу себя за то, что принялась расспрашивать его.

— Сочувствую.

— Мне не нужно твоё сочувствие, принцесса.

Я фыркаю.

— Принцесса?

Он кивает, его взгляд задерживается на моих глазах, затем — на моих губах. Он облизывается и засасывает колечко в рот, поигрывая с ним языком.

— Принцесса, — медленно говорит он.

— Дальше от истины и быть не может, — отвечаю я. Он принял меня за кого-то другого.

— Сомневаюсь. — Пит смотрит на меня слишком долго. Мой желудок предательски сжимается.

Но вдруг до меня доносится треск веток и звук шагов. Я поднимаю глаза и вижу папу. С хмурым видом и тесаком в руке он направляется к нам. Пит тут же скрещивает перед собой руки и отступает от меня подальше.

— Ступай помоги с обедом, — рявкает на меня папа и впивается взглядом в Пита.

— Слушаюсь, сэр, — отвечаю я и улыбаюсь Питу, забирая у него хворост. — Увидимся, — шепчу я ему.

— Не уходи, — шепчет он в ответ. — Кто ещё защитит мои яйца?

— Это занятие не для принцесс. — Я ухмыляюсь ему и ухожу. Это очень сложно, но мне удается даже не обернуться.

Пит

Дерьмо. Теперь у меня проблемы.

— Было всего одно правило! — рявкает отец Рейган и поднимает палец. — Одно правило!

— Да, сэр. Я помню.

Я не удивлюсь, если его рот начнёт извергать пламя, а глаза вылезут из орбит.

— Если вы помните, мистер Рид, то как оказались наедине с моей дочерью, да ещё и в лесу? — Он практически нависает надо мной. Но после моих стычек с братьями мне уже ничего не страшно.

— Пит, — говорю я.

— Прошу прощения? — Мистер Кастер таращится на меня во все глаза.

— Меня зовут Пит. Наверное, нам лучше перейти на имена, если наши отношения становятся настолько близкими оттого, что вы собираетесь отрубить мне яйца. — Я показываю на тесак.

Он выдыхает, усмехается и качает головой.

— Мы просто собирали хворост, сэр, — говорю я.

Отец Рейган, прищурившись, вглядывается в моё лицо.

— Могу я тебе доверять? — спрашивает он.

— После лагеря я бы хотел вернуться домой, сэр. — И избавиться от этого грёбаного браслета на ноге.

— Хорошее воспитание, — бормочет он. — Где ты вырос? В приютах?

— Нет, сэр. У меня четыре брата.

— А твои родители?

— Ушли из жизни.

— Я знаю твою историю, но как ты оказался в тюрьме?

Он прямолинейный. Мне это нравится.

— По глупости. — Я пинаю камень, только чтобы не смотреть на него.

Отец Рейган кивает.

— По крайней мере, ты осознаёшь, что это глупость.

Я тяжело вздыхаю.

— Сэр, я отсидел своё. Не отсылайте меня обратно. Я обещаю, что не побеспокою вашу dochь и никому не позволю.

Отец Рейган смотрит мне прямо в глаза.

— Я тебе верю. — Он хватается за лист, висящий над его головой. — Моя dochь... она особенная.

Я не отвечаю, потому что этого и не требуется. Но я с ним согласен. Она слишком особенная, тем более для такого, как я.

Мистер Кастер показывает мне следовать за ним. Мы уходим обратно к костру. Рейган сидит на бревне рядом с креслом Гонзо. Он смотрит на неё так, словно впервые увидел девушку, а она смотрит на него, как на любого другого обычного пятнадцатилетнего пацана. Ну да, ему и правда пятнадцать, но я сомневаюсь, что ему часто приходится сталкиваться с таким обращением. Рейган поднимает глаза на своего отца и улыбается.

— Папа, это Гонзо, — говорит она, но Карл её не поправляет. По-моему, это прозвище ему понравилось.

Её отец протягивает ей руку, и Гонзо пожимает её. Наверное, и это ему приходится делать не часто. Он выглядит так, словно его удостоили невиданной чести, и я тут же понимаю, что сделаю всё на свете, чтобы он как следует провёл время в лагере. Карл заслуживает этого — пять дней побывать нормальным мальчишкой.

— Рейган, — обращается к ней отец и кладёт свою большую ладонь ей на макушку. Она в ожидании смотрит на него. — Ты знакома с Питом?

Рейган кивает и закусывает нижнюю губу.

— Немного.

— Не дай бог я снова поймаю тебя в лесу вместе с ним.

— Но пап, — жалобно произносит она.

— Или с Гонзо. Он выглядит ещё опаснее, чем Пит. — Мистер Кастер хмурится. Зато Гонзо улыбается от уха до уха.

Мистер Кастер грозит ему пальцем.

— Вы слышали меня, молодой человек? Руки прочь от моей дочери!

Он наклоняется и целует её в лоб.

— Я знаю, что она красотка, но лучше вам держаться от неё подальше. — Он несколько раз показывает пальцем то на меня, то на Гонзо. — Я с вас двоих глаз не спущу!

— Да, сэр, — стараясь сохранять серьёзный вид, отвечаю я.

Отец Рейган уходит. Я сажусь на бревно рядом с ней и смотрю на пламя. Солнце уже село, и золотисто-пурпурные переливы на небе сменились на тёмно-синее полотно, полное звёзд.

— Хочешь маршмеллоу? — спрашивает Рейган.

— Я родился и вырос в городе. Мы не жарим маршмеллоу. — Я качаю головой.

— Гонзо, а ты? — спрашивает она.

Тот кивает и потирает грудь, что на языке жестов означает «пожалуйста».

— Он будет только рад, — перевожу я Рейган. Гонзо улыбается.

Она накалывает на прут маршмеллоу и протягивает ему. Но его коляска не позволяет ему подъехать ближе к костру, а длины его прутика не хватает. Очевидно, это его немало расстраивает. Тогда я беру два прутика и делаю из них один длинный и отдаю ему.

— Хочешь, я тебе пожарю? — спрашивает его Рейган.

Он качает головой. *Я сам*.

Я закидываю голову и смотрю на звёзды. Но тут подходит компания мальчишек, среди которых есть и глухие. Следующий час я занимаюсь лишь тем, что стараюсь переводить их всех. Время пролетает, и уже поздно, гораздо позднее, чем я думал.

— Гонзо, если съешь ещё одну, то сам превратишься в маршмеллоу, — предупреждаю я. Либо его начнёт тошнить.

Ещё одну? Спрашивает он, поднимая палец.

— Если тебя тошнит, я убирать не буду, — со смехом говорю я.

Рейган накалывает на его прутик ещё одну зефирку. Он отказался уступать, несмотря на то, что другие дети тоже ждали своей очереди. А мне не хватило духу забрать у него прут.

Все дети ушли спать. Гонзо здесь один из самых старших. Из сумерек выходит его мама. Она уже приходила проверить его, когда прошли полчаса, о которых мы договаривались, но парень так веселился, что я отправил её назад. Сейчас её волосы распущены, черты лица разгладились. Она засунула руки в карманы — становится прохладнее.

— Ну что, Карл, готов ко сну? — спрашивает его мама.

G-O-H-3-O, показывает он по буквам. Я смеюсь и качаю головой.

— О, значит, теперь ты Гонзо? — Она упирается руками в бока. — У тебя отличное имя. Не знаю, почему ты хочешь, чтобы тебя звали по-другому.

Я пихаю Карла в плечо.

— Чувак, это был наш секрет.

Затем я перехожу на язык жестов. *От тебя не требуется всё рассказывать своей маме*. Тут я поднимаю руки вверх, словно спрашивая: «Какого чёрта?» Хотя отлично знаю, что его мама понимает язык жестов.

Он смеётся. *Спасибо за сегодняшний вечер*. И смотрит мне прямо в глаза. Обычно он очень дёрганный, но прямо сейчас его взгляд говорит мне больше, чем слова или жесты, и прямо сейчас он очень спокоен и серьёзен.

Я смотрю на Рейган.

— Он благодарит тебя за сегодняшний вечер.

Она улыбается и кивает.

— Всегда пожалуйста.

Гонзо показывает на меня. *Не смея приставать к моей девушке, когда я уйду.*

Я поднимаю руки в знак капитуляции.

— Обещаю, что не буду приставать к Рейган, когда ты уйдёшь. Буду делать это только в твоём присутствии.

Предатель, показывает он.

— Чувак, я тебя предупреждал. — Но я смеюсь. Рейган вжимает голову в плечи и старается ни на кого не смотреть.

— Спокойной ночи вам обоим, — говорит мама Гонзо. А сам он машет нам рукой и уезжает вслед за ней.

— Ты и правда отлично с ним ладишь, — тихо говорит Рейган.

— Его легко полюбить.

Рейган поднимает прут, который оставил Гонзо, и накалывает на него маршмеллоу, а затем протягивает мне.

— Ну давай, городской мальчишка. Это будет первый раз, когда ты пожаришь зефир.

— Ну, будь я проклят, — говорю я, забирая у неё прутик, — это будет мой первый раз с тобой.

Она замирает.

Дерьмо. Я сделал ошибку.

— Я просто пошутил, — спешу поправить ситуацию. Я наблюдаю за её лицом, но она смотрит куда угодно, только не на меня. — Мне не следовало этого говорить. Всухую точно.

Я ещё не опустил прут к костру. Она робко протягивает руку и берёт мою ладонь в свою. Затем подвигает ближе к костру.

— Вот так, — шепчет Рейган. Её рука дрожит, но она не отпускает меня.

— Ты в порядке? — мягко спрашиваю я.

Она улыбается мне в темноте.

— Я в порядке.

Я втягиваю в себя воздух, потому что не знаю, как лучше спросить.

— Нет, — говорю я. Она смотрит на меня. — После той ночи. Ты в порядке после того, что случилось той ночью?

Я чувствую, как она напрягается рядом со мной.

— Значит, ты меня помнишь, — шепчет она.

— Я думаю о тебе всё время, гадая, что случилось после того, как ты уехала.

Рейган медленно выдыхает, словно пытаясь успокоиться.

— Спасибо тебе за то, что ты сделал.

— Пожалуйста.

Мне не нужна её благодарность, но, похоже, она долго ждала, чтобы сказать мне это. Я наблюдаю за тем, как поджаривается зефир, как его кремовая поверхность становится коричневой. Но вот его охватывает фиолетовое пламя, и Рейган отдергивает наши руки и поднимает маршмеллоу к своим губам, чтобы сдуть огонь.

Она сжимает губы и дует, и внутри меня что-то шевелится. Я так сильно хочу поцеловать её, что практически ощущаю её вкус.

— Я не знаю тебя, но у меня такое чувство, что мы давно знакомы. После той ночи ты словно стала частью меня. — Мои слова звучат глупее некуда, и я тут же прикусываю язык, чтобы не сморозить ещё какую-нибудь глупость.

— Я чувствую то же самое, — отвечает она. — Не знаю, станет ли тебе от этого легче. По крайней мере, я не одинок в своих чувствах.

— Я бы отдал всё на свете, чтобы поцеловать тебя прямо сейчас, — тихо говорю я. Дерьмо. Я правда сказал это вслух?

Рейган улыбается, по-прежнему не глядя на меня. Она выглядит так, как будто...

сожалеет?

— А я бы отдала всё на свете, чтобы ты этого не делал, — так же тихо отвечает она.
Прут с маршмеллоу склоняется в мою сторону.

С тем же успехом она могла двинуть мне под дых. Прошло два с половиной года.

— Ты ведь не позволила ему украсть у тебя всё, ведь так? — Надеюсь, что нет. Если да, то он победил. Он насильно взял её тело, но вместе с тем взял нечто большее.

— Я искала тебя после той ночи, — говорит Рейган.

— Я попросил своих братьев выяснить что-нибудь о тебе, когда сел в тюрьму, — признаюсь я и смотрю в её глаза, когда она поднимает их на меня. — Нет-нет, никакого маниакального преследования не было.

Рейган смеётся.

— Ты собираешься это есть? — спрашивает она, кивая на зефир.

— Он сгорел. — Она не хочет говорить о той ночи, я тоже не против.

— Некоторые любят маршмеллоу именно таким. — Я успел увидеть достаточно детей, которые ели обугленные зефирины, чтобы знать, что она говорит правду. — Если не будешь, то я съем. — Она вопросительно поднимает брови.

— Давай, принцесса, — говорю я. Рейган снимает маршмеллоу с прутика, отрывает половину корочки, а остальное протягивает мне, говоря что-то о горячем, липком и сладком.

— Попробуй.

Сейчас я готов сделать всё, о чём бы она ни попросила.

Поэтому ем маршмеллоу.

— Не понимаю, почему людям нравятся такие штуки. Не так уж и вкусно.

— Завтра вечером мы будем делать сморы. — Она в предвкушении потирает руки.

— А это что ещё за хрень? — спрашиваю я.

Рейган смеётся, закинув голову. Её волосы спадают по спине, и мне хочется сбрить их и обернуть вокруг кулака, чтобы убедиться, что они настолько же мягкие, насколько выглядят.

— Сморы — это сэндвич из поджаренного маршмеллоу и квадратиков шоколада между хрустящего печенья.

— Шоколад всё сделает едой, — отвечаю я. Так говорила моя мама. Не знаю, почему мне захотелось произнести это вслух.

— Правда. — Больше она ничего не говорит.

Так мы и сидим молча, тишину нарушают лишь треск костра, стрёкот сверчков и вопль какого-то мальчишки, который зовёт вожатого. Прежде, когда я был наедине с девушкиной, мне хотелось лишь одного — избавить её от одежды. Уже два года я не был внутри женщины, но в эту секунду даже представить не могу, что это может быть лучше происходящего прямо сейчас.

— Прости, если я смутил тебя, спросив о поцелуе, — наконец говорю я.

Она фыркает.

— Ты хотя бы спросил.

— Хорошо, что тебе понравилось, потому что, вероятно, я буду спрашивать до тех пор, пока ты не разрешишь.

Рейган смеётся и качает головой.

— Ты обещал Гонзо, что будешь приставать ко мне, только когда он будет поблизости.

— Так пойдём его разбудим. — Я делаю вид, что собираюсь подняться на ноги, и Рейган касается моей руки, чтобы остановить меня. И я снова чувствую этот трепет. Я сажусь, но в этот раз уже ближе к ней.

Она какое-то время просто молчит, а потом говорит:

— Так хорошо.

Я протягиваю руку, чтобы убрать прядь её волос за ухо, но Рейган отшатывается.

— Я тебя пугаю? — Я ведь недавно вышел из тюрьмы. Но тут нечто большее, я уверен. После всего, что с ней случилось, в её голове, должно быть, полно серьёзного

дерьма.

Рейган поднимает взгляд, её зелёные глаза сверкают в свете костра.

— Мне просто не нравится, когда меня касаются. — Она пожимает плечами. — Вот и всё.

— Принцесса, мы можем поработать и избавить тебя от этого, а? — Эти слова звучат почти шёпотом. На её глаза наворачиваются слёзы, и она отчаянно моргает, чтобы не заплакать. Мне хочется коснуться её, но что-то подсказывает мне, что это будет плохим ходом.

— Всё дело во мне, — говорит Рейган. — Не в тебе. — Секунду она молчит. — Я уверена, что ты потрясающе целуешься. И я упускаю такой шанс! — Она прижимает ладонь к груди. Дразнит меня.

Но это лучше, чем то, что было мгновение назад. С такой Рейган куда проще. Хотя мне очень хочется наполненных эмоциями перешептываний.

— Много женщин ты целовал?

Упс. Уверен, она не хочет узнать правду.

— Несколько.

— Несколько сотен? Несколько тысяч? — Рейган смеётся, издавая при этом гулкий, дребезжащий звук.

— Нескольких, — повторяю я.

— Не появляется ли ощущения обыденности после некоторого времени? В том смысле, что после нескольких тысяч раз твоё сердце больше не хочет выпрыгнуть из груди? Я усмехаюсь.

— Нет, если всё делать правильно. — Я чуть меняю позу, наклоняясь вперёд над коленями. Её шёпот и жаркие взгляды определённым образом действуют на меня, и будь я проклят, если она увидит, как именно. — А когда ты целуешь мужчину, чувствуешь, что твоё сердце готово выпрыгнуть из груди?

Она качает головой.

— Нет.

— Тогда почему ты спрашиваешь?

— Потому что я чувствую это сейчас. — Она встает на ноги, а мне хочется схватить её и притянуть к себе. — Лучше я пойду спать.

Рейган потягивается, и мне становится видна полоска кожи между её кофтои и джинсами. Я протягиваю руку и тяну её кофту вниз. Она прикрывает живот рукой, словно ей хочется защититься от моего прикосновения.

Она смотрит мне прямо в глаза. Но молчит.

— Я уже могу тебя поцеловать? — вырываются из меня. Боже, можно подумать, что я никогда в своей жизни не видел девушек.

— Нет, — смеётся Рейган.

— Можно мне спрашивать и дальше?

Она кивает. Это быстрый, почти неуловимый жест, а ещё она закусывает нижнюю губу и улыбается.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — говорю я уже её спине. Она уходит в темноту, и та поглощает её.

Рейган

Я подхожу к дому на ватных ногах. Войдя через дверь кухни, обнаруживаю за столом родителей, сидящих с чашками кофе. Они тихо о чём-то разговаривают.

— Весело было? — спрашивает мама и смотрит на меня поверх чашки. Мы с ней очень похожи — у неё такие же тёмно-русые волосы и загорелая кожа. Папа говорит, что, когда они познакомились, мама выглядела точно так же, как я сейчас.

Её волосы такие же прямые, как у меня, она такая же высокая и стройная, даже несмотря на прошедшие годы.

Я кивком отвечаю на её вопрос.

— Мы жарили маршмеллоу.

Мама выгибает бровь.

— А, сейчас это так называется? Во времена моей молодости это было просто флиртом.

Моё лицо тут же вспыхивает.

— Я не флиртовала.

— Угу, — мычит она, но улыбается.

— Оставь её в покое, — шутливо рычит папа.

— И как его зовут? — не отстает мама.

Я прикидываюсь дурочкой.

— Гонзо.

Папа фыркает.

— Гонзо — это пятнадцатилетний паренёк, что постоянно отирается рядом с Питом, наставником мальчишек из исправительного учреждения.

— Пит, значит? — спрашивает мама. Она знает, что именно Пит нашёл меня тогда.

— И какой он?

Я пожимаю плечами.

Она хмурит брови.

— Он вызвал в тебе странные ощущения?

— Мам, — предупреждающе отзываюсь я, — хватит.

— Пит — наставник или бывший заключённый? — Мама с любопытством смотрит на папу.

Папа кивает.

— Он освобождён условно-досрочно.

Мама делает резкий вдох. Папа бросает на неё быстрый взгляд.

— Он ведь не сделал ничего жестокого? — спрашивает она.

У меня ёкает сердце. Оно делает кульбит, а затем полностью останавливается. Я даже дышать не осмеливаюсь до тех пор, пока не слышу ответ.

— Я бы не пригласил его, если бы он сделал что-либо связанное с насилием. — Папа указывает на стопку папок рядом со своим локтем. — Я только что закончил вновь читать его дело, чтобы посмотреть, могу ли ещё чем-то ему помочь. — Он указывает на досье. — Хочешь, я дам тебе пробежаться глазами по документам?

Я качаю головой.

— Мне это не нужно. — Уж лучше я услышу всё от Пита. — Он кажется приятным человеком. — Я вперяюсь взглядом в отца. — Хотя папа и угрожал ему кастрацией.

Мама давится кофе.

— Эй, но это же работает, — ухмыляясь, отвечает папа.

Мама подталкивает меня за локоть.

— А как дела с Чейзом?

Я качаю головой.

— Он не в моём вкусе.

— Но зато Пит в её вкусе, — напевает папа.

Я поднимаю прутик, который он бросил на стол, и кидаюсь им в него, но на моих губах танцует улыбка.

— Он был очень милым. И я обещаю, что не забеременею. — Я быстро поднимаюсь на ноги, пока эта мысль ещё обживается в папиной голове. Прощебетав родителям спокойной ночи, я начинаю подниматься по лестнице.

— Питу будет крайне тяжело сделать тебя беременной, если я отрежу ему яйца, — кричит мне вслед папа.

Я смеюсь и качаю головой.

Уже на верхней ступеньке я останавливаюсь и прислушиваюсь.

— Они сидели очень близко друг к другу у костра, — говорит мама. — Я наблюдала из окна. — Пауза. — Она позволила ему коснуться себя?

— Нет, но она касалась его. — Папа тяжело вздыхает. — И она даже не попыталась ударить его в горло.

Отлично. Я могу быть немного агрессивной. Это всё началось с тех пор, как я попала на первое занятие курсов по самообороне.

А затем я поняла, что восточные единоборства — это моё. И не моя вина, что некоторые так и напрашиваются на то, чтобы я их ударила.

— Это уже начало, — бормочет мама.

Я качаю головой. Лично я ничего не начинала. Он просто тот мужчина, от которого мне не хочется бежать в противоположном направлении. Вот и всё. И больше ничего. И это странно, потому что если бы я судила о нём по его внешности, то точно бежала бы прочь из всех сил.

— Похоже, он хороший парень, — снова тяжело вздохнув, говорит папа. — Просто он совершил глупость.

— И он такой секси со всеми этими татуировками, — говорит мама, хихикая, и до меня доносится папин рык. Мама взвизгивает, и я ухожу. Здесь слушатели больше ни к чему.

Я останавливаюсь у спальни Линкольна и стучу о дверной косяк.

— Входите, — отзывается брат, хотя дверь всё равно открыта.

Он сидит на полу и складывает кубики, чтобы сделать башню. Но башни Линка не похожи на остальные. Это сложные произведения искусства, основанные на численных теориях и прочем, чего я не понимаю.

— Сегодня тебе было весело? — спрашиваю я.

Это был подготовительный день, и по-настоящему лагерь заработает только завтра, но Линкольн уже погулял и посмотрел на людей, которых увидит завтра. Я вхожу в его комнату и осторожно присаживаюсь на краешек стула. Он кивает. Линк смотрит в мою сторону, но не в глаза. Он вообще очень редко смотрит людям в глаза. И когда он так делает, зачастую это оказывается ошибкой. И часто заканчивается эмоциональным срывом.

— Познакомился с кем-нибудь?

Брат снова кивает. Он говорит только тогда, когда сам того захочет.

— Люблю тебя, — говорю я. Линк поднимает глаза, почти встречаясь со мной взглядом, потому что смотрит на моё ухо.

— Я тоже тебя люблю, — тихо говорит он.

Пит

Тепло от огня обжигает ноги, отчего они зудят. Я чешусь, слегка ослабив дискомфорт. Я сижу здесь с тех пор, как она ушла, а уже прошло достаточно много времени. Сначала я даже думал, что она, возможно, вернётся. Но, чёрт, я, похоже, сам всё это придумал; я ей не интересен. Смотрю на большой дом, в котором она живёт. Он до омерзения идеальный. Забор из белого штакетника. Несколько гектаров земли. Холмистые пастбища. Прямо-таки пейзаж из «Энн из Зелёных крыш»³. Я не читал книгу. Только видел несколько серий, снятых «Пи-би-эс»⁴, когда мама их смотрела. Они шли сразу за «Улицей Сезам». Мне больше нечего было заняться, поэтому я сидел с ней и смотрел. Мои братья издевались надо мной из-за этого, но мне было плевать.

Бревно, на котором я сижу, пошатывается, потому что кто-то садится рядом. У меня замирает сердце, но я тут же замечаю, что это всего лишь Фил. Он проводит рукой по своим отросшим волосам и тяжело вздыхает.

— Как дела, Пит? — спрашивает он.

Сейчас пламя костра превратилось в тлеющие угольки. Хотя рядом по-прежнему очень жарко.

— Нормально.

— Ты хорошо поработал сегодня вечером. — Фил косится на меня.

— Я не сделал ничего особенного.

— Вообще-то, лагерь начинает действовать с завтрашнего дня. — Он смотрит на меня. — Ты готов?

— Думаю, да. — Я пожимаю плечами и откидываю камень носком ботинка.

— Это тебя я видел беседующим с Бобом?

Я поднимаю глаза.

— Кто это?

Фил показывает на главный дом.

— Боб Кастер. Владелец фермы.

— А, да. — Я ни разу не слышал, чтобы кто-то называл его Бобом. — Он застукал меня, когда я разговаривал с Рейган. — Я улыбаюсь. Лишь от одной мысли о ней мои губы растягиваются в ухмылке, а я даже пальцем её не коснулся.

Фил присвистывает.

— Лучше соблюдай осторожность. Я видел, как он справлялся с парнями и покрупнее тебя.

Я фыркаю. Вряд ли меня ждёт такая участь.

— Ты напоминаешь мне его в те времена, когда он был молодым. Такой же здоровый, пугающий парень с чертовски огромным самомнением.

— Вы так давно знакомы?

— Двадцать пять лет назад он был как ты. — Фил кивает, когда я смотрю на него.

— Как я?

— Только что вышел из тюрьмы, его переполняли гнев и недовольство, он всё время был готов ввязаться в бой. У него было столько гонора, я в своей жизни никогда не встречал никого с похожим норовом. — Фил смеётся. — Я был его инспектором по надзору.

— Ничего себе, — отвечаю я. — Что он сделал, что оказался в тюрьме?

Фил пожимает плечами.

— Глупую ошибку, совсем как ты.

— Только у меня нет такого самомнения, — поправляю я Фила. Я хорошо себя веду.

³ «Энн из Зелёных крыш» или «Аня из Зелёных Мезонинов» (англ. Anne of Green Gables) — первый и самый известный роман канадской писательницы Люси Мод Монтгомери, опубликованный в 1908 году и неоднократно экранизировавшийся.

⁴«Пи-би-эс» (англ. PBS, Public Broadcasting Service) — американская некоммерческая общественная служба телевизионного вещания.

Прояви я хоть каплю дерзости, и мои братья тут же надрали бы мне зад. В частности, Пол.

— У тебя талант ладить с детьми. Тем более с особенными детьми. Ты никогда не думал о работе в социальной сфере? Ты смог бы помочь массе людей.

На самом деле я никогда ни о чём таком не задумывался. Мне всегда было страшно планировать что-то наперёд из-за того, что кто-то или что-то могло встать на моё пути.

— Даже не знаю, — увиливаю я от прямого ответа.

— Тогда поразмысли об этом. У тебя есть время. — Он умолкает, но эта пауза не причиняет дискомфорта. — А чем ты планировал заниматься после этого лагеря?

Я пожимаю плечами.

— Возможно, поступить в колледж. Не знаю. — Аттестат о среднем образовании я получил уже за решёткой, но колледж — дорогое удовольствие, а у моей семьи не так уж много денег. — Я работаю со своими братьями в нашем тату-салоне. — Я поднимаю глаза на главный дом. На втором этаже как раз зажёгся свет. Интересно, это комната Рейган? Фил улыбается, когда замечает, куда я смотрю.

— Что происходит между тобой и Рейган? — спрашивает он.

— Ничего.

Пока.

— Она тебе нравится? — Он словно пёс, учивший кость. Не остановится, пока не сгрызёт.

Я пожимаю плечами.

— Будь осторожен с ней, ладно?

— Почему? Что в ней такого? — Неужели всем известно, что с ней стряслось?

— Она опасается мужчин.

— Тогда она в самом, чёрт подери, идеальном месте, где можно держаться от них на расстоянии. — В лагере полно мужчин и мальчишек.

Невероятно разумно.

— Она здесь из-за детей.

— Я тоже здесь из-за детей, — напоминаю я Филу.

Он кивает.

— Просто будь осторожным.

Именно так я и намереваюсь себя вести.

Фил поднимается на ноги и потягивается.

— Так странно находиться здесь, — тихо говорю я. Я был заперт в камере в течение двух лет. — Даже толком не знаю, что с собой делать. — Я оглядываюсь по сторонам. — И со всем этим открытым пространством.

Два года я не имел выбора. Ел, когда мне говорили есть, принимал душ, когда мне говорили принимать душ. Это место — прямая противоположность тюрьме, и я чувствую себя немного не в своей тарелке.

Фил снова садится.

— Расскажи мне, что ты чувствуешь.

— Так теперь вы доктор Фил⁵? — сдавленно усмехаюсь я. Но что-то в его серьёзном выражении лица заставляет меня воздержаться от дальнейших комментариев.

— Какие у тебя отношения с братьями? — спрашивает он. Уж лучше бы я поговорил о своих грёбаных чувствах.

— Нормальные, — резко отчеканиваю я.

— У тебя их четверо, да?

Я киваю.

— Трое старших — Пол, Мэт и Логан. И мой одногодка, Сэм. Мы близнецы. Вот только сейчас он учится в колледже по стипендии и играет в футбол, а я здесь.

⁵ Доктор Фил — имеется в виду популярный американский психолог, писатель и телеведущий Филипп Кэлвин «Фил» Макгроу, который стал известен благодаря собственному телешоу «Доктор Фил», где проводил беседы с участниками и предлагал решения их проблем.

— Почему ты говоришь об этом с такой горечью? — спрашивает Фил.

Сэм был со мной, когда меня поймали разгружающим тот грузовик. Мы оба были там. Мы оба брались за случайную работу, которую предлагал нам один мужик из нашего района. Да, это было незаконно, и да, меня поймали. Но Сэм тоже был там, когда всё произошло. Я велел ему убегать. Меня арестовали. Я отправился в тюрьму. А Сэм нет. Сэм играет в футбол и живёт жизнью, которую я хотел для себя.

— Нет никакой горечи, — выдавливаю из себя я. Не Сэм виноват в том, что у меня за спиной висел рюкзак, набитый наркотиками. Меня арестовали за хранение с целью дальнейшей продажи. Теперь я останусь преступником до конца своей жизни.

Фил кивает. Тишина между нами внезапно становится гнетущей. Совсем не так, как было между мной и Рейган.

— Мэт — это тот, который болен? — спрашивает он.

Мне не хочется говорить о Мэте. Он чуть было не умер, а для дальнейшего его лечения требовались деньги.

Очередной курс химиотерапии спас ему жизнь, пока. Но, возможно, в дальнейшем ему понадобится ещё. Именно поэтому я начал работать с Боуном, которому принадлежали те товары, что я разгружал. И он был тем, кто дал мне наркотики для продажи.

Он причина того, что я здесь. Если уж на то пошло, я сам этому причина. Но и без него тут не обошлось.

— Да, Мэт был болен.

— Как у него дела сейчас?

Мэт писал мне каждую неделю. Рассказывал о жизни братьев и Эмили, и всегда говорил, что с ним всё хорошо. Но когда я сел, никто понятия не имел, будет ли всё так сказочно.

Когда я приехал домой прошлым вечером, всё было отлично. Только Сэм остался в колледже.

— Лучше, — отвечаю я.

— А как остальные?

— Нормально. — Я делаю глубокий вдох, потому что Фил смотрит на меня так, словно ждёт, когда я расскажу ему всю историю своей жизни. — Логан собирается жениться. — Тут мои губы растягиваются в улыбке. — Я до чёртиков обожаю его невесту. Она офигенная. Её зовут Эмили, она играет на гитаре. И она создана для него.

— Они продолжали жить без тебя, — говорит Фил. Он не смотрит на меня, и выражение его лица никак не меняется.

— А они должны были дождаться меня и только потом начать жить полной жизнью? — спрашиваю я, понимая, что мой тон пропитан сарказмом, но ничего не могу с этим поделать.

— А они бы так сделали?

Я фыркаю.

— Я слишком сильно их люблю, чтобы просить о таком. — Я сглатываю ком в горле.

— А что насчёт Сэма? — мягко спрашивает Фил.

От одного его имени внутри у меня всё сжимается. Он же моя вторая половинка. Мы были вместе с самого нашего рождения. Мы делили одну комнату до тех самых пор, пока меня не арестовали. Потерять его было всё равно, что потерять частичку себя.

— Я не видел Сэма с тех пор, как огласили приговор, — тихо отвечаю я.

— Но в тот момент он был там?

Я киваю. Он всё время был там. Вот только я отказывался говорить с ним. Отказывался отвечать на его письма, и, в конце концов, он совсем перестал писать. Я отказывался видеться с ним, когда он приходил в тюрьму, и, в конце концов, Сэм перестал приходить.

— Почему ты злишься на него? — Фил цыкает. — Ты *сердишься*, потому что арестовали только тебя.

Я качаю головой.

— Нет.

— Тогда что ты чувствуешь?

Я никогда не произносил этого вслух.

— Я ревную, мать вашу, ясно? — огрызаюсь я. Фил поднимает бровь, но больше никак не реагирует на мой выпад. Я тяжело вздыхаю и заставляю себя разжать кулаки. — Не его поймали. — Я бью кулаком в грудь. — Меня поймали, чёрт подери. Идиот, идиот, — шепчу я уже себе под нос.

— Он знал, что ты собирался подработать дилером? — спрашивает Фил.

Я качаю головой. Никто не знал. Той ночью я просто взял сумку и всё. И даже не успел ничего продать.

Я даже почти убедил себя вернуть наркотики Боуну, когда нас поймали.

— Зачем тебе это было нужно?

Я делаю глубокий, успокаивающий вдох.

— Лечение Мэта было дорогостоящим. Я не смог придумать никакого другого способа, чтобы помочь ему.

Фил кивает. Медленное движение его головы вверх-вниз. Он не смотрит на меня и ничего не говорит.

— Вы понятия не имеете, каково это — знать, что твой брат вот-вот умрёт, а ты, на хрена, ничем не можешь ему помочь. — Я снова заставляю себя разжать кулаки.

— Нет, не имею, — признаётся он. — Ты тоже принимал наркотики? Или просто торговал ими?

Я фыркаю.

— Если бы я только подумал о том, чтобы принимать наркотики, Пол отделал бы меня до неузнаваемости.

— Думаю, мне нравится Пол. — Наконец Фил смотрит на меня и улыбается. — Похоже, когда ты вернёшься домой, тебя ждёт хорошая поддержка. — Он быстро потирает ладони. — Ещё пять дней!

— Пять дней, — улыбаясь, повторяю я.

— Могу я предложить тебе кое-что?

— Как будто я могу вас остановить, — бормочу я.

Фил ухмыляется.

— И то правда. — На минуту он умолкает, а затем говорит: — Не бойся строить планы, Пит. Загадывай наперёд как можно больше. Потому что ты забудешь, куда шёл, если у тебя нет никаких планов. Запиши их. Сделай осозаемыми. А затем иди к своим целям. Доведи всё до конца.

Я киваю.

— Хорошо. — Я опускаю глаза на браслет, сжимающий лодыжку. — Пока мы здесь, я свободен? Я могу гулять и ходить, куда захочу?

Фил кивает.

— Я узнаю, где ты, если мне понадобится тебя найти. Но да, ты можешь считать себя свободным.

Он кашляет в кулак.

— Только будь осторожен с Рейган, — снова предупреждает меня Фил, а затем поднимает руку, когда я собираюсь возразить. — Тебе двадцать один. Из них два года прошли в тюрьме. Думаю, ты потерял девственность довольно давно. — Он простирает горло. — Просто помни, что это больше, чем одномоментное удовольствие.

Теперь мне хочется поприкалывать над ним.

— Поясните, доктор Фил.

— Жизнь состоит не только из тех моментов, что должны приносить удовольствие тебе и только тебе. Это ещё и те мгновения, которые ты разделяешь с кем-то другим, кто тебе действительно важен.

Чёрт. Получилось очень глубокомысленно.

— Да, сэр, — говорю я.

— Что случилось с твоим отцом, Пит? — спрашивает Фил.

— Он бросил нас после маминой смерти.

— Он упустил кое-что чертовски важное, оставив вас, — говорит Фил. — Он мог бы остаться и испытать все эти мгновения с тобой и твоими братьями, и его жизнь стала бы куда богаче.

— Мне и так было хорошо. — Сомневаюсь, что наша жизнь как-то изменилась, если бы он остался. Пол наверняка продолжал бы заботиться о нас. Он всегда это делал.

— Помни о моментах радости, которые ты можешь подарить кому-то другому, — постучав пальцем по лбу, говорит Фил. — Так что, прежде чем что-то сделать, спроси себя, кому именно это принесёт пользу.

— Да, сэр.

Тут он показывает в сторону главного дома.

— Кстати, о моментах, — Фил ухмыляется. — Как раз в этот самый момент кто-то выскользнул из дома и направляется к амбару. — Он сжимает моё колено и поднимается на ноги. — Всегда пожалуйста, — со смехом говорит он и уходит.

Я смотрю в сторону амбара и вижу, как к большому строению быстро идёт женская фигура. Я оглядываюсь по сторонам. В лагере тихо, все спят. Я наблюдаю за тем, как фигура проскальзывает в открытую дверь и закрывает её за собой.

Я спрашиваю себя, не полезна ли ей будет небольшая компания.

Рейган

Я стараюсь не смотреть в сторону костра, пока пробираюсь к амбару. Пит ещё там, и он не один. Мне видно силуэты двух мужских фигур, но я не знаю, кто там с ним. Я хлопаю себя по ноге, чтобы Мэгги следовала за мной. Она уже старая и видит не так хорошо, как раньше, но в темноте с ней я чувствую себя в безопасности. Она никому не позволит обидеть меня, и я люблю её за это. Мне не приходится волноваться о том, что за мной кто-то идёт, а я об этом даже не догадываюсь.

Я захожу в амбар и закрываю за нами дверь. Мэгги ходит вокруг меня, её чёрно-белая шерсть резко контрастирует с приглушёнными цветами внутри амбара. Я прыгаю в её сторону, и она игриво начинает пританцовывать назад.

Даже несмотря на свой почтенный возраст, она всё ещё может бегать кругами вокруг меня.

Я подхожу к двери в стойло и перегибаюсь над верёвкой, что блокирует проход. Одна из наших лошадей вот-вот должна ожеребиться. Её зовут Текила, она моя любимица.

Она пока ещё не ложится и не потеет, так что, думаю, жеребёнок родится не сегодня. Я подныриваю под верёвку и нежно поглаживаю её за ушами. Она тычется мордой в мою ладонь, и я смеюсь.

Вдруг Мэгги, которая стоит рядом со мной, замирает, а шерсть на её загривке становится дыбом. Она низко рычит, и я перестаю гладить Текилу и встаю ближе к ней. Сердце в моей груди начинает глухо колотиться.

— Эй? — раздаётся чей-то голос. Мэгги чуть пригибается, готовая ринуться вперёд, и её рычание становится ещё более злобным. Боже, я обожаю эту собаку! Тень двигается ближе, и Мэгги предупредительно лает.

— Вот дермо, — говорит голос, и тень отходит назад.

— Кто здесь? — спрашиваю я.

— Это Пит, — отвечает голос.

От облегчения мои плечи опускаются, и я заставляю себя сделать глубокий вдох. Но не выпускаю из рук повод Текилы и не выхожу из-за неё.

— Тебе не следует здесь быть, — говорю я.

— Ну, я с радостью уйду, только отзови свою зверюгу, — отвечает он.

Мэгги припадает к земле и крадётся вперёд, исходящие от неё звуки пугают даже меня.

— Пожалуйста, — добавляет Пит дрогнувшим голосом.

— Мэгз! — прикрикиваю я. Она оборачивается и смотрит на меня. Я хлопаю по ноге, и собака тут же оказывается рядом. Я поглаживаю её мягкую шерсть.

— Хорошая девочка, — хвалю я её. Мэгги прислушивается ко мне, но она остаётся настороженной, хотя больше не хочет никого убить.

— Напомни мне никогда даже слово не говорить тебе в темноте, — говорит Пит и вытирает лоб ладонью.

Я смеюсь.

— Сомневаюсь, что тебе понадобится напоминание. — Я указываю большим пальцем на ванную комнату в дальнем конце амбара. — Тебе не нужно поменять штаны? — Мои губы растягиваются в улыбке. Я пытаюсь бороться с ней, но это невозможно.

Пит смотрит на свои шорты.

— По-моему, пока со мной всё нормально. — Он опускается на колени и протягивает руку Мэгги, чтобы она понюхала её. — Но если сейчас она отгрызёт мне палец, я запою по-другому, — смеётся Пит.

Мэгги медленно приближается к нему. Она всё ещё насторожена, но спокойна. Не уверена, что мне нравится идея того, что моя собака подружится с незнакомцем.

— Мэгз, — окликаю я её, и она подбегает ко мне. — Не пытайся запудрить мозги моей собаке и понравиться ей, — предупреждаю я.

Он поднимает бровь.

— Её обучили защищать меня, — спешу объясняться я. Она каждый раз уезжает со мной в город, хотя здесь, на ферме, ей нравится больше. Но она нужна мне. Во многих смыслах.

Пит кивает, опираясь на открытую дверцу стойла. Его руки засунуты в карманы.

— Я увидел тебя и подумал, может, тебе понадобится компания.

— У меня уже есть компания, — отвечаю я. Пусть я похожа на злючку, но у костра мы как-то слишком сблизились, и это сближение ещё до сих пор действовало на меня.

— Как его зовут? — кивая в сторону лошади, спрашивает Пит.

Мои губы растягиваются в непроизвольной улыбке.

— Её зовут Текила, — отвечаю я и ласково почёсываю свою лошадь.

Пит подходит ближе, и Текила бьёт хвостом ему по лицу. Он отмахивается от него и отплёвывается, вытирая рот. Я смеюсь.

— Ты не часто бывал рядом с лошадьми, да? — спрашиваю я.

— Я даже не был с ними в одном помещении, — отвечает Пит, большим и указательными пальцами убирая с языка шерсть. Он снова сплёвывает и, наконец, вновь утерев рот рукой, выглядит удовлетворённым.

— Вот и ещё один первый раз со мной, — говорю я. Но тут же осознаю свою ошибку и пытаюсь исправить положение. — Я хотела сказать...

Но он поднимает руку и ухмыляется.

— Эй, если бы я мог отдать тебе все свои первые, то так бы и сделал. — Наши взгляды встречаются, и между нами проскакивает искра.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Я бы тоже хотела иметь возможность выбирать, кому отдать свой первый раз. Но её у меня не было. И мне приходится напомнить себе, что всё это давно в прошлом.

— Ты в порядке? — нахмутившись, спрашивает Пит.

Я киваю.

— В порядке.

Я выхожу из-за Текилы. Мэгги по-прежнему стоит между нами, а она никому не позволит обидеть меня. У Текилы закончилась вода, поэтому я беру шланг и наполняю её поилку. Пит отскакивает, когда я случайно обливаю его обувь.

— Прости. — Я правда не специально. Закусив нижнюю губу, избегаю встречаться с ним взглядом.

— Немного воды ещё никого не убило, — пожимая плечами, говорит Пит. Мне кажется, я даже услышала, как он пробормотал что-то типа того, что ему всё равно не помешало бы охладиться, но, возможно, я просто пыталась выдать желаемое за действительное. Пит ухмыляется мне. Он чертовски милый. Я знаю, что у него ярко-голубые глаза, но в приглушенном свете амбара они кажутся сапфировыми.

Их обрамляют тёмные ресницы, густые, почти как у девушки, но в нём нет ничего девчачьего. Он мужчина на все сто процентов, от широких плеч до хиткой ухмылки. Пит почти на голову выше меня, но по какой-то причине его размеры не пугают меня. Наверное, потому что он не трогал меня.

— Сделай снимок, принцесса, — не переставая ухмыляясь, говорит Пит. — Он прослужит дольше.

Моё лицо заливается краской, и я отвожу взгляд.

— Эй, — тихо говорит он. — Я просто пошутил.

Пит делает шаг в мою сторону, его брови сведены вместе.

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя успокоиться. Такое ощущение, будто в моём животе прыгает мячик для пинг-понга. Обычно в таких ситуациях помогает юмор, и я спешу воспользоваться этим.

— Не моя вина, что ты создан для того, чтобы на тебя глазели. — Я ухмыляюсь.

В этот раз краснеет он, судя по внезапному румянцу на его щеках.

— Ты считаешь меня симпатичным, — улыбаясь, говорит он, вдруг приняв самодовольный вид.

— «Симпатичный» — это не то слово, которое я бы употребила, чтобы описать тебя, — смеялась, говорю я.

Пит непринуждённо прислоняется к дверце стойла.

— А какое бы употребила?

— Нахальный, — бросаю я в ответ.

Он смеётся.

Я делаю ещё один глубокий вдох.

— Зачем ты здесь?

Он пожимает плечами.

— Подумал, может, тебе нужна компания. — Его глаза отыскивают мои, но мне приходится опустить взгляд, так пристально он на меня смотрит.

— А я было решила, что ты слишком переживаешь за свои яйца, чтобы снова появиться рядом со мной, — поддразниваю я его. Смех кажется лучшим средством, чтобы справиться с его напряжённым молчанием.

— Позволь мне волноваться о моих яйцах. — Он смеётся и смотрит вниз. — Нет, конечно, ты тоже можешь о них волноваться, но я полностью беру на себя всю ответственность за их безопасность.

Я тоже смеюсь. Он правда забавный.

— Мы можем волноваться о твоих яйцах вместе, — с улыбкой говорю я. Осмелившись взглянуть на него, я вижу, что он внимательно наблюдает за мной. Слишком внимательно. Смех. Мне нужно сказать что-нибудь смешное. Но ничего не приходит на ум. Я прикусываю язык, чтобы не произнести лишнего.

— Хочешь пойти со мной куда-нибудь? — спрашивает Пит и, похоже, сам немало удивляется собственному вопросу. Мне даже кажется, что он заберёт свои слова обратно. Но он не делает этого. А просто выжидающе смотрит на меня.

— Что значит куда-нибудь? — спрашиваю я.

Он ухмыляется.

— Ты и я, свидание.

У него нет машины, он только что освободился из тюрьмы. Свидание представляется мне затруднительным. Но я не могу сказать ему об этом. Не могу ранить его чувства.

— Что за свидание? — вместо этого спрашиваю я.

— Просто свидание, где мы с тобой проведём вместе немного времени, — пожимая плечами, отвечает Пит.

— Сейчас именно это и происходит, — оповещаю я его.

— Чёрт, — Пит вздыхает. — Ты права. — Он оглядывает лошадей. — В следующий раз напомни мне отвести тебя в какое-нибудь место поприятнее.

Я смеюсь. Он улыбается мне.

— Приятный звук, — тихо произносит Пит.

Я смотрю на Текилу и похлопываю её по спине.

— Ты выпустила газ, девочка? — спрашиваю я и ухмыляюсь Питу. — Прости, иногда она бывает шумной.

Пит улыбается, потирая подбородок. Готова поспорить, он царапается, и, будь я другой, то обязательно бы захотела дотронуться.

— А ещё она забавная, — произносит себе под нос Пит.

Я улыбаюсь и показываю на дверь.

— Нам лучше уйти отсюда, пока папа не пришёл за тобой. — Но я переживаю не из-за папы. Я переживаю из-за себя. Потому что этот парень мне нравится. Очень.

— Я могу проводить тебя до дома? — склонив голову набок, спрашивает Пит. Он чертовски милый. И вызывает внутри меня трепет. Не уверена, что последнее — это хорошо.

Я киваю, он шагает ко мне, а затем открывает дверь амбара. Пит удерживает её, чтобы мы с Мэгги вышли первыми. Его плечо задевает моё, и я чуть отодвигаюсь от него. Он наклоняет ко мне голову.

— От меня плохо пахнет? — спрашивает он.

Я склоняюсь и нюхаю его.

— Не похоже, — тихо отвечаю я. От него пахнет свежестью и цитрусовыми, совсем как в ту ночь. И мне хочется уткнуться лицом в его грудь и вдыхать этот запах.

Но я не могу.

— Просто решил проверить, — со смешком говорит Пит. — Каждый раз, стоит мне только приблизиться к тебе, как ты отодвигаешься, — будничным тоном произносит он. Но в его замечании нет ничего будничного. Совсем ничего.

Я показываю на себя.

— Я работала целый день... и занималась лошадьми. Если уж кому-то и нужно волноваться по поводу неприятного запаха, так это мне.

Пит вглядывается в моё лицо, и я не в силах отвести глаза.

— Ты пахнешь лимонами и дождём.

Он закрывает глаза и втягивает носом воздух.

— И всем невинным.

Я замираю.

— Вот тут ты ошибся на все сто процентов.

— Ты в чём-то провинилась? — спрашивает он. — В чём? — Его синие глаза прищуриваются.

— Доверилась не тому человеку, — тихо отвечаю я.

— Я не хочу, чтобы ты доверяла мне, — говорит Пит. — Я хочу, чтобы ты как можно сильнее остерегалась меня. И любого другого мужчину, которого встретишь.

Я втягиваю носом воздух, делая глубокий вдох.

— В этом ты можешь быть уверен, — наконец говорю я. Большинство мужчин боролись со мной, чтобы заслужить моё доверие.

— Иногда я сам себе не доверяю, — произносит Пит. Сначала мне кажется, что он рисуется, но оказывается, парень совершенно серьёзен.

— Почему? — шепчу я.

— Я не заслуживаю доверия, — тихо отвечает он.

Я убираю прядь волос, лезущую в рот, и облизываю губы. Он пристально наблюдает за мной.

— Я обещаю не доверять тебе, — опять шёпотом говорю я.

— Хорошо, — тоже шепчет он, но уже нарочито.

Мы подходим к двери, и я разворачиваюсь к нему лицом.

— Спасибо, что проводил меня, — благодарю я и кладу ладонь на грудь. — Это был поистине долгий путь, — я пытаясь говорить, как Скарлетт О'Хара. — Мне бы никогда не удалось пройти его одной.

Он ухмыляется.

— Моя работа сделана.

— Спокойной ночи, — говорю я.

Он закрывает один глаз и смотрит на меня вторым.

— Я уже могу тебя поцеловать?

Я отрицательно мотаю головой, но внутри меня опять всё дрожит.

— Нет, — отвечаю я. — Боюсь, что нет.

— Но я могу продолжать спрашивать? — снова шепчет он и ухмыляется.

— Я буду разочарована, если ты перестанешь, — признаюсь я. Он улыбается. И в этот раз здесь нет никаких шуток, а лишь настоящий Пит. Весь такой самоуверенный.

— Спокойной ночи, принцесса, — бросает он через плечо, когда поворачивается, чтобы уйти.

— Спокойной ночи, — отвечаю я. А когда поднимаю глаза, то вижу папу, наблюдающего за мной через кухонное окно. — Папа, — в моём голосе звучит досада.

Он открывает мне заднюю дверь.

— Это был Пит? — спрашивает отец. Мэгги входит и ложится у его ног.

Я киваю.

— Это был Пит.

Папа закусывает ноготь.

— Я должен волноваться?

Я качаю головой.

— Не думаю.

— Хорошо, — выдыхает он, и воздух из него выходит, словно из спущенного шарика.

Наклонившись вперёд, папа притягивает мою голову к себе своей мускулистой рукой.

— Спокойной ночи, — говорит он и целует меня в висок.

— Спокойной ночи, пап, — отвечаю я.

Папа разворачивается и поднимается по лестнице. Я выглядываю в окно кухни и смотрю на единственного мужчину, которого мне действительно захотелось поцеловать. Но я не могу. Просто не могу. Потому что это плохо закончится.

Рейган

Порой я просыпаюсь от того, что воспоминания наваливаются на меня, словно отяжелевшее мокрое шерстяное одеяло.

Оно накрывает меня и не даёт встать с кровати.

Но сегодня я, моргнув, открываю глаза и обнаруживаю, что на кончиках пальцев нет крови, ресницы не слиплись, а в горле не застряли крики.

Сегодня я просыпаюсь... с надеждой. Хотя мне сложно подобрать нужное слово. Похожеёе чувствуешь в рождественское утро, когда уже знаешь, что Санта-Клауса нет, но находишься в предвкушении чего-то тёплого и приятного. Ты разрываешь праздничные упаковки и наблюдаешь, как твои родители обмениваются подарками, что-то да значащими для них. Вот так я чувствую себя сегодня. Но не уверена, что мне это так уж и нравится.

В прошлом месяце в лагерь приезжали девчонки, но я не чувствовала в себе такого восторженного волнения, когда они были здесь — значит, не из-за лагеря мне так хочется побыстрее выбежать из дома. Это из-за Пита. И в чём я уверена на все сто, так в том, что он не должен был так сильно мне понравиться. Живи мы в идеальном мире, я могла бы с ним встречаться. Но мой мир далёк от идеального. Уже давно.

Я одеваюсь и собираю волосы в хвост. Сегодня мы планируем немного поработать с лошадями, пока не станет слишком жарко. Мальчишкам нравится кататься верхом по загону. А некоторые из них ещё ни разу не сидели на лошади.

Я выхожу на улицу и сразу же чувствую аромат бекона, поджаренного на гриле. Папа как-то нанимал службу по обеспечению лагеря питанием, но ему очень нравится готовить для детей самому, и, похоже, так даже лучше, когда он кидает на сковороду бекон и жарит яйца, попутно раздавая всем фрукты, йогурт, молоко и овсянку. Каждый найдёт себе блюдо по душе, даже учитывая чудные диетические ограничения некоторых мальчишек.

Парни из тюрьмы пока исполняют роли официантов, и им это отлично удаётся. Пит работает между двумя столами. Он общается жестами с мальчишками за одним столом и шутит с теми, что сидят за другим. Ему действительно здорово удаётся ладить с подростками. Гонзо что-то говорит ему, и Пит, прикрывшись рукой, чтобы больше никто не видел, показывает ему средний палец. Гонзо смеётся, и мне приходится заставить себя закрыть рот.

Пит поднимает глаза и перехватывает мой взгляд. Моё сердце делает кульбит.

— Доброе утро, принцесса, — тихо говорит он, его голос звучит лениво и небрежно. Но это обман. Всё, что касается этого парня, — сложно и запутанно.

— Доброе утро, — отвечаю я и сжимаю плечо Гонзо, когда прохожу мимо. Мальчишка улыбается мне сияющей улыбкой. — Как спалось? — спрашиваю я его.

Он улыбается и показывает что-то Питу.

— Что он сказал? — спрашиваю я.

— Тебе лучше не знать, — поморщившись, отвечает Пит и пристально смотрит на Гонзо. — Следи за своими манерами, Карл, — строго предупреждает он, и Гонзо опускает голову. Я впервые слышу, как Пит называет его по имени. Пит встаёт, чтобы взять вилку для какого-то мальчика. Он не спускает глаз с Гонзо, и теперь я умираю как хочу узнать, что именно сказал Гонзо, чтобы заслужить такое явное неодобрение Пита.

— Что я пропустила? — спрашиваю я, переводя взгляд с Гонзо на Пита.

— Просто подростковый юмор, — бурчит Пит, глядя на Гонзо из-под опущенных ресниц, а затем протягивает солонку другому мальчишке. — В котором нет ничего весёлого.

Гонзо быстро что-то показывает Питу.

— Я знаю, что это предназначалось только мне, — тихо говорит Пит, глядя в глаза Гонзо. — Но она тоже здесь, а это очень грубо — говорить что-то в её присутствии, при этом, когда я не могу ей это пересказать. — Он бурчит что-то себе под нос, а потом говорит: — И я бы не повторил то, что ты сказал, даже за миллион баксов.

Гонзо, недоумевая, поднимает руки.

— Лучше не говорить ничего такого в присутствии девушек, чувак. — Пит указывает вилкой на Гонзо. — Когда мы наедине, можешь болтать всё, что тебе вздумается. И тогда это даже может быть смешно.

Гонзо стучит по моему плечу, чтобы я посмотрела на него. Он показывает мне что-то, держа кулак у своей груди. Его щёки раскраснелись.

— Он просит прощения, — ворчит Пит. Гонзо показывает что-то ещё и хлопает своими густыми ресницами. — И хочет знать, прощаешь ли ты его.

— Я подумаю, — говорю я. Мне по-прежнему неизвестно, что именно сказал тогда Гонзо, и непонятно, на что я должна обижаться. Но Пит очень серьёзен, и, судя по всему, мне следует его поддержать.

— Гонзо, тебе пора на отсасывание — или как там называются эти процедуры, — а не то мы опоздаем на первое занятие по верховой езде.

Гонзо ухмыляется и показывает что-то Питу. Но уезжает. Пит качает головой. Снова пацанячий юмор?

Один из воспитателей собирает остальных мальчишек, чтобы они успели собраться и подготовиться к утренним мероприятиям. Пит садится и тяжело вздыхает.

— Этот мальчишка напоминает мне о моих братьях, — говорит он, на его губах играет улыбка.

— Ты и с ними такой резкий? — спрашиваю я.

Он усмехается.

— Я самый младший. Так что обычно это я могу сморозить какую-нибудь глупость, а они будут стараться заткнуть меня.

— Что он сказал? — Я умираю от любопытства. Но что-то подсказывает мне, что Пит ничего не скажет.

В его глазах полыхает огонь, веки полузакрыты, когда наши взгляды встречаются.

— Если ты так хочешь знать, это связано с утренним стояком. — Он вскидывает бровь, и я давлюсь собственной слюной. Пит смеётся. — Мне продолжать?

Я поднимаю руку, чтобы он замолчал.

— Я бы спокойно жила дальше и ничего не знала. — Но на секунду я задумываюсь, а затем тихо спрашиваю: — Это то, о чём говорят мальчишки? — Мне правда любопытно.

Он опускает подбородок к груди и смотрит на меня.

— Не надо, принцесса, — внезапно охрипшим голосом предупреждает он.

— Мне было просто любопытно, — бормочу я. Но тут же чувствую необходимость объясняться. — У моего брата аутизм, и он почти не разговаривает, так что я не знаю, как ведут себя мальчишки. — Я прикладываю руку к груди, слегка смущённая тем, о чём собираюсь признаться ему. — Когда мы, девчонки, собираемся вместе, то говорим обо всём на свете. — Я смотрю в его полыхающие глаза под прикрытыми веками. Моё сердце начинает бешено колотиться. — О мужчинах, большей частью. — Я краснею.

Его голос опускается почти до шёпота.

— Продолжай, принцесса, — говорит он, сверкая глазами.

— Ну, похоже, Гонзо хочет говорить с тобой так же, как я говорю со своими подружками.

— И я не против, но только когда мы одни. Как я ему и сказал. — Пит больше не улыбается. Он поворачивается ко мне. — Я не обижу парня. Никогда не раню его чувства. Но я не собираюсь обращаться с ним так, будто он сделан из стекла. Ему и без меня хватает такого обращения.

— Хорошо, — тихо говорю я. Лучше мне оставить эту тему. По крайней мере, пока.

Пит улыбается. Он кивает в сторону папы, который поднимает со сковороды последний кусок бекона.

— Позавтракаем?

— А ты ещё не ел?

Он качает головой.

— Был слишком занят. — Он смотрит на меня. — Присоединишься? — И, наклонившись ближе: — Это будет наше второе свидание.

Я закатываю глаза и иду к папе, который протягивает мне тарелку, полную еды.

— Пап, я не смогу всё это съесть, — жалуюсь я.

Пит глазами поедает то, что разложено на моей тарелке, облизывая губы, и папа пихает тарелку ему. Я беру себе бейгл, немного творожного сыра и шоколадное молоко. Пит садится напротив меня и разворачивает пластиковые приборы.

Он жадно смотрит на моё молоко.

— Хочешь? — спрашиваю я и делаю глоток, глядя на него поверх картонной упаковки.

Пит ждёт, пока я поставлю молоко на стол, а затем берёт его. Сказав «спасибо», он наклоняет пакет и пьёт. Его губы касаются того места, где только что были мои, и внутри меня что-то переворачивается. Я отвожу взгляд, потому что боюсь того, что увижу в его синих глазах, если посмотрю в них прямо сейчас.

— Прости, — бормочет он. — Не хотел тебя смутить.

Он встаёт, берёт ещё одну упаковку молока, открывает её и протягивает мне. Я, глядя прямо ему в глаза, беру своё прежнее молоко и поднимаю к губам.

— Боже правый, — выдыхает Пит. Он смотрит через плечо на моего отца, который беседует с несколькими мужчинами из тюремной программы.

— Если бы твой отец знал, какие мысли сейчас крутятся в моей голове, он бы точно отрезал мне яйца.

Я откашиваюсь, чтобы проглотить ком в горле.

— А какие у тебя мысли? — тихо спрашиваю я.

Он пристально смотрит на меня, а потом качает головой.

— Неважно.

Опустив глаза в тарелку и сделав глубокий вдох, Пит начинает поглощать еду. Он жуёт где-то с минуту, а затем чуть подаётся вперёд, словно вот-вот откроет мне какую-то тайну. Но, снова покачав головой, вдруг отстраняется.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего. — Он продолжает есть.

— Ненавижу, когда люди так делают, — говорю я, даже скорее себе, чем ему.

Пит вздыхает.

— То, что творится у меня в голове, пугает меня даже больше, чем то, что творится у меня в штанах. Если бы ты только знала мои сокровенные мысли, принцесса. — Он стучит себя по лбу зубьями пластиковой вилки. — Если бы только знала.

Я проглатываю ком в горле.

— Что там такого, что тебя это так пугает?

Он закрывает глаза и делает глубокий вдох.

Я повторяю вопрос — вдруг он меня не услышал — и откладывают в сторону бейгл.

Пит наклоняется вперёд и пальцем подманивает меня к себе. Я тоже наклоняюсь ближе к нему.

— Ты так сильно возбуждаешь меня, принцесса, что я не смог бы встать с места, даже если бы сейчас всё тут на хрен вспыхнуло. — Он показывает на моё шоколадное молоко. — А всё, что ты сделала, — это коснулась своими волшебными губами грёбаной картонной упаковки. — Он потирает лоб, словно хочет стереть все свои мысли. Затем смотрит мне в глаза.

— Стоит мне только коснуться твоего рта, и я кончу как пушка, принцесса. И буду счастливейшим мужчиной на планете, хотя мне и будет стыдно, потому что, когда дело касается тебя, я теряю над собой контроль, с этим трудно спорить. — Пит морщится и опускает глаза вниз, а затем, подвигав бёдрами, поправляет штаны. — Та ситуация, в которой мы оказались, настолько запутанная, по многим причинам, что я даже боюсь думать о чём-то, что может произойти между нами. Но только об этом я и думаю. — Он издаёт

стон и запихивает в рот кусок бекона. Однако его глаза ни на секунду не оставляют мои. — Сегодня утром я проснулся с твёрдым намерением игнорировать тебя весь день. Но вот ты пришла и улыбнулась мне. — Его взгляд опускается на мой рот. — Я бы не смог игнорировать тебя, даже если бы постарался.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь привести в порядок собственные мысли. Но ничего не выходит. Я ещё ни разу в жизни не чувствовала ничего подобного. Мои подруги говорили об этом, но я сама никогда не испытывала подобных чувств. Даже когда я ходила с кем-то на свидание, какая-то часть меня была словно парализована. Но с Питом каждая частичка меня оживает.

И тут он говорит:

— Я не хочу хотеть тебя.

У меня ёкает сердце. Я понимаю. Мне это не нравится. Но я понимаю. Киваю. Никому не хочется иметь дело с испорченным товаром.

Я поднимаюсь из-за стола и беру тарелку.

— Подожди, — окликает меня Пит.

Но я не могу ждать. Потому что тогда он сможет увидеть слёзы, навернувшиеся мне на глаза.

— Принцесса, — он снова зовёт меня.

Тут что-то дёргает мою футболку, и я не могу сделать ни шага. Оглянувшись, вижу его руку, сжимающую подол моей футболки. Он нависает над столом, его губы плотно сжаты.

— Не уходи, — говорит Пит.

Но я вижу только сжимающий мою футболку кулак. Моё сердце замирает, становится нечем дышать. Я не могу уйти. Я разворачиваюсь и бью его прямо в лицо. Пит дёргается, его глаза закрываются, на лице появляется гримаса, и голова откидывается назад. Я бью по его запястью ребром ладони. Раз, два... Теперь моя цель — его глаза.

— Рейган! — кричит папа и, бросив всё, что было у него в руках, спешит ко мне. Он блокирует Пита, который ещё даже не пришёл в себя от моего удара в лицо. Они вместе падают на землю, и Пит оказывается снизу.

Папа переворачивает его на живот и заводит ему руки за спину.

— Рейган! — рявкает папа. — Что происходит?

Пит так и лежит на земле. Он даже не оказывает никакого сопротивления. Просто морщится с закрытыми глазами, а тем временем из его носа медленно стекает струйка крови.

— Лежи тихо, — предупреждает его папа.

Пит кивает и не двигается. Но вот, наконец, его глаза открываются и встречаются с моими. Я совершенно не понимаю, что означает его взгляд, не знаю, что сказать. Поэтому просто разворачиваюсь и убегаю в дом. Словно напуганная девчонка.

Ворвавшись в дом через заднюю дверь, я падаю в мамины объятия. Она что-то бормочет, когда я врезаюсь в её грудь, но крепко обнимает меня.

— Да что ж такое? — укачивая меня, выдыхает она и гладит мои волосы, пока моё дыхание не выравнивается. Но тут мама отстраняется и сжимает моё лицо в своих ладонях, заставляя поднять на неё глаза.

— Скажи мне, что случилось.

— Кажется, я совершила ошибку.

— Что произошло? — ведя меня к кухонному столу, спрашивает мама. Она показывает на стул, и я опускаюсь на него.

— Ничего, — пишу я, вновь обретя способность дышать.

Поверить не могу, что только что это сделала. Атаковала бедного парня, который и не сделал-то ничего, кроме как схватил меня за футболку и сказал, что не хочет меня. Но я не могу рассказать об этом маме.

Она упирает руки в боки.

— Неправда, — настаивает она.

Тут задняя дверь открывается, и входят папа с Линком, а за ними — свидетельство моего позора.

— Можешь дать Питу немного льда, чтобы приложить к глазу? — просит папа маму.

Она вопросительно поднимает брови и смотрит на меня таким взглядом, под которым захотел бы стать невидимым даже самый огромный великан. Затем она начинает набирать лёд в пакет.

— И зачем Питу нужен лёд? — небрежным тоном спрашивает мама.

Папа показывает на меня.

— Твоя дочь ударила его в лицо.

— Рейган! — ахает мама.

Она подходит к Питу, осматривает его, а затем нажимает большим пальцем на его переносицу. Он с шипением втягивает в себя воздух. Одна сторона его лица покрыта грязью, наверное, из-за того, что папа впечатал его в землю. Мама даёт ему смоченное в воде полотенце, и Пит осторожно вытирает лицо. Когда оно становится чистым, мама нажимает подушечкой большого пальца на его глазницу. Пит морщится и отдергивает голову.

— По-моему, Рейган достаточно его покалечила. Хватит мучить парня. — Папа тоже пристально смотрит на меня. От стыда мне хочется спрятаться.

И тут я замечаю, что Пит держится за своё левое запястье. Мои глаза спешат встретиться с его взглядом, и я вижу лишь любопытство. Хотя он должен быть чертовски зол на меня. У него на это есть все права.

— Рука тоже травмирована? — тихо спрашиваю я.

Уголки рта Пита чуть заметно приподнимаются.

— Всё в порядке.

— Ничего не в порядке, — ворчит папа. — Она может быть сломана.

— Вот деръмо, — выдыхаю я.

— Рейган, — предупреждающе окликает меня мама.

— Вот деръмо, — повторяет за мной Линк.

Вот это уж точно деръмо деръмом — Линк теперь повторяет это слово за мной.

— Вот деръмо, — снова произносит он.

Я прячу лицо в ладонях. Мои родители убьют меня, когда я останусь с ними наедине.

— Рейган, будь добра, возьми пикап и отвези Пита в пункт неотложной помощи, — говорит папа.

Я поднимаю голову. Не может быть, чтобы он это всерьёз.

— Вот деръмо, — монотонно повторяет Линк. Мама скрипит зубами.

Папа показывает мне, чтобы я вставала, и бросает ключи от машины мне в голову — теперь у меня нет другого варианта, кроме как поймать их.

— Ну, пап, — жалобно говорю я.

— Если от этого тебе станет легче, то я вообще-то тоже не горю особым желанием находиться с тобой в замкнутом пространстве, — говорит Пит и, осторожно коснувшись глаза, морщится.

Я этого заслуживаю. Очень даже.

— Пойдём, — вздохнув, говорю я.

Пит следует за мной до папиного пикапа и открывает для меня дверцу со стороны водителя.

— Спасибо, — бурчу я. Он обходит машину и садится с другой стороны. — Ты уверен, что ничего не повреждено?

— Моё сердце разбито, — отвечает он.

Я вскидываю голову.

— Что?

Его голос опускается до шёпота:

— Меня убивает то, что ты думаешь, будто я смог бы каким-то образом обидеть тебя.

— Он поворачивается ко мне лицом. — Я никогда не забуду, как ты выглядела той ночью. И никогда и ни за что не сделаю ничего, что причинило бы тебе боль.

Я завожу машину. Легче избегать этого разговора, если мои руки чем-то заняты и есть причина, чтобы не смотреть на него.

— А, забудь, — бормочет Пит и, отвернувшись от меня, прижимается виском к окну. Аккуратно держась за запястье, он даже не смотрит в мою сторону.

Пит

Я не знаю, что сказать ей. Понятия не имею, как об этом заговорить. Мое запястье болит, но оно не сломано. Её отец настоял на том, чтобы она отвезла меня в пункт неотложной помощи, а я не стал возражать. И вот она ведёт машину и ничего не говорит уже десять минут. То и дело её рот приоткрывается, как будто ей хочется что-то сказать, но она тут же закрывает его.

Внезапно Рейган резко уводит машину вправо, въезжает на участок для разворота и ударяет по тормозам.

Я опираюсь на руки и тут же жалею об этом, когда запястье охватывает болью.

— Дерьмо, — бормочу я.

Она тяжело вздыхает и прячет лицо в ладонях. Но через мгновение поднимает свои зелёные глаза, и наши взгляды встречаются.

— Прости, — тихо говорит она.

Мне охренеть как больно, и я раздражён настолько, что хочу, чтобы она тоже немного пострадала.

— За что именно? — говорю я сквозь сжатые зубы и бережно прижимаю запястье к груди.

— За всё, — отвечает Рейган. Затем делает глубокий вдох, а на её глаза наворачиваются слёзы. Она старается избавиться от них, яростно моргая. Мой гнев исчезает в ту же секунду, когда я вижу её слёзы.

— Со мной всё в порядке, — ворчу я. — Не забивай свою хорошеньюкую головку заботами обо мне.

Да, хорошо, я вёл себя резко и, возможно, даже оскорбил её, но у меня до сих пор всё болит.

— С тобой не всё в порядке, — вставляет она. — Я тебя ударила. — Рейган сжимает зубы. — В лицо.

В салоне пикапа повисает тишина. Тяжёлая, словно на машину опустилось мокре покрывало.

— У меня до сих пор есть проблемы из-за той ночи, — наконец говорит Рейган. Она откидывает голову на подголовник сидения и смотрит в потолок.

— Где ты научилась так драться? — спрашиваю я. Я мог бы и дальше колоть её булавками, да ещё и прокручивать их. И сейчас я не имею в виду иглоукалывание. Но лучше мне перестать срываться на ней.

— Папа научил. — Она переводит на меня взгляд. Вдруг у неё такой чертовски беззащитный вид. — После того, что случилось в колледже, я стала ходить на курсы самообороны. Затем поняла, что у меня к этому талант, поэтому продолжила заниматься и совершенствовать технику.

Я осторожно нажимаю на свой глаз. Её лицо смягчается, и на нём появляется виноватое выражение. Но она только что оставила свои слова висеть в воздухе, так что я хватаюсь за них.

— Теперь, зная, что можешь уложить любого парня, ты чувствуешь себя в безопасности? — спрашиваю я.

Её лицо бледнеет, и она отводит глаза.

— Прямо сейчас — нет.

— Но обычно?

Её лицо всё ещё бледное, а взгляд останавливается везде, но только не на мне.

— Мне нравится знать, что я смогу избежать опасности, — тихо говорит Рейган.

— А как по-твоему, я опасен? — *Соври мне, принцесса*. Потому что даже от мысли о том, что она боится меня, у меня сжимается сердце.

— Тогда — да, — увиливает она от прямого ответа. — Мы можем просто не говорить об этом?

Нам нужно поговорить об этом. Но, похоже, она действительно не хочет этого.

— Ладно, — отвечаю я, добровольно подчиняясь её желанию. Всё для неё. Если это то, чего она хочет. — Когда я касаюсь тебя, твоя кожа покрывается мурашками? — вырывается из меня. Мне нужно знать, чему я противостою.

Она кивает и делает глубокий вдох, словно я только что бросил ей спасательный круг.

— Ты заставляешь моё сердце биться быстрее, в очень-очень хорошем смысле. — Она, наконец, смотрит на меня. — Я понимаю, ты не можешь простить меня, но мне правда очень жаль, что так вышло.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться её лица, но она уклоняется, подавшись назад, и моя рука падает на мои колени.

— Мне не нужно было хватать тебя. Это всё моя вина. — Я не знаю, что говорить. Не знаю, что сделать, чтобы она почувствовала себя лучше. Если бы на моём месте был какой-то другой парень, я был бы в чёртовом экстазе от того, что она ударила его в лицо, когда он схватил её.

— Это не твоя вина, — возражает она. — А моя. — Я больше чувствую, чем слышу, как она совсем тихо шепчет себе под нос: «Его вина».

— Я просто не хотел позволить тебе уйти, пока не объяснюсь, — говорю я. — И схватил тебя за одежду.

— А я на секунду ощущала себя словно в западне. Я понимаю, ты этого не хотел.

Я качаю головой.

— Не совсем, я специально схватил тебя. Я не хотел, чтобы ты уходила. Твои инстинкты сработали верно.

— Ты же не хотел обидеть меня.

— Но ты не могла этого знать. — Боже, какой я тупой. Спорю с ней о причинах, почему она ударила меня.

— А потом мой отец толкнул тебя лицом в грязь. — Кажется, это её разозлило.

— Проклятье, принцесса, если бы я увидел, как моя дочь вырубила какого-то козла, я бы тут же предположил, что виноват он. Твой отец поступил правильно. — И я верю в то, что говорю. Именно для этого и существуют отцы. Не мой, конечно, но у меня всегда был Пол и остальные. Они бы защищали меня даже ценой своих жизней. Её отец сделал то же самое, что мои братья сделали бы ради меня, не меньше.

— Твой папа знает всё про то нападение?

Рейган кивает, закусив нижнюю губу.

— Ты сможешь меня простить?

— Нечего прощать, — отвечаю я. Она пристально смотрит на меня. Я исправляюсь: — Прощаю. Честное слово.

Она делает глубокий вдох.

— Спасибо.

Будем ли мы говорить о главном? О причине, почему она избегает меня.

— Я не должен был заставлять тебя чувствовать так, что тебе захотелось убежать, — признаюсь я.

Мы могли бы избежать всех этих неприятностей с ударом в лицо и валянием в грязи, если бы я заткнулся и молчал про свой член и то, как она его возбуждает. И от одной только мысли об этом я тут же чувствую небольшое движение в своих штанах. Из меня вырывается стон.

— Что такое? — спрашивает Рейган. — Тебе больно?

Да. Мне больно. Но не в том смысле, в котором она думает.

— Немного, — соглашаюсь я. Да, запястье ещё болит.

— Мне нравится, что я тебе нравлюсь, — говорит она. Её голос звучит так тихо, что мне едва удаётся разобрать слова.

— Что? — спрашиваю я и наклоняюсь ближе к ней. Она отстраняется.

Рейган улыбается и качает головой.

— Мне нравится, что я тебе нравлюсь, — говорит она снова, в этот раз немного громче.

Уголки моего рта приподнимаются в улыбке.

— Ты заставляешь меня чувствовать, — признаётся она. Её лицо больше не бледное — щёки стали розовыми.

— То же самое могу сказать и о тебе, — отвечаю я.

— Ты уже можешь перестать так самодовольно ухмыляться, — говорит она, но со смехом. Это хорошо.

— Ты говоришь мне, что я тебе нравлюсь, и ждёшь, что я не буду ухмыляться. — Я прикладываю к груди здоровую руку. — Ты, должно быть, шутишь. Мне стоило сделать сальто.

— Мне не нравятся мужчины, — тихо говорит Рейган.

— О. — Я и не предполагал, что она может быть лесбиянкой. Неожиданно. Но мне уже доводилось ошибаться. — Тебе нравятся женщины?

Она прячет лицо в ладонях и, смеясь, поднимает голову.

— Нет! — сквозь смех говорит Рейган. — Мне не нравятся женщины. — И снова её глаза пускаются в пляс — она смотрит куда угодно, только не на меня. — Мне нравятся мужчины. Но ты единственный, кто понравился мне за долгое время. — Она закрывает глаза и со стоном откладывает голову назад.

— Как же это трудно — быть обычной девушкой! — восклицает Рейган.

— Принцесса, уж какой, но обычной тебя не назовёшь, — говорю я, мой смех уже готов вырваться наружу.

Она пожимает плечами, похоже, слегка огорчённая.

— Я не знаю, как измениться.

Я смеюсь.

— Я бы ни за что не стал ничего в тебе менять.

Её глаза встречаются с моими. Там столько беззащитности, но я вижу и ещё кое-что. Надежду?

— У меня такое ощущение, будто я знаю тебя целую вечность, — говорит она.

— Угу. — Я ей нравлюсь. Я ей очень нравлюсь. И внезапно я чувствую себя таким самоуверенным, каким не чувствовал уже очень давно.

— Если ты скажешь мне, что хочешь, чтобы я держался от тебя подальше, пока буду в лагере, то просто скажи. — Я делаю паузу и жду. Она ничего не говорит. — Но если ты не скажешь мне держаться от тебя подальше, я буду и дальше пытаться узнать тебя поближе. А когда ты вернёшься в Нью-Йорк, в университет, я приглашу тебя на ужин.

Она хмурится.

— На свидание?

— Угу.

— А ты очень в себе уверен, да?

— Угу.

— Почему ты был в тюрьме? — вдруг спрашивает она.

В этот раз застываю я.

— Я думал, тебе всё известно.

Она кивает.

— Я знала, что ты там был, но не знаю за что.

— А тебе не всё равно?

Рейган пожимает плечами.

Я повторяю её движение.

— И что это значит?

— Мой папа тоже сидел в тюрьме, — признаётся она. — Об этом знают не многие, так что будет здорово, если ты никому об этом не расскажешь.

— За что?

— Порой люди, когда они в отчаянии, совершают глупости, — отвечает она.

Да, это так.

— Я тоже совершил ошибку, — стараюсь объясниться я. Однако трудно говорить о том, почему я наделал глупостей, пытаясь защитить одного из своих братьев. Но я даже не успеваю сказать и слова.

— Ты же никого не ранил, нет? — спрашивает она и косится в мою сторону.

— Нет, — признаюсь я. — Только себя. И своих братьев, когда меня посадили. — Я тяжело вздыхаю. — Я разочаровал всех, включая себя самого.

Она улыбается.

— Итак, что мы усвоили из сегодняшнего дня? — Она вся такая светлая, солнечная, и напоминает мне мою учительницу по естествознанию, в которую я по уши втюрился в восьмом классе.

— Я усвоил, что тебя никогда нельзя хватать за одежду, если ты хочешь уйти.

Рейган кивает.

— А я выяснила, что мне очень понравилось делиться с тобой своим шоколадным молоком, — тихо говорит она.

Внутри меня всё сжимается.

— Мне нравится разговаривать с тобой, — признаюсь я.

— А мне с тобой, — шепчет она.

Я снова дотрагиваюсь до своего глаза.

— Твой удар производит впечатление. Напомни мне избегать встречи с тобой в тёмном переулке. — Я на мгновение задумываюсь. — Или в тёмном амбаре.

— Или на залитой солнцем площадке для пикника, — шутливо ворчит она.

Я смеюсь.

— Погоди, вот мои братья узнают, что ты мне врезала.

— И что, они посчитают это забавным?

— Когда мой брат Логан повстречал свою невесту, Эмили, она тоже врезала ему по лицу.

Рейган прикрывает рот пальцами.

— Ого, — выдыхает она.

— Он говорит, что если когда-нибудь повстречаешь девушку, которая ударит тебя прямо в лицо, когда ты этого заслуживаешь, то ты должен на ней жениться. — Я смеюсь. Мне по-прежнему очень нравится эта история. — Логан начал подкатывать к Эмили в ту же секунду, как они познакомились, и она сломала ему нос. — Я поднимаю свою повреждённую руку. — Ты лишь сломала мне руку. Немного другой случай.

— Так ты и не подкатывал ко мне, — со смехом отвечает Рейган.

— О, ещё как подкатывал, — признаюсь я. — Просто я не такой ловкий, как Логан.

— И слава богу, — выдыхает она. Я хмурю брови, и она спешит объясниться: — Если бы ты был менее тактичным, то, наверное, напугал бы меня до смерти. — Она ухмыляется.

— Мне нравится всё, как есть.

— Ты хочешь, чтобы я перестал к тебе подкатывать? — спрашиваю я и с нетерпением жду её ответа.

Рейган тяжело вздыхает.

— Нет.

— Как-то не очень радостно ты это сказала, — ворчу я.

— Я не знаю, что делать со всеми этими чувствами, — признаётся она.

Внутри у меня всё сжимается.

— Я тоже.

— Ну, что будем делать? — спрашивает Рейган.

Я приподнимаю повреждённое запястье.

— Думаю, мне нужно к доктору.

Она торопливо выезжает обратно на дорогу.

— Я почти забыла, что у тебя травма!

А вот я не забыл. И всегда буду помнить на будущее, что с ней нужно быть осторожнее. Но ей нравятся те чувства, которые я в ней вызываю. И это хорошее начало.

Рейган

Доктор сообщает, что рука у Пита не сломана. Слава богу. Просто растяжение. И даже не вывих. Он рекомендует Питу принимать противовоспалительные лекарства и держать руку в покое. Похоже, Пит удовлетворён.

Но вот быстро разрастающийся синяк вокруг его глаза вызывает тревогу и вопросы.

— Вы уверены, что мне не нужно вызвать полицию, чтобы они арестовали того, кто на вас напал? — спрашивает медсестра. Она флиртует с ним с той самой секунды, как мы переступили порог пункта неотложки.

— Уверен. Это было ненамеренно. — Он смотрит на меня поверх её головы, в то время как она обхватила его запястье. Её руки задерживаются там чуть дольше, чем следовало, и я замечаю, как его глаза опускаются на вырез её топа. Она тут же издаёт какой-то непонятный звук, похожий на усмешку, когда ловит его взгляд.

— Недавно в городе? — спрашивает она. — Не припомню, чтобы встречала тебя. — Она смотрит ему в глаза и улыбается. — Уверена, что иначе бы запомнила.

Пит улыбается мне и закатывает глаза.

— Я из Нью-Йорка, — отвечает Пит и играется со своим пирсингом. Я не могу оторвать глаз от его губ, наблюдая, как он поддевает кончиком языка колечко.

— Что ж, если хочешь, я могу провести для тебя небольшую экскурсию. Только дай мне знать.

— Не думаю, что нам это интересно, — вырывается из меня.

Пит поднимает бровь в немом вопросе, но его глаза так ярко блестят, что я не сомневаюсь — происходящее немало его веселит.

Я спешу продолжить:

— По правде говоря, я не планирую выпускать его из постели для осмотра достопримечательностей. — Эти слова я говорю низким голосом, надеясь, что он похож на страстное мурчание. Затем смеюсь. Этот звук уже больше похож на птичий щебет.

Медсестра застывает.

— О, я не догадывалась...

— Не сомневаюсь, — бросаю я в ответ. Под моим пристальным взглядом она заливается краской.

— Я скоро вернусь, — бормочет она и вылетает из комнаты.

Из Пита вырываются какие-то непонятные звуки. Возможно, смех. Но если так, то он, думаю, умрёт от него. Пит смеётся, его плечи трясутся, и он падает на спину на диагностический стол и начинает гоготать в полный голос, отчего его живот подёргивается. Я поднимаюсь на ноги, подхожу к нему и смотрю на него сверху вниз.

— И что тут смешного? — спрашиваю я.

Пит вытирает слёзы костяшками пальцев.

— Тебе пришлось спасать меня от медсестры, — не переставая хохотать, говорит он. — Это было охренеть как смешно. — Он по-прежнему вытирает глаза, смех постепенно сходит на нет. — Зачем ты это сделала? Она же безобидная.

Я смотрю в сторону двери, вспоминая красивую улыбку медсестры, её длинные тёмные волосы и то, как она предлагала себя. Я бы не смогла тянуться с ней, по крайней мере, по последнему пункту.

— Да, такая же безобидная, как пиранья в аквариуме с золотыми рыбками.

Пит снова смеётся, глубоким, искренним смехом. Когда он умолкает, до меня доходит, как близко я к нему стою. Он поднимает руку и протягивает к моему бедру. Но за секунду до того, как опустить свою ладонь, очень мягким голосом говорит мне:

— Я собираюсь дотронуться тебя. — Моё сердце начинает бешено стучать. — Предупреждаю, чтобы ты меня не ударила.

— Где? — шепчу я. Его рука почти касается меня, но я хочу быть уверенной. Сердце гулко колотится в моей груди.

— Только не бей меня, — шутливо умоляет он, тоже шёпотом.

Я закатываю глаза, но внутри меня словно порхают бабочки.

Его тёплая тяжёлая ладонь ложится на моё бедро. И в этом нет ничего неприятного. Но я всё равно закрываю веки, потому что из-за чувственности его прикосновения и огня, полыхающего в его глазах, мне хочется убежать как можно дальше отсюда. Однако я этого не делаю. Я просто позволяю ему касаться моего бедра.

— Не так уж и плохо, да? — тихо спрашивает он.

Я качаю головой.

— По-моему, очень даже ничего, — еле слышно отвечаю я. Мне тяжело дышать, что уж говорить про способность изъясняться.

Пит садится и очень осторожно, едва ощутимо положив вторую руку на мою талию, притягивает меня ближе, так, что я оказываюсь между его ног.

— Ты хочешь ударить меня? — спрашивает он.

Я снова качаю головой и, наконец, набираюсь смелости встретиться с ним взглядом.

— Нет, — тихо отвечаю я.

— Но если ты меня ударишь, это будет того стоить, — так же тихо говорит он. Его нос касается моего, а его губы в миллиметрах от моих. Я кладу ладонь на его живот и чувствую, как сокращаются мышцы. Отдёргиваю руку, но он накрывает мою ладонь своей и осторожно прижимает её к себе.

— Мне нравится, когда ты касаешься меня, — говорит он. — Можешь делать это, когда тебе захочется.

Он трётся кончиком своего носа о кончик моего. Его губы нависают над моими, но не касаются их, и я чувствую, что могу упасть в обморок от страха, который соперничает с желанием того, чтобы Пит поцеловал меня.

— Поцелуй меня, — произношу я.

Он замирает, его рука на моём бедре напрягается.

— Нет. — Пит качает головой.

Я отстраняюсь и смотрю в его глаза.

— Всё нормально. Я хочу попробовать.

Он отодвигает меня от себя.

— Нет, — повторяет он снова и качает головой ещё сильнее.

— Но почему? — Поверить не могу, что я умоляю этого парня поцеловать меня.

Дожили...

Пит тяжело вздыхает.

— Я не буду целовать тебя, потому что не знаю — то ли ты хочешь поцеловать меня, то ли просто хочешь поцеловаться, хоть с кем-то, для практики.

— А если это и так, и так? — спрашиваю я.

Он качает головой, и мне кажется, что он даже немного злится.

— Когда ты будешь чувствовать всепоглощающее желание поцеловать... — тут он умолкает и бьёт себя в грудь, — когда ты захочешь поцеловать Пита, я поцелую тебя. Если же тебе просто нужна практика, найди себе другого помощника.

Я ничего не понимаю.

— Это всего лишь поцелуй.

Он осторожно берёт меня за подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза.

— Когда я наконец поцелую тебя, это случится потому, что ты захотела поцеловать Пита, мужчину, который смотрит на тебя, словно зачарованный, который охренеть как боится тех новых чувств к тебе, заставляющих забывать как дышать, который умирает от желания ощутить твой вкус. С той нашей встречи я думаю о тебе почти каждый день, принцесса, и я не хочу, чтобы мысли о тебе исчезли из моей головы. — Он быстро чмокает меня в кончик носа и отстраняется. — Но когда я поцелую тебя, это случится потому, что ты будешь чувствовать ко мне нечто такое же огромное, как я к тебе.

Я ничего не могу с собой поделать. Я смотрю на его промежность. Он усмехается.

— И это тоже.

— Чем тогда займёмся? — спрашиваю я. Поверить не могу. Впервые после изнасилования мне захотелось поцеловать парня, а он оказался настоящим джентльменом и не хочет воспользоваться этим шансом.

— Пойдём за покупками, — отвечает Пит и кивает, словно ещё что-то обдумывает.

— Нам нужно поспешить?

Я пожимаю плечами. Наверное.

— Если я не вернусь в течение часа или двух, от папиных звонков расплывится мой телефон.

Пит снова кивает и смотрит на часы.

— Почти время ленча. — Он ухмыляется. — Думаю, настал черёд нашего третьего свидания.

Я закатываю глаза и выхожу вслед за ним из смотровой. Мои коленки всё ещё дрожат от нашего почти-поцелуя. Если бы он действительно поцеловал меня, я стала бы лужицей на полу.

Пит

Я хочу поцеловать её. Очень-очень сильно. Но не буду этого делать. До тех пор, пока она не будет готова. Я не боюсь, что она надерёт мне задницу. Всё потому, что я действительно забочусь о ней. Когда-то давно я уже позаботился о ней, а последние два дня заставили меня захотеть узнать её ещё лучше.

Я вспоминаю, как Логан впервые привёл к нам домой Эмили. Мы смеялись над ним, потому что она осталась на ночь, а до неё на ночь не оставалась ни одна из его многочисленных женщин. У них не былоекса, но каждую ночь она спала в его кровати. Он был по уши влюблён в неё. Это была любовь с первого взгляда. Я помню, как пытался понять, что было у него в голове. Теперь же я понимаю. Есть девушки, с которыми просто трахаются. Но есть девушки, с которыми хотят переспать, да так сильно, что это причиняет боль, но этого не делают, потому что они особенные.

Наш пикап останавливается у аптеки, и я, выйдя из машины, обхожу её и беру Рейган за руку. Так мы вместе подходим к раздвижным дверям. Она пытается выдернуть руку, однако я не позволяю. Я держу её крепко, но осторожно. Она вздрагивает, и я боюсь, что Рейган снова может ударить меня. Но вместо этого она делает глубокий вдох, успокаивается, и её рука в моей расслабляется.

— Что мы покупаем? — спрашивает Рейган. Она поднимает на меня свои зелёные глаза, и наши взгляды встречаются. Я вижу её настороженность.

— Презервативы, — с непроницаемым видом отвечаю я. У неё отвисает челюсть. Я наклоняюсь ближе и громким шёпотом добавляю: — Шутка. — Подняв своё повреждённое запястье, я уточняю: — Мне нужно какое-нибудь противовоспалительное.

— О, — выдыхает Рейган. Но тут же улыбается и качает головой.

— Что такое? — спрашиваю я и уже понимаю, что она не уверена в том, стоит ли отвечать мне. Но я надеюсь, что шокировал её настолько, что она просто будет собой. Я хочу, чтобы она была собой. А не той девушкой, которая появилась в результате психологической травмы. Мне хочется увидеть её, настоящую.

— Перестань так делать, принцесса, — говорю я. — Ты меня убиваешь.

Она снова напрягается.

— Что я делаю?

Я поднимаю руку и касаюсь подушечкой большого пальца её нижней губы. И я готов к тому, что она вот-вот отстранится.

Или вырубит меня. Но ничего такого не происходит. Она улыбается и склоняет голову, отчего волосы падают на её лицо. Я очень медленно убираю их в сторону и заправляю за её ушко. Рейган же, стеснительно улыбаясь, старается смотреть куда угодно, только не на меня.

— От какой именно боли нужно лекарство? — спрашивает она и направляется вдоль прохода, но я не отпускаю её руку. Сейчас я пошёл бы за ней куда угодно, однако она ведёт нас в нужном направлении.

Я сжимаю и разжимаю повреждённую руку.

— Мне кажется, без разницы. — Завтра мне станет лучше, но Рейган уже роется в поиске нужного средства.

Я подхожу ближе и обнимаю её рукой за талию. Она поднимает на меня глаза, её щёки розовеют.

— Мне нравится, что я могу это сделать, — тихо говорю я.

Она кивает и снова закусывает нижнюю губу.

— Мне тоже.

Я отпускаю её и отхожу, чтобы перевести дух. Тик-Таку определённо нужны мятные леденцы. А мне определённо нужно выяснить его имя — я же не могу всё время звать его Тик-Таком, даже про себя. Я беру для парнишки упаковку мятных леденцов и возвращаюсь обратно к Рейган. Только вот она уже не одна.

Рейган

Мне хочется вернуться к той трепетной, спокойной тишине, которая была между мной и Питом, но он в другом отделе. Зато меня, по-прежнему роющущуюся на полке с обезболивающими, замечает Чейз. Он окликает меня по имени и направляется ко мне.

— Рейган, — приветствует он меня так, словно вчера мы не виделись. — Я как раз думал о тебе.

Он всегда говорит сплошные банальности. Отчего трудно сказать, искренен он или нет, и именно это мне в нём не нравится.

— Привет, Чейз, — охрипшим голосом говорю я и оглядываюсь по сторонам, но Пита нигде нет. — Как дела?

— Я вот-вот собирался позвонить тебе. У моего отца есть билеты на завтрашние танцы в загородном клубе. Не хочешь пойти со мной?

— Завтра она занята, — произносит чей-то голос с другого конца прохода. К нам подходит Пит, шагая медленно и неторопливо. Его тело кажется расслабленным, но я знаю, что это не так. Ни капельки.

— А это ещё кто? — спрашивает Чейз.

Пит протягивает ему руку. Чейз смотрит на неё, словно она выпачкана в грязи. Пит опускает руку и берёт мою. Я вырываюсь и скрециваю руки на груди.

— Чейз, это Пит. — Я киваю в сторону Чейза. — Пит, это Чейз.

— Приятно познакомиться, — говорит Пит.

— Мы с Чейзом вместе учились в школе, — спешу сказать я.

Пит улыбается и говорит:

— Счастливчик.

Чейз хмурится и переводит взгляд на меня.

— Значит, завтра вечером ты занята? — спрашивает он, полностью игнорируя Пита, и это страшно меня злит. Ведь Пит пока что ведёт себя очень вежливо.

— Я же сказал тебе, что она занята. — Но вот теперь в голосе Пита звучат стальные нотки.

Чейз сжимает и разжимает ладонь, а потом снова сжимает в кулак. Пит по-прежнему кажется расслабленным. Но это только кажется. Просто ему не нужно рисоваться и показывать, какой он крутой, как это делает Чейз. Пит и так крутой. И даже больше.

— Я хочу услышать это от неё.

— Я... — начинаю я.

Но Пит приобнимает меня и говорит:

— Я беру на себя смелость говорить за неё.

Я поднимаю на него глаза.

— Не говори за меня. — И скидываю его руку, лежавшую на моих плечах. — Ты взял всё, что нужно?

— Ещё нет, — медленно выговаривая слова, отвечает он. Его взгляд блуждает по моему лицу. — Но, наверное, мне пора докупить всё остальное?

Он вопросительно поднимает бровь. Я киваю, и Пит уходит, но лишь после того, как направляет выбившуюся прядь волос мне за ухо.

— И кто это такой, чёрт побери? — рявкает Чейз, наблюдая за надменной походкой Пита до тех пор, пока тот не скрывается в другом отделе. Только тогда Чейз переводит взгляд на меня.

Я пожимаю плечами.

— Друг.

— И с каких пор у тебя появились подобные друзья? — спрашивает Чейз.

Он делает шаг в мою сторону, и я отступаю назад до тех пор, пока не упираюсь спиной в стеллаж. Мне не нравится, когда меня загоняют в угол, но Чейз, похоже, понятия об этом не имеет. Мне приходится шагнуть в сторону, чтобы не оказаться зажатой между

Чейзом и полками.

— Подобные — это какие? — спрашиваю я, понимая, что он имеет в виду татуировки Пита. Пит как раз проходит мимо нашего ряда и машет нам рукой, а потом подмигивает мне. Мои губы расползаются в улыбке. Я снова пожимаю плечами. — Вообще-то, он очень милый.

— Где ты с ним познакомилась?

Я могу сказать ему правду, а могу соврать. Но тут слышу, как в соседнем отделе Пит начинает напевать строчки песни Элвиса Пресли «Jailhouse Rock»⁶. Я ухмыляюсь. Ничего не могу с собой поделать.

— Он помогает в лагере на этой неделе, — увиливаю от прямого ответа я. Ну, так-то это тоже правда.

— Откуда он? — спрашивает Чейз.

— Из Нью-Йорка, — отвечаю я.

Пит начинает напевать «Jailbreak»⁷ группы AC/DC. В этот раз я не могу сдержаться и смеюсь в полный голос.

— А твой отец не против, что ты тусяешься с ним?

Мой отец тоже весь в татуировках, но большинство их скрыто под его одеждой.

— Пит нравится ему, — отвечаю я. — И мне.

Чейз опирается рукой на полку позади меня и наклоняется ближе. Я снова отодвигаюсь от него, и он сердито смотрит на меня.

— Не окружай меня, — предупреждаю я.

Он поднимает обе руки вверх, как при сдаче полиции. На его лице снова появляется вопросительное выражение.

— Ну так что? Насчёт завтра?

— Я не могу, — вырываются из меня.

Мне кажется, до меня доносится приглушенное «Да!», но я не уверена.

Чейз берёт меня за локоть, отчего по моей руке бегут мурашки. Но я вырываюсь.

— Не трогай меня, — говорю я.

Откуда ни возьмись, в нашем отделе появляется Пит и решительно направляется прямо к нам. На его лице читается угроза, и я встаю на его пути, чтобы он не набросился на Чейза, потому что, судя по всему, именно это Пит и собирается сделать.

— Ты всё купил? — положив ладонь ему на грудь, спрашиваю я.

Пит опускает на меня взгляд, беззвучно спрашивая, в порядке ли я. Его рука опускается на мою талию, скользит за спину, и он притягивает меня к себе. Проверяет меня. И я не хочу бороться с ним. Я принимаю его.

От прикосновений Чейза по моей коже бегут мурашки, от прикосновений Пита мою кожу словно покалывает. Не самое приятное ощущение, честно говоря, но это лишь потому, что я не в силах его контролировать. Пит притягивает меня ещё ближе, его ладонь лежит на моей спине, во второй зажаты мятные леденцы и всякая мелочь. Он делает шаг в сторону Чейза, и наши тела теперь настолько близко, что мне приходится сделать шаг назад.

Я повторяю свой вопрос:

— Ты всё купил?

Пит переводит взгляд на меня.

— Я взял всё, что мне нужно, — отвечает он. Вежливо, но слишком мягко, и ясно, что именно он имеет в виду.

Я откашливаюсь и поворачиваю Пита к выходу, чтобы мы оплатили все его покупки.

— Ещё увидимся, Чейз, — бросаю я через плечо.

Он машет мне рукой. Мне немножко стыдно, потому что он явно растерян.

Как только мы отходим подальше, он вытаскивает свой телефон, и я уже жду, что

⁶ «Jailhouse Rock» с английского переводится как «Тюремный рок».

⁷ «Jailbreak» с английского переводится как «Побег из тюрьмы».

скоро мой папа услышит обо всём от отца Чейза. Но мне плевать. Если бы папе Пит не нравился, он бы никогда не отпустил меня с ним одну.

Пит подходит к прилавку и выкладывает свои покупки рядом с кассой. Затем вынимает бумажник из заднего кармана и открывает его. Внутри, вместе с наличностью, я замечаю пару пакетиков из фольги. Моё лицо вспыхивает. Пит расплачивается, закрывает бумажник и убирает его обратно в карман. Потом забирает у фармацевта пакет и благодарит её.

Когда мы выходим из аптеки, он переплетает свои пальцы с моими.

Я поднимаю на него глаза и тут же жмуруюсь от яркого солнечного света.

— По-моему, тебе нужно поучиться вести себя прилично, — говорю я, но не могу сдержать смех. Не могу, и всё. — «Jailhouse Rock»? Серьёзно?

Пит пожимает плечами, но при этом ухмыляется.

— По-моему, это было уместно.

Я так громко хохочу, что тут же смущённо прикрываю рот рукой.

— Нет, очень даже неуместно, — отвечаю я.

Он тут же становится серьёзным, а когда мы залезаем в пикап, смотрит на меня.

— Кто этот парень?

— Друг, — пожимая плечами, отвечаю я. — И ничего больше.

— Почему ты не сказала ему, откуда я приехал? — спрашивает Пит. Мне кажется, он даже затаил дыхание в ожидании моего ответа.

— Я сказала.

Он качает головой.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Он спросил, откуда ты. Я сказала, что из Нью-Йорка. Что, по-твоему, я ещё должна была сказать?

— Правду. Так было бы лучше всего, — бурчит он.

— Тюрьма — это место, где ты провёл какое-то время, вот и всё.

Пит фыркает.

— Это как если бы мальчишки, которые провели неделю в лагере, говорили, что они из «Каст-Э-Вэй Фармз».

— Но это не так. — Пит качает головой, словно взвешивая мои слова.

Но тут же с подозрением смотрит на меня.

— Ты попросила его не прикасаться к тебе.

— Да, — тихо отвечаю я. — Я многим не разрешаю касаться меня.

И затем я решаю сказать ему правду.

— Я ходила с ним на свидания, пару раз.

— Ты ходила с ним на свидания и до сих пор не позволяешь ему прикасаться к тебе?

— Пит удивлённо поднимает бровь.

Я киваю, чувствуя себя неловко из-за его вопроса.

— Хорошо, — ухмыляясь, говорит он.

Я завожу мотор и, положив правую руку на консоль между нами, управляю машиной только левой. Его повреждённая рука ложится рядом с моей, и его мизинец цепляется за мой. Так мне комфортно. Приятно. И одновременно как-то не по себе, но в хорошем смысле, и я не знаю, что мне с этим делать.

— Хватит думать, — говорит Пит, глядя в окно. Он даже не смотрит на меня!

— Ладно, — тихо отвечаю я.

И, усевшись поудобнее, передвигаю руку ближе к его руке.

Когда мы приезжаем в лагерь, я на взводе. Пит смотрит на меня и улыбается.

— Милая, мы дома, — ухмыльнувшись, напевает он. Но тут же становится серьёзным и, опустив голову, заглядывает мне в лицо. — Ты всё ещё думаешь, да? — нежно спрашивает он.

Я киваю. И яростно моргаю, чтобы ушли навернувшиеся на глаза слёзы. Он такой

добрый и такой милый, но я мучилась над этим всю дорогу до дома.

— Боюсь, я не могу быть такой, какой ты хочешь, чтобы я была, — еле слышно произношу я. — Не могу.

Я никогда не буду нормальной. Никогда.

— Мы только недавно познакомились, — отвечает он. — Откуда тебе, чёрт возьми, знать, чего я хочу?

Пит отпускает мою руку, и я тут же ощущаю себя как никогда одинокой. Я смотрю в его глаза.

— Мне очень-очень хочется поцеловать тебя, — говорю я.

Он ухмыляется.

— Хорошо.

— Но что если я никогда не смогу? — Никогда не смогу, потому что передо мной будет стоять *его* лицо, а не лицо Пита?

Пит сплетает наши пальцы.

— Тебе так хорошо? — спрашивает он.

Вчера это было бы совсем не хорошо, но сегодня вдруг очень хорошо.

— Нет.

Пит тут же отдергивает руку, словно я ошпарила его кипятком.

— Подожди. — Мне нужно всё ему объяснить. — Это не просто хорошо. Это восхитительно.

Он заметно расслабляется.

— Ты напугала меня.

Я тянусь к его руке и крепко её сжимаю.

— Вот это для меня почти так же интимно, как секс, который когда-нибудь у меня будет, или как поцелуй, который, мне кажется, я хочу разделить с тобой.

— Понятно, — ухмыляясь, говорит Пит.

Я закатываю глаза. Выражение его лица смягчается.

— Так случилось, что мне нравится держаться с тобой за руки, глупая, — говорит он. — Очень нравится. — Он проводит рукой по своему лицу. — Возможно, даже больше, чем нужно. — Его рука сжимает мою. — Так что если даже это всё, к чему ты пока готова, я уже счастлив. Этого мне достаточно.

Он снова склоняется ближе ко мне, заглядывая в моё лицо.

— Я встретился с тобой только вчера. Как много мужчин, с которыми ты знакомишься, тут же пытаются залезть к тебе в трусики?

Я тяжело вздыхаю. Мы встретились задолго до вчерашнего дня, но, фактически, он прав.

— Если так, то ты общашься с неправильными мужчинами. — Он отпускает мою руку и поворачивается, чтобы открыть дверь пикапа.

— Пит, — окликаю я его.

Он, улыбаясь, смотрит на меня через плечо.

— Рейган, — тон его голоса копирует мой. Но тут Пит поднимает руку. — Я понимаю, что ты уже хочешь переспать со мной, Рейган, — он ухмыляется, — но мы же вчера только познакомились, побойся Бога! Дай мне время, чтобы узнать тебя поближе, хорошо? — Он поправляет свою одежду, как если бы я раздевала его глазами. — Я не просто кусок плоти.

Он не перестаёт ухмыляться, и я понимаю, что это всё шутка, но до меня вдруг доходит, как глупо я себя вела. Я позволила влечению к этому мужчине диктовать мне, что делать: я возвела вокруг себя стены, потом разрушила их, но только для того, чтобы снова построить их, ещё крепче. К концу недели я буду чёртовой крепостью. И лишь в одном можно не сомневаться. Если кому-то и удастся пройти через мои стены, да так, чтобы я сама этого захотела, то этот кто-то — Пит. Потому что мне уже почти этого хочется.

Пит

Когда мы вылезаем из пикапа, нас уже ждёт мистер Кастер. Он с мрачным видом смотрит на моё перевязанное запястье, но замечает, что Рейган глядит на меня с ещё более мрачным выражением.

— Всё в порядке? — спрашивает он, переводя взгляд то на неё, то на меня.

— Просто растяжение, — отвечаю я и поднимаю руку, чтобы пошевелить пальцами. Потом оглядываюсь по сторонам.

В лагере пусто.

— А где все? — спрашиваю я.

Мистер Кастер показывает большим пальцем в сторону бассейна.

— Половина у бассейна. Другая половина в конюшне.

— Линк по-прежнему ругается? — испытывая явный дискомфорт, спрашивает Рейган.

— Твоя мать спасла тебя, когда сказала в его присутствии слово на букву «б». — Мистер Кастер улыбается. Похоже, он ничуть не злится.

Рейган улыбается.

— Как замечательно, что ей удалось предотвратить катастрофу, которую я устроила.

— На твою мать всегда можно положиться, когда дело касается ругательств — она это может. — Её отец переводит взгляд на меня. — Где ты сегодня работаешь? С Гонзо?

Я понятия не имею, что должен делать.

— Где скажете. — Я вытягиваю руки, ожидая его ответа.

Он кивает в сторону домика вожатых, куда меня поселили.

— Уточни у Фила. По-моему, он хотел устроить собрание для молодых парней, и ему нужны солидные мужчины.

Я киваю. Никогда не считал себя солидным мужчиной, но мне нравится, что мистер Кастер причислил меня к таковым.

Я, склонив голову набок, смотрю на Рейган. И надеюсь, что вид у меня как у любопытного щенка. Но, скорее всего, это не так.

— Мы ещё увидимся? — спрашиваю я.

Её отец выгибает брови, и у него такой вид, словно его это... забавляет?

Она кивает мне, чуть покраснев, но при этом бросает быстрый взгляд на отца.

Я направляюсь к домикам вожатых, на пятаке между которыми кругом расставлены стулья. Фил поднимается, берёт стул для меня и ставит его напротив себя, на другой стороне круга.

— Как запястье? — спрашивает он, когда я усаживаюсь, расставив колени и оставив руки болтаться между ними.

— Всего лишь растяжение, — отвечаю я. Мне совсем не нравится, что всё внимание неожиданно оказывается направленным на меня.

Фил улыбается и подмигивает мне.

— То, что тебя ударила девушка, как раз в тему... — Он обводит взглядом группу. — Потому что мы как раз говорили о том, что многие из этих молодых людей выросли в семьях, где домашнее насилие считается нормой.

— Понятно... — медленно выговариваю я, гадая, хочет ли он, чтобы я тоже подключился к беседе.

— Хочешь узнать, сколько таких? — спрашивает Фил и улыбается мне в знак поддержки.

— Против не буду, — отвечаю я, потому что, наверное, именно эти слова он и хочет услышать.

Фил обращается к группе:

— Поднимите руки те, кто знает, что такое домашнее насилие по собственному опыту. — Шесть из десяти поднимают руки. — Я имею в виду также то, что насилию

подвергались ваши матери, отцы или братья и сёстры. Даже ваши бабушки и дедушки или родители из приёмных семей.

Ещё одна рука. Семьи этих мальчишек не похожи на мою. Совсем. Меня окружали любовью и сопереживанием, они же росли в хаосе и злости.

— Ничего себе, — говорю я. — Больше, чем я думал. — Я не знаю, чего именно хочет от меня Фил, поэтому просто задаю вопрос: — А ваши друзья знали о ситуации, в которой вы находились? Или вы старались отгородить их от своих семей?

Один из мальчишек шумно выдыхает.

— Я бы не позволил своим друзьям приблизиться к моему дому и на пушечный выстрел.

— И ты ходил в гости к ним? — спрашиваю я.

— Не ко всем. У многих были такие же семьи, как у меня, поэтому чаще всего мы зависали в парке.

— Но у тебя есть друзья из нормальных семей? — спрашиваю я.

Тик-Так морщится.

— Ссоры, драки — вот что нормально, — говорит он. — Если я приду в дом, где никто не ссорится, где никого не бьют, я в страхе убегу оттуда.

Пацаны смеются над его словами, но то, что он избегает встречаться со мной взглядом, говорит о том, что в них есть доля правды. Проблема в том, что они сами считают «нормальным».

— Многие из вас хотели, когда вырастите, жить по-другому?

Четверо поднимают руки.

— А как насчёт ваших будущих детей? — спрашиваю я. — Вы хотели бы лучшей жизни для своих детей?

Поднимается ещё четыре руки.

— Значит, вы думаете, что ваши дети заслуживают лучшего? — спрашивает Фил и оглядывает группу. — А что вы можете сделать, чтобы так оно и было?

— Не обрюхатить какую-нибудь сучку, чтобы потом не пришлось на ней жениться, — заявляет один.

— И таким словом ты называешь женщин? — спрашиваю я и пристально смотрю на него. Не следует. Но он должен знать, что так нельзя.

Парень пожимает плечами.

— Они и есть сучки.

— Твоя мама сучка?

Он снова пожимает плечами, но старается избегать моего взгляда.

— И твоя дочь тоже будет сучкой?

Сейчас парень садится на стуле ровно. Собирается защищаться, думаю. Я поднимаю руку, чтобы он молчал.

— Каждая женщина — это чья-то дочь. И кто-то её любит. А вы обесцениваете её и любую другую женщину, называя их сучками и шлюхами. — Я вырос на районе. Я мог бы назвать им и другие словечки, погрубее, о существовании которых они, вероятно, и понятия не имеют. Но парни и так понимают, что я хочу донести до них. — Каждая девушка, с которой вы встречаетесь, — это чья-то дочь. Вспоминайте об этом каждый раз, когда захотите обидеть её.

Тот же самый мальчишка качает головой.

— Но некоторые с... — Он умолкает и исправляется: — Некоторые *женщины* не хотят, чтобы с ними обращались, как с чьими-то дочерьми. Если их отцы вели себя по-скотски, они не знают ничего лучше.

Я киваю.

— Когда девушка вырастает, она принимает ту любовь, которую, по собственному мнению, заслуживает. Думаете, это честно? Этого бы вы хотели для своих дочерей?

Я оглядываю парней.

Один из них склоняется чуть вперёд. Кажется, мне удалось завоевать его внимание. Парень смотрит прямо мне в глаза, когда начинает говорить:

— Я буду обращаться со своей дочерью как с принцессой. Потому что иначе она свяжется с первым встречным мужчиной, даже если он плохой. Так говорила мне моя бабушка. — Он залезает в задний карман своих штанов и вытаскивает фотографию. — Вот моя малышка, — сияя от гордости, говорит парень.

Я наклоняюсь ближе, чтобы рассмотреть фотографию. Потом протягиваю руку и обмениваюсь с ним рукопожатием.

— Твоя дочь скажет тебе спасибо. Как и тот мужчина, за которого она однажды выйдет замуж.

— А у тебя есть девушка? — спрашивает меня один из парней.

Внезапно в центре внимания оказываюсь я.

Я качаю головой.

— Нет. Я всего лишь пару дней назад вышел из тюрьмы.

— У него не было времени, чтобы потрахаться, — говорит один из парней, и другой даёт ему пять.

— Я покончил со случайными перепихами. Этого мне уже недостаточно. Я хочу отношений. Хочу встретить ту, с кем смогу разделить свою жизнь. Я хочу, чтобы обо мне заботились, и хочу сам заботиться о ком-то. Но прежде всего я хочу стать лучше, чтобы быть достойным своей избранницы.

— Фигня, — бурчит кто-то из группы. — Ты ещё даже не знаешь эту её, а уже хочешь изменить себя ради неё. На хрена оно нужно? — Он взмахивает руками, словно хочет отогнать от себя мои слова.

Я качаю головой.

— Я хочу стать лучше ради себя самого. Но я не сомневаюсь, что та, кто станет моей женой, этого заслуживает. — Я начинаю загибать пальцы. — Я хочу поступить в колледж. Хочу найти хорошую работу. Я хочу дом, пусть небольшой, но свой собственный. — Тут я хлопаю себя по груди. — Я хочу, чтобы по комнатам бегали дети. Хочу ходить на футбольные тренировки и заниматься с Младшей лигой, и хочу держать за руку малышку, которая будет танцевать на цыпочках в своей юбке-пачке. Я хочу видеть, как мои дети пойдут в колледж и видеть, что они добились большего, чем я. — Я поднимаю глаза на Фила. — Вот такие у меня планы.

Фил улыбается и кивает.

— У кого ещё есть окончательные планы на то время, когда вас освободят?

Парни переглядываются.

— Кто из вас планирует окончить школу? — спрашивает Фил.

Половина группы поднимает руки.

— Кто из вас собирается устроиться на работу?

В этот раз поднимают руки все.

— Кто из вас планирует заводить детей и заботиться о них?

Руку поднимает только тот парень с фотографией.

— А кто из вас пользуется презервативами, когда трахается? — спрашивает Фил.

Мальчишки смеются.

Фил усмехается.

— Тогда заводить детей планируют многие из вас — больше, чем я думал.

Фил берёт пачку блокнотов и раздаёт их по кругу. Один, вместе с ручкой, достаётся и мне.

— Я хочу, чтобы вы все написали хотя бы один пункт своих будущих планов, в котором абсолютно уверены, к нашему завтрашнему групповому занятию.

— Типа колледжа и отличных оценок? — спрашивает один из парней.

Фил качает головой.

— Колледж, покупка золотой рыбки, женитьба, работа, поездка на ярмарку штата...

Напишите о том, что сможете выполнить. И на одной странице или меньше расскажите мне о том, как вы будете идти к своей цели.

— А мы будем делиться этим в группе? — спрашивает кто-то.

Фил пожимает плечами.

— Только если сами этого захотите.

Фил распускает группу, мальчишки забирают свои тетради, уносят в свои домики и уходят выполнять свои обязанности в лагере. Но меня он останавливает, положив руку на плечо.

— Ты отлично общался с ними.

Я пожимаю плечами.

— У меня много братьев. Мы часто разговариваем.

— У некоторых мальчишек никогда не было мужского внимания, не было рядом того, кто бы мог действительно услышать их.

Я киваю.

— Понятно. — Я смотрю на парней, которые обходят меня, направляясь по своим делам. — Но и я могу научиться у них, пока учу их.

Фил сжимает моё плечо.

— Не сомневаюсь.

— Чем мне теперь заняться? — спрашиваю я.

— Проверь, как там Карл. По-моему, он у бассейна. — Фил поднимает на меня глаза.

Я поднимаю штанину джинсов и смотрю на свой отслеживающий браслет.

— Эту штуку можно мочить?

Он кивает.

— Да, эту модель можно. Так что прыгай в воду, сколько захочешь.

Фил ухмыляется.

— Эй, Пит! — Я оборачиваюсь. — Сегодня вечером мы собираемся разрешить пацанам покупаться в бассейне. Я бы хотел, чтобы ты тоже там был. На случай, если кому-то из них нужно будет поговорить. Так что после ужина постараися быть свободным, договорились?

— Да, сэр.

Я направляюсь в сторону бассейна. Но в последнюю минуту разворачиваюсь и иду переодеться в купальные шорты. По дороге я бессознательно ищу глазами Рейган. Но она нигде не попадается мне. И вот я, наконец, вижу её. Она, одетая в купальник, сидит на высоком стуле со свистком во рту.

Я не могу оторвать от неё глаз. Она же с видом профессионала наблюдает за бассейном. Но тут Рейган замечает меня, и её лицо краснеет.

Боже, как она прекрасна! Я же парень, поэтому внимательно разглядываю её подходящий слушаю купальник — красный и скрывающий все нужные места и даже больше. Но, судя по моим напряжённым нервам, она могла бы с таким же успехом сидеть тут и голой. Мой член, похоже, тоже так считает. Но я же говорил, я парень.

Рейган сидит, скрестив ноги, на её голове красуется стильная соломенная шляпа с большими полями, лицо закрывают дурацкие очки в белой оправе, а на носу блестит белый крем. Какая же она милая, чёрт побери!

Рейган свистит в свисток, и один из мальчишек, бегающий по краю бассейна, тормозит и с виноватым видом смотрит на неё.

Тут сзади в меня врезается что-то тяжёлое, отчего мои колени подгибаются. Я оборачиваюсь и вижу ухмыляющегося Гонзо.

У тебя такой вид, словно ты участвовал в драке, и для тебя она закончилась неудачей, показывает он и указывает на мой глаз.

Я пожимаю плечами. Вот что случается, когда хватаешь девчонку не в том момент. Запомни: некоторые из них могут надрать тебе задницу.

Я думал, мальчишки врут, говорит он и смеётся. Она права ударила тебя? Он

переводит взгляд на Рейган и снова ухмыляется. *Вот что случается, когда подкатаиваешь к моей девушке. И не говори, что я не предупреждал тебя.* Гонзо грозит мне пальцем.

— Почему ты не купаешься? — спрашиваю я.

Он показывает на кусок пластика. *Довольно сложно дышать, когда туда попадает вода.*

— А ты не можешь плавать без этой штуки? Серьёзно?

Его лицо вытягивается. Не стоило мне поднимать эту тему.

— Тогда что ты тут делаешь? Ты мог бы покататься на лошади или заняться ещё чем-нибудь весёлым.

Гонзо смотрит в сторону Рейган.

И не увидеть её ноги? Нет, ни за что. Я останусь здесь.

Я усмехаюсь и качаю головой. Парнишка забавный. Пожалуй, соглашусь с ним. Придвинув к нему стул, я сажусь.

— Чтоб ты знал, я забил её. Так что кончай мечтать.

Чувак, она дала тебе по морде. Он смеётся.

Я похлопываю себя по груди.

— Я могу быть обаятельным, когда хочу этого.

И откуда это? Он широко улыбается.

Я пихаю его в плечо.

— У тебя есть братья или сёстры?

Он качает головой. *A что, хочешь подать заявление о приёме на эту должность?*

А этот парнишка куда остроумнее, чем можно подумать.

— У меня уже есть четверо братьев, так что благодарю. Больше мне не нужно.

И на что это похоже, когда в доме так много людей? Должно быть, у вас большой дом.

Я качаю головой.

— Нет, и, если честно, это не дом, а маленькая квартирка. — Я пожимаю плечами.

— Но мы уживаемся.

Ты скучаешь по ним?

Я киваю. Особенно по Сэму.

— Очень скучаю. Мне удалось провести дома только одну ночь, прежде чем меня назначали твоим «оратором».

По крайней мере, я говорю гениальные вещи. Он хлопает себя в грудь. *A ведь я мог оказаться скучным. Что бы ты тогда делал?*

— Моя жизнь тоже могла бы быть хуже. Но вот я сижу у огромного бассейна, рядом с умным парнем, и смотрю на красивую девушку.

Выбирай выражения, а то от твоих комплиментов у меня закружится голова. Он переводит взгляд на Рейган. Что, в его глазах желание?

— Хватит пускать слюни на мою девушку, — предупреждаю я.

Он не отрывается от неё глаз, но в его взгляде уже не похоть, а... нужда.

Как думаешь...

Его руки замирают.

— Что? Говори уже, — настаиваю я.

Забудь.

— Что ты хотел сказать? — повернувшись к нему лицом, спрашиваю я. — Давай. Я не смогу заснуть, если не услышу, что у тебя на уме.

Я просто задумался... Он снова смотрит на Рейган. *Как считаешь, в моей жизни появится девушка, которая будет смотреть на меня так же, как она смотрит на тебя?*

Я бросаю взгляд на высокий стул.

— И как она смотрит на меня?

Словно хочет переспать с тобой. Он смеётся. Но я уверен, что для него это серьёзная тема. Гораздо серьёзнее, чем он хотел бы, чтобы я подумал.

Я легонько пинаю его, чтобы привлечь к себе внимание.

— Не этот вопрос ты должен задавать себе, тушица.

Я в инвалидном кресле, мистер Советчик. Думаешь, хорошо называть меня тушицей? Это может негативно сказаться на моей самооценке.

Я закатываю глаза.

— Если бы у тебя были какие-то проблемы с самооценкой, я бы уже знал об этом.

Забудь о том, что я спросил. Гонзо старается смотреть куда угодно, только не на меня.

— К каждой кастрюле есть своя крышка, Карл. Некоторые подходят лучше других, но всегда есть одна, которая сидет идеально. Так что не спрашивай себя, достаточно ли ты хорош для неё, потому что когда ты найдёшь ту, единственную, у тебя не будет никаких сомнений.

Он ухмыляется. Похоже, ему понравился мой ответ. И я действительно говорил то, что думаю.

Значит, по-твоему, она существует?

Я киваю.

— По-моему, она просто ждёт, когда найдёт тебя. Поэтому не просри свой шанс, много думая на эту тему.

Он показывает на себя.

Я? Я вообще не думаю!

С противоположной стороны бассейна к нам идёт мама Карла. Она подкрадывается на цыпочках, держа в руке полное ведро воды, так что я стараюсь не улыбнуться. Но не могу ничего с собой поделать, когда она выливает воду на спину Гонзо. Он вздрагивает и наклоняется вперёд, но тоже смеётся.

— Это тебе за то, что так отвратительно вёл себя этим утром, — с усмешкой говорит она. Так вот откуда в нём столько дерзости. Теперь его мама нравится мне ещё больше. И тут она достаёт из-за спины водяной пистолет и протягивает его Гонзо.

— По-моему, Рейган не помешает чуток освежиться, как думаешь? — Она подмигивает мне.

И вот Гонзо внезапно становится серьёзным и сосредоточенным. Он прячет пистолет между ног и катит своё кресло в направлении Рейган. Остановившись рядом с ней, он хлопает в ладоши. Она смотрит на него сверху вниз, улыбается, что-то говорит, но я далеко и мне не слышно. Гонзо ухмыляется, вытаскивает пистолет и обрызгивает её с ног до головы. Вода не попадает ей на лицо, но на все остальные части тела — очень даже. Рейган закрывает руками, и это весьма забавная картина. Но вот в пистолете Гонзо заканчивается вода, и она спускается со своего стула по лестнице. В её руке мокре полотенце, Рейган пытается ударить Гонзо и попадает по его коленке.

— Ой! — вздрогнув, шепчу я себе под нос.

Но ему это чертовски нравится. Он ухмыляется и бросает пистолет в бассейн, чтобы его снова наполнили. Всё это время она, с полотенцем в руках, гоняется за ним вокруг бассейна до тех пор, пока не приходит её отец и не отсылает её обратно на пост. Мистер Кастер грозит ей пальцем, и Рейган щутливо дуется. И вдруг хлопает полотенцем по его заду. Он поворачивается, поднимает её и бросает в воду. Рейган выныривает на поверхность и отплёвывается. Её большая соломенная шляпа плавает рядом с ней, а очки утонули.

Это так забавно! Я не могу перестать смеяться. У меня даже бока заболели от смеха. Рейган смотрит в мою сторону и прищуривается. Она подплывает к бортику, рядом с которым я, абсолютно сухой, сижу.

— Похоже, тебе очень весело, Пит, — говорит она.

Наполнив рот водой из бассейна, Рейган струйкой выплёвывает её мне на ногу. Чёрт, как же это сексуально. Но я же парень. Мы всегда помешаны на таких вещах. Она может плевать лузгу от семечек, и всё равно я, наверное, сочту это сексуальным.

— И что ты собираешься сделать? — поставив локти на колени и чуть склонившись

вперёд, спрашиваю я.

На секунду она кажется мне испуганной. Но до меня тут же доходит, что она что-то придумывает. Я прямо-таки чувствую, как, пуская искры, крутятся шестерёнки в её голове, так напряжённо она думает. Гонзо подкатывается ко мне. Должно быть, всех ребят предупредили насчёт его трубки, потому что никто не пытается его намочить, а сам он осторожно ездит по краю бассейна. Вот он рядом со мной, и в следующую секунду мне в лицо брызжет струя воды. Сейчас он не так аккуратен, как был с Рейган.

Я поднимаю руки, чтобы защититься, но, чёрт побери, ему так весело, что я не хочу ему мешать. Поэтому позволяю опустошить в меня весь пистолет. Только после этого я сдуваю воду с губ и открываю глаза.

Рейган улыбается широченной улыбкой, да и сам Гонзо сияет не меньше неё.

— Ты заслужил это, — говорит она.

Я встаю и показываю на неё пальцем.

— Я иду за тобой, Рейган, — предупреждаю я.

Она вздыхает и отплывает назад.

У неё немного испуганный вид, но потом я понимаю, что она веселится и в панике упливает не потому что я собираюсь прикоснуться к ней, а потому что собираюсь окунуть её в воду.

Это как прелюдия. Очень хорошая прелюдия. Я залезаю в мелкую часть бассейна и плыву за ней до каната, который разделяет бассейн по центру. Мне так сильно хочется прикоснуться к ней, что я ощущаю это желание физически.

— Иди сюда, малышка, — дразню её. — Сейчас я покажу тебе, что случается, когда связываешься с настоящим мужчиной.

Она смеётся и подныривает под канат. Вынырнув с другой стороны, Рейган улыбается. Я ныряю и тянусь к ней. Ей почти удаётся ускользнуть от меня, но я успеваю схватить её в самый последний момент. А затем медленно и осторожно притягиваю к себе.

Мы так близко друг к другу, что я чувствую, как бьётся её сердце рядом с моей грудью. Она смотрит мне в глаза, затем её взгляд падает на мои губы, но тут же поднимается обратно.

— Пит, — предупреждает она и отталкивается ногами, чтобы удержаться на плаву.

— Рейган, — копирую я её тон.

— Я ни в чём не виновата, — немного задыхаясь, говорит Рейган. — Это всё Гонзо. Это была его идея.

— Врушка, — шепчу я.

Её лицо вспыхивает. Я раздвигаю воду одной рукой, а второй прижимаю её к себе. Мне так хорошо, что я не хочу её отпускать.

— Рейган! — рявкает её отец.

Она поднимает на него глаза, словно её только что вывели из транса. Я отпускаю её, но она не упливает. Её рука касается моей.

— Я хочу тебя поцеловать, — под влиянием момента говорю я ей на ухо. Она слегка дрожит.

— Тебе лучше сделать это побыстрее, — предупреждает Рейган. — Или мне придётся найти на эту роль кого-то другого, более желающего.

Она отстраняется от меня и упливает к другому краю бассейна, где вылезает из воды и вскарабкивается обратно на свой стул. Пока она усаживается, её нога болтается в воздухе. Затем Рейган смотрит на меня и громко говорит:

— Это должно быть незабываемым, Пит. Вот и всё, что я хочу сказать. — Затем она указывает на место рядом со мной. — И брось мне мою шляпу.

Я поднимаю её мокрую шляпу и кладу на край бассейна. Затем ныряю и достаю со дна её забавные очки, чтобы положить их рядом со шляпой. Хорошо, что мне есть чем занять себя, потому что я ещё не готов вылезать из бассейна.

После нашего первого поцелуя все первые поцелуи перестанут существовать для

меня. Я уверен в этом. Мне остаётся лишь надеяться, что она почувствует то же самое.

Рейган

Папа злится на меня, это точно. Прожигает меня взглядом целый день. Пит тоже не спускает с меня глаз, но это совершенно другое. Пару часов назад Пит сбросил футболку и направился ко мне, держа в руках бутылочку с солнцезащитным кремом, которую дала ему мама Гонзо. Папа перехватил его, развернул и сам намазал ему плечи. Пит не сопротивлялся. Это было самое забавное зрелище за много лет. Закончив, папа с силой шлёпнул Пита по голому плечу и показал на группу слабослышащих детей, которые только что подошли к бассейну.

Пит устроил для них матчи по водному волейболу и по водному баскетболу, и я сижу и наблюдаю за играющими мальчишками. У меня пересыхает во рту, когда Пит выпрыгивает из воды, чтобы ударить по мячу и отбрасывать его на другую сторону здоровой рукой. У него потрясное тело, и мне выпадает возможность увидеть все его татуировки. Я хочу провести кончиками пальцев по каждой из них и узнать, как далеко они уходят под его купальные шорты, которые так низко сидят на его бёдрах, прямо на выступающих косточках... да ещё дорожка волос, спускающаяся вниз от его живота — всё это заставит потерять голову любую, даже самую рассудительную девушку. Как меня сейчас. Я не могу отвести от него глаз. Я хочу проследовать по этой дорожке как по тропинке из жёлтого кирпича. А мой папа напоминает трусливого льва — похоже, он боится моих чувств к Питу больше, чем я сама.

А я... я злая волшебница.

Пит подплывает к краю бассейна, где сижу я.

— Пойдём поплаваем, — брызгая водой мне на ноги, предлагает он.

— Я на дежурстве, — отвечаю я и дую в свисток.

— Они глухие, ты в курсе? — показывая большим пальцем на группу мальчишек за своей спиной, говорит Пит и смеётся. — Твой свисток тут бессилен.

— Тогда остаётся надеяться, что они умеют плавать.

— Они на мелководье. — Он ухмыляется мне.

Я смотрю на мальчишек. Они, перекидывая мяч, наблюдают за Питом.

— Ты им нравишься, — говорю я. Конечно, как же иначе. Пит нравится всем. Даже моему папе, хотя я сомневаюсь, что он в таком же восторге от наших стремительно развивающихся отношений.

— А ты им нравишься ещё больше, — отвечает Пит. — Я сказал им, что собираюсь закадрить красотку-спасательницу.

Мои губы растягиваются в улыбке. Он считает меня красоткой.

— Не может быть.

— О, очень даже может. — Он улыбается, и моё сердце делает кувырок. — Так что приготовься, прекрасная спасательница.

Пит вылезает из бассейна, стараясь не беспокоить травмированное запястье, залезает по лестнице и идёт в мою сторону. По его телу струится вода. Приблизившись, он кладёт скрещенные руки на мои колени и смотрит на меня снизу вверх.

— Ты ведь не против, чтобы я касался тебя, да? — спрашивает он.

Моё сердце колотится так сильно, что трудно дышать, но это не из-за того, что я боюсь Пита. Он заставляет меня чувствовать то, что я никогда прежде не чувствовала.

— Судя по всему, моя внутренняя богиня та ещё шлюшка. Да-да, я читала «Пятьдесят оргазмов».

Пит опирается лбом на руки и смеётся, его плечи трясутся.

Я шлёпаю его по ёжику на голове.

Он прикрывает голову ладонью и поднимает на меня сердитый взгляд.

— За что?

— Ты смеялся надо мной.

Он фыркает.

— Ты говорила о «Пятидесяти оргазмах». Конечно, мне стало смешно.

Я прищуриваюсь.

— Ты вообще знаешь, про какую книгу я сейчас..?

— Про Анастейшу и как-его-там, — махнув рукой, отвечает Пит. — Я читал её.

У меня отвисает челюсть.

— Последняя часть — самая лучшая. — Пит ухмыляется. — Его капитуляция была такой милой.

— Он не сдался.

— Разве? — Пит смеётся. — Он полностью изменился ради неё. И ему это чертовски понравилось.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на него.

— Ты читал лишь самые интересные моменты, да?

Пит притворяется обиженным.

— То, что я симпатичный, не означает, что я глупый. — Он усмехается, а затем поднимает мою руку вместе со своей, переплетая наши пальцы.

Когда у бассейна появляется папа, Пит подпрыгивает от неожиданности, но не отнимает руки, хотя папа сверлит его взглядом.

— Рейган! — рявкает мой отец.

Я выдыхаю и как можно вежливее отвечаю:

— Да, папа?

— Только что звонил отец Чейза Джеральда.

Его взгляд опускается на наши с Питом сцепленные руки, и если бы взглядом можно было убивать, Пит сейчас был бы горсткой пепла.

— Это тот парень из аптеки? — шёпотом спрашивает меня Пит.

На секунду опустив на него глаза, я киваю.

— Что ему нужно? — Я и так догадываюсь, и от мысли об этом у меня ёкает сердце.

— Он сказал, что Чейз вернулся домой и рассказал, как видел тебя в аптеке с каким-то отморозком. — Папа пристально смотрит на Пита, который заметно напрягается — его рука ещё крепче сжимает мою.

— Ты объяснил ему, кто такой Пит? — спрашиваю я. Мне не хочется, чтобы кто-то находился в заблуждении относительно Пита.

— Я сказал ему, что это парень, на которого запала моя дочь, но я не волнуюсь, потому что она умная девушка с головой на плечах. — Он повышает голос на последних словах и ещё более пронзительно глядит на Пита.

— Я не запала, — протестую я. Но именно так всё и есть.

Папа смотрит на меня.

— Тогда как ты это назовёшь?

Я не знаю, потому что не могу описать свои чувства. И поэтому просто пожимаю плечами. От этого тело Пита напрягается ещё больше.

— Чейз хотел знать, не желаешь ли ты поехать с ним на вечеринку в клуб.

— Я уже сказала ему, что нет, — говорю я. Но тут вижу знакомое выражение на папином лице. Такой ответ не прокатит.

— Я сказал, что ты с удовольствием составишь ему компанию. — Папа направляется к калитке, но вскоре оборачивается через плечо. — Он заедет за тобой в шесть.

Я рычу себе под нос. Потому что теперь, когда папа ушёл, я уже ничего не могу поделать. Калитка с грохотом захлопывается. Я вырываю ладонь из руки Пита.

— Куда ты собралась? — спрашивает Пит.

— Хочу догнать папу и сказать, что никуда не поеду.

— А ты хочешь поехать? — снова спрашивает Пит. Его синие глаза внимательно разглядывают меня.

— Если бы я хотела пойти, то не отказалась бы ему. — Я тяжело вздыхаю.

Пит отступает от меня, забирая с собой всё своё тепло, в котором я нежилась ещё мгновение назад.

— Думаю, тебе стоит пойти, — тихо говорит он.

— Почему? — едва слышно спрашиваю я. Что-то не так. Обычно он не ведёт себя так равнодушно.

— Твой папа хочет, чтобы ты пошла, — пожимая плечами, отвечает Пит. — А ты же не хочешь его разозлить.

Он отступает от меня и идёт вдоль бассейна. Затем показывает что-то мальчишкам, и они начинают собирать мячи и сетки, а потом строятся в шеренгу у калитки.

— Ещё увидимся, — тихо говорит мне Пит и уводит мальчиков к их домикам.

Что я сделала не так? Честно, понятия не имею.

Я вижу, как папа входит в дом через заднюю дверь и бегу за ним. Не знаю, зачем он это затеял, но из-за его слов Пит на меня разозлился — так что папе придётся извиниться.

— Пап! — кричу я ему в спину.

Но он не оборачивается, чтобы поговорить со мной, а идёт дальше.

Игнорирует меня? Что за чёрт?

Я иду за ним на кухню, где наблюдаю, как он пристально смотрит на маму, которая выглядит слегка озадаченной.

— Как ты мог так поступить? — спрашиваю я.

Моё сердце колотится как сумасшедшее, и я едва могу дышать.

— Что ты сделал? — спрашивает мама.

Папа пожимает плечами и моет руки. Как будто меня тут и нет. Мама переводит взгляд на меня и вопросительно поднимает бровь.

— Он назвал Пита отморозком, а потом сказал мне, что я должна пойти на свидание с Чейзом, а всё потому что позвонил его папаша и щёлкнул пальцами. — Для пущего эффекта я щёлкаю своими.

Пытливое выражение на мамином лице сменяется сердитым.

— Что? — спрашивает она. Схватив папу за плечо, мама разворачивает его лицом к себе. — Уж кто-кто, а ты... как ты мог назвать Пита отморозком?

— Прямо ему в лицо сказал! — кричу я. — А потом Пит ушёл. И я даже не знаю, что он думает.

— Зато я знаю, что он думает, — бормочет папа.

Мама хмурится.

— Он думает, что не нравится тебе!

Папа хмыкает что-то неразборчивое. И это весь его ответ?

Выражение на мамином лице смягчается. Она читает папу как книгу. Мне бы так.

— Что? — спрашиваю я, переводя взгляд то на неё, то на него.

— Твой отец боится, что Пит пытается залезть к тебе в трусики, — говорит мама.

Она поднимает бровь, глядя на папу, который вообще старается не смотреть в мою сторону.

Я вскидываю руки.

— Так в том-то и дело! — кричу я. — Он не пытается залезть мне в трусики. Он даже не собирается меня целовать!

— О, — выдыхает мама.

Папа снова что-то бубнит, и она гладит его по плечу, нежно глядя на него.

— Что? — вновь спрашиваю я.

— Папа боится, что ты останешься с разбитым сердцем, — спокойно объясняет мама и с сочувствием смотрит на папу.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Большинству девчонок разбивают сердце, когда им лет по восемнадцать. Или шестнадцать. Ну, или когда там они начинают встречаться с парнями. — Я показываю на себя большим пальцем. — У меня, папа, никогда не было парня. — На глаза наворачиваются слёзы, и я быстро моргаю, чтобы не заплакать. Да что ж такое-то? — Мне нравится Пит, и он тот, кто может понравиться тебе. Так в чём проблема? Мы же даже не были на свидании!

— Я видел, как он смотрел на тебя у бассейна. — Папа тяжело вздыхает. — Он смотрит на тебя так же, как я смотрю на твою маму. — Он поднимает мамин подбородок, чтобы их взгляды встретились. — Я увидел её и, хотя понимал, что не ровня ей, захотел её больше всего на свете. — Он переводит взгляд на меня. — И точно так же смотрит на тебя Пит. Это меня пугает, Рейган. А не то, что он отморозок или что он бедный, или то, что он сидел в тюрьме. Пит смотрит на тебя так, словно не хочет ни на секунду отводить взгляд. Он бы даже, наверное, нравился мне больше, если бы просто хотел залезть к тебе в трусики, потому что с этим ты в состоянии справиться. Но влюблённый в тебя мужчина — это совсем другое. Ты не готова к этому. — Папа передёргивает плечом. — Не готова.

С таким же успехом он мог бы воткнуть мне нож в сердце.

— Откуда ты знаешь, к чему я готова, а к чему — нет? — спрашиваю я.

— Я видел, что сделал с тобой тот козёл, Рейган. — Папа так сильно ударяет кулаком по кухонной столешнице, что подпрыгивает посуда. И я тоже. — Я видел, в каком состоянии ты ходила по дому, как вздрагивала от каждой тени, как окружила себя стенами, чтобы больше никто не мог причинить тебе вред. Ты научилась тому, как можно защитить своё тело, но никто не научил тебя, как защитить своё сердце. — Он бьёт себя кулаком в грудь. — Ты не готова к тем отношениям, которых хочет Пит. Совершенно не готова.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала? — спрашиваю я так тихо, что сама едва разбираю свои слова.

Но папа меня услышал.

— Остановись, пока ещё не слишком поздно, — произносит он. — Прекрати это.

— Ладно, — выдыхаю я. — Ты победил.

Развернувшись, я выхожу из кухни.

Мы с Питом познакомились всего два дня назад. Но почему тогда у меня такое ощущение, будто моё сердце знает его всю жизнь? Не понимаю. Возможно, папа и прав.

Пит

За ужином я пытаюсь не смотреть на неё. Она сидит со своей матерью и братом, но её отца с ними нет.

Её мама машет мне рукой, чтобы я присоединился к ним, но я качаю головой и сосредотачиваюсь на своей тарелке.

— Почему ты не сидишь с Рейган? — спрашивает меня Тик-Так, усаживаясь рядом.

Я пожимаю плечами. Не могу подобрать нужных слов, чтобы ответить ему.

— Как тебя зовут, чувак? — спрашиваю я.

Он улыбается.

— Эдвард.

— Кто-нибудь называет тебя Эдди?

Он качает головой.

— Так называл меня только один человек. Но я подстрелил его, когда застал за тем, как он насилует мою младшую сестру. — Он избегает встречаться со мной взглядом. — Поэтому я не советую тебе так меня называть. — Он ухмыляется. — Зови меня приурком, да как хочешь зови, но только не Эдди.

— Это был твой отец? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Нет, просто мужик, за которого вышла моя мать. — Он смотрит куда-то вдали, словно что-то вспоминает. — Я подстрелил его. Бах! — Последнее слово он говорит тихо, как в автобусе, когда впервые заговорил со мной.

Ничего себе. Даже не знаю, что сказать на это.

— Как твоя сестра? — спрашиваю я, вспоминая, в каком состоянии нашёл тогда Рейган. И мне не хочется даже знать, что было с его сестрой.

— Ей тогда было всего одиннадцать лет, — шепчет Тик-Так. — Грёбаных одиннадцать лет.

Не следовало мне его осуждать, когда мы только познакомились.

— Мне очень жаль, — говорю я.

— Меня просто бесит, что он забрал то, что могло бы у неё быть, знаешь?

Я киваю, но на самом деле, конечно, не знаю.

— А сейчас она живёт с твоей мамой?

— Нет, — отвечает он. — Её забрали в приют. Маму тоже арестовали, почти сразу же после того инцидента. За наркотики, наверное. — Он пожимает плечами. — Ей будет лучше в какой-нибудь хорошей семье. — У него загораются глаза. — Мне сказали, что я смогу навещать её, когда выйду. Всего на час, и мы не сможем оставаться наедине, но ничего страшного. Мне просто нужно знать, что с ней всё в порядке.

Я киваю.

— У меня нет сестёр.

— Твоя девчонка, Рейган, — говорит Эдвард и улыбается. — Похоже, она может за себя постоять.

— Она надрала мне задницу. — А что, это правда.

— Как думаешь, она сможет научить меня парочке приёмов карате? — спрашивает он.

Я ухмыляюсь.

— Спроси у неё сам.

— Как бы я хотел, чтобы кто-нибудь научил таким вещам мою сестру. — И на его лице вновь появляется отстранённое выражение.

Я не уверен, что это что-то бы поменяло, но всё равно киваю.

Эдвард поднимается, чтобы выбросить свою тарелку, а затем снова поворачивается ко мне.

— Когда я выйду, можно мне будет тусоваться с тобой и твоими братьями? Фил

говорил, что ты живёшь недалеко от меня.

Я киваю.

— Почему бы и нет. — Я не знаю этого пацана, но он пережил тяжёлые времена, и в этом не было его вины. — Побросаем мяч.

Он ухмыляется.

— Договорились.

Эдвард уходит, чтобы переодеться. Сегодня молодых парней освободили от обязанностей на весь вечер. Им разрешили воспользоваться бассейном и подурачиться, так что сегодня им можно будет побить просто мальчишками.

Я вновь сосредотачиваю всё внимание на своём ужине. Теперь, когда Эдварда нет, глотать легче. У меня нет сестёр, но есть племянница, Хайли, и я не единственный из Ридов, кто убьёт любого, попытавшегося её обидеть. Ей пять лет, и я уже давно её не видел. Чёрт, да она, наверное, и не помнит меня. Но я всё равно, не колеблясь ни секунды, отдал бы за неё свою жизнь.

Обеденная зона начинает пустеть, и я понимаю, что слишком распереживался по поводу Эдварда и его сестры. Напротив меня садится мистер Кастер и, упёршись локтями в стол, протяжно выдыхает.

— Моя дочь больше со мной не разговаривает.

Я не отвечаю и запихиваю в рот полную вилку спагетти, чтобы у меня была на это уважительная причина.

— Похоже, ты ей очень нравишься.

Я откусываю кусок хлеба. И по-прежнему ничего не говорю. Снова стало тяжело глотать.

— Её мама тоже со мной не разговаривает, — продолжает он и криво усмехается. — Но мне нравится секс с моей женой, поэтому я решил, что лучше будет поговорить с тобой и расставить всё на свои места.

Я давлюсь спагетти. Подняв на него глаза, стараюсь отышаться и кашляю в кулак.

— Женщины всегда найдут способ получить то, что хотят, Пит, — говорит он. — А моя жена хочет, чтобы Рейган сама делала за себя выбор. — Он делает глубокий вдох. — Мне кажется, ты её выбор. — Он указывает на меня пальцем. — Но если обидишь её, то помоги тебе Господь. Я найду тебя где угодно и сделаю с тобой такое, о чём ты даже представления не имеешь.

— Да, сэр. — Мой ответ больше похож на писк. Я простираю горло и напоминаю ему: — Но мы только что познакомились.

Он качает головой.

— В своей голове она знает тебя уже два с половиной года, сынок. Так что вы не только что познакомились. Ты стал её героям в ту ночь, когда позаботился о ней. И теперь только время покажет, что из твоего образа она надумала сама. Но Рейган чувствует связь с тобой, и ты единственный, кого она подпустила к себе так близко. Так что моё тебе благословление.

Я ухмыляюсь.

— Спасибо, сэр.

Я перевожу взгляд на Рейган, но она не смотрит на меня. Её взгляд опущен. Я доедаю свой ужин и иду к ней. Но когда я подхожу, она уже уходит.

— Рейган, — окликаю я её.

Она тяжело вздыхает и, повернувшись ко мне, пинает носком шлёпанца камушек.

— Мы сможем увидеться, попозже? — спрашиваю я.

— Зачем? — отвечает она, не глядя мне в глаза.

— Ого, вот так вот, — бормочу я.

Она поднимает на меня взгляд.

— Прошу прощения?

Телефон в её заднем кармане начинает звонить, и она, достав его, смотрит на экран.

Я тоже вижу высветившееся имя, когда она поднимает мобильник к уху и отвечает — Чейз. Рейган поднимает вверх палец в просьбе подождать, пока закончит разговор.

Я, стиснув зубы, жду.

— Увидимся завтра, Чейз, — наконец говорит она. Тихо, но я слышу.

Она идёт с ним на свидание? Это шутка такая? Да, я сам ей сказал согласиться, но...
Боже. Я всё просрал.

— Что тебе нужно? — спрашивает Рейган и засовывает телефон обратно в задний карман. Я чувствую себя так, словно она только что дала мне под дых. Не должен, но чувствую.

— Значит, ты собираешься пойти на свидание с этим придурком? — спрашиваю я.

Она, закрыв глаза, делает глубокий вдох, как будто для того, чтобы собраться с духом.

— Ты сам сказал мне пойти с ним на свидание, Пит, — отвечает Рейган.

Я киваю.

— Да. — Она права. А я идиот. — А ты собираешься следовать всем моим советам?

Она закатывает глаза. Никогда ещё не видел, чтобы кто-то закатывал глаза и при этом был таким чертовски милым. Я ухмыляюсь. Ничего не могу с собой поделать.

— Что такого смешного? — уперев руки в бёдра, спрашивает Рейган и сверлит меня взглядом.

— Это всё какая-то фигня, — бормочу я скорее себе, чем ей.

Но она слышит меня, и на её лице я вижу обиду.

— Я не имел в виду тебя.

Она наклоняет голову и прищуривает глаза.

— Тогда что ты имел в виду, Пит?

— Всю эту ситуацию. — Я показываю на себя и на неё. — Это случилось в самое неподходящее время.

Рейган идёт выбросить свою тарелку, я следую за ней. Она останавливается и разворачивается так быстро, что врезается в мою грудь. И отходит, стоит мне протянуть руку, чтобы помочь ей не потерять равновесие. Она улыбается и качает головой.

— Действительно, фигня какая-то, — говорит она и тихонько усмехается.

— Значит, Чейз — тот самый? — спрашиваю я. Да, дурак. Сам знаю.

— Он просто парень, с которым я иду на свидание, — отвечает Рейган и сдувает со лба чёлку.

— А ты можешь что-нибудь придумать, чтобы не ходить? — спрашиваю я, и во мне расцветает надежда.

Она качает головой.

— Я пыталась, но ты меня отговорил, — напоминает она мне.

— Я злился. Прости меня. — Единственное, что поможет, — это попросить прощения. — Твой отец вполне ясно дал понять, что я тебе не пара, и в ту минуту я с ним согласился.

В этот раз я пинаю камушек. Потому что боюсь того, что увижу, если подниму на неё глаза.

— Я хочу кое-что попробовать. С тобой, — тихо говорит Рейган. Она подходит близко, настолько, что я ощущаю её дыхание через свою футболку. Оно тёплое и влажное. Моё сердце начинает гулко биться.

— Можно я прикоснусь к тебе? — спрашивает она и кладёт ладонь на мой живот.

Затем рядом ложится и вторая ладонь, а потом она проводит руками вокруг меня и обнимает. Сцепив руки у меня за спиной, Рейган прижимается щекой к моей груди.

— Обними меня тоже, — шепчет она.

Я обнимаю её в ответ, неторопливо и бережно, стараясь не сжимать слишком сильно. Она тяжело вздыхает, и я опускаю свой подбородок на её макушку. С этой самой секунды моё сердце принадлежит ей. Я говорю себе, что она забрала только маленький его кусочек, но это грёбаная ложь. Когда я вернусь в Нью-Йорк, она будет владеть им всецело. Даже

таким простым проявлением ласки она убивает меня. И я не знаю, как вести себя, поэтому продолжаю держать её в своих объятиях. Обнимаю осторожно, впитывая свои ощущения. Мне хочется поднять её лицо и прижаться губами к её губам, но не уверен, что получу от поцелуя столько же удовольствия, сколько получаю от этой многозначительной тишины. В ней так много новых возможностей.

А ещё, лично для меня, эта тишина полна томления, хотя для Рейган она наверняка значит что-то другое. Я открываю глаза и поднимаю взгляд.

Недалеко от нас стоит её мама с широко открытым ртом. Она закрывает его, улыбается мне и показывает два больших пальца. Я не могу сдержать ухмылку.

Я кладу ладонь на затылок Рейган и провожу по всей длине её волос.

— Ты даже не представляешь, как долго я хотел прикоснуться к тебе, — шепчу я.

— Ты даже не представляешь, как долго я хотела, чтобы ко мне прикоснулись, — отвечает она. Я чувствую её слова на своей груди, чувствую в них желание.

Она глубоко вдыхает и ослабляет объятия. Прохладный воздух тут же сдувает её тепло, и мне хочется прижать Рейган обратно к себе.

— Ещё увидимся, Пит, — говорит она.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Честно говоря, меня переполняют эмоции, и мне нужно время, чтобы кое о чём подумать. — Она смотрит на меня, но её взгляд затуманен чем-то, что я не могу описать. — Мне нужно немного времени, чтобы побывать одной.

Я киваю. Не знаю даже почему.

— Я могу чем-то тебе помочь? — спрашиваю я и заправляю за её ухо прядь выбившихся волос.

Она качает головой.

— Нет. Я возьму паузу.

Она похлопывает меня по груди на прощание и уходит.

Рейган входит в дом и не выходит. Не выходит, чтобы исполнить обязанности спасателя, пока в бассейне резвятся молодые парни. Не выходит, чтобы пожарить на костре зефир. Не выходит, чтобы проверить свою лошадь. Не выходит и на следующее утро, когда у детей из лагеря начинаются мероприятия. Она вообще не выходит из дома до следующего вечера, когда на подъездную дорожку въезжает неоново-жёлтый «мустанг». Из него вылезает Чейз Джеральд и идёт за моей девушкой. Рейган, наконец, выходит из дома. Но под руку с ним, чёрт бы его побрал.

Рейган

Чтобы привести мысли в порядок, понадобилось немного времени. Хотя мне по-прежнему сложно прийти в себя, но стало лучше. Я надеваю сандалии, украшенные декоративными камушками, одёргиваю подол платья. Обычно я не ношу платья, но сегодняшний вечер обещает пройти в пафосе — ужин в загородном клубе, как-никак. Строгого дресс-кода не предусмотрено, но нужна нарядная одежда. Моё платье-футляр с запахом завязывается на бедре и обтягивает фигуру, но не вульгарно. Я разворачиваюсь спиной к зеркалу и смотрю на попу. Вид у меня — то, что надо. Волосы убраны в высокую причёску, и только несколько волнистых прядок спускаются на шею. Глаза подведены светлой подводкой, плюс тушь и немного румян. Всё лето я провела на солнце, так что тональный крем мне не нужен.

Раздаётся стук в дверь, и мама просовывает голову в мою комнату. Вытирая руки о кухонное полотенце, она входит внутрь и присвистывает.

— Выглядишь восхитительно, — одобрительно кивая, говорит мама. Она подходит к моей шкатулке с украшениями и открывает крышку. — Может, наденешь бабушкино ожерелье?

Мне это даже в голову не пришло.

Я разворачиваюсь, и мама застёгивает ожерелье у меня на шее. Стоит мне чуть-чуть наклониться, и оно покачивается. На руку я надеваю несколько позякивающих браслетов и поднимаю их повыше. Они всё равно свалятся, но смотрятся классно.

Я вытягиваю руки вдоль тела и спрашиваю:

— Я похожа на нормальную девушку?

На мамином лице появляется нежность.

— Милая, ты и есть нормальная девушка, — мягким голосом говорит она, но тут же подозрительно прищуривается. — Зачем ты согласилась на это свидание?

— Потому что не могла отказаться, — признаюсь я. — А теперь не хочу подставлять Чейза.

Мама качает головой.

— Но он не тот самый единственный, не правда ли?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Я никогда не давала ему шанса, чтобы выяснить это.

Мама ничего не говорит. У неё это отлично получается — молчать, когда нужно, но когда ситуация требует обратного, ей всегда есть что сказать.

— Твоему отцу незачем было так настаивать на этом свидании.

Я качаю головой.

— А если он прав? Если Чейз — моя половинка? Я не узнаю, пока не попробую. — Я тяжело вздыхаю.

— Но сердцу не прикажешь, Рейган, — говорит мама.

Я смеюсь, хотя в моём смехе нет ничего от веселья.

— И что это означает?

— Я думаю, ты уже знаешь, что это означает. — Она садится на край моей кровати.

— Этот Пит, ты доверяешь ему, да?

— Настолько, насколько могу доверять любому, с кем познакомилась три дня назад, — небрежным тоном отвечаю я. Но сама знаю, что Пит — это больше, чем просто знакомый.

— Твоё сердце знает его уже давно, — говорит мама.

— Моё сердце работает иначе, чем сердца других, — огрызаюсь я. — Я не могу ему довериться.

— О, Рейган, — тихо произносит она. — Я всем сердцем ненавижу того подонка, что сделал это с тобой. Прошло уже больше двух лет, а ты по-прежнему не разрешаешь себе жить полной жизнью. Словно ты застряла в том мгновении, когда он причинил тебе боль.

— Ты не знаешь, каково это, мама, — также тихо говорю я, предостерегая. Она не

может рассуждать об этом. Не с ней это произошло.

— А ты знала, что каждая пятая студентка переживает изнасилование во время учёбы в колледже? Каждая пятая, Рейган! — восклицает она.

— И что? — отвечаю я. — Жизнь продолжается, это ты хочешь сказать?

Но моя жизнь не продолжается. Я застряла там. До Пита.

— Пит пробуждает во мне желания, которые пугают меня, — признаюсь я.

— Это и есть любовь, Рейган. Она приводит тебя в трепет и чертовски пугает, и из-за неё твоё сердце готово выпрыгнуть из груди, а внутри всё сжимается от томления. — Она умолкает и смотрит на меня. — Это нормальные чувства. Ненормально то, что произошло с тобой, и то, как ты закрылась ото всех, чтобы защитить своё сердце.

— Что ж, моё сердце в опасности, — отшучиваюсь я.

— Как и его, — замечает мама.

За всё то время, что зарождались наши с Питом отношения, я ни разу не задумалась о его чувствах. Я размышляла о своих страхах. Считалась со своими чувствами. Со своими потребностями, со своими желаниями.

Но никогда я не считалась с его. А что если он не стал целовать меня, потому что боялся, что я причиню ему боль?

Что если Пит не хочет меня так, как хочу его я? Что если он хочет меня, но боится, что если коснётся, то я взбеленюсь? Что если? Что если? Что если?

— Сердце Пита доброе и хорошее, — говорю я. — Это всё, что я знаю.

Мама улыбается.

— Это начало.

С нижних ступенек лестницы доносится крик отца:

— Рейган! Приехал Чейз!

Мама поднимается.

— Доверься своему сердцу, Рейган. — Она целует меня в лоб, и я выхожу за ней из комнаты. У подножия лестницы стоит Чейз и смотрит на меня. Не эти зелёные глаза я хочу видеть, но мне стоит попытаться, да? Стоит попробовать.

— Привет, Чейз, — щебечу я.

— Рейган. — Он широко улыбается и двигает бёдрами. — Готова немного потанцевать?

— Конечно, — отвечаю я с улыбкой. — Повеселимся.

Я беру его под руку, и мы выходим из дома. Он открывает мне дверцу своей уродливой жёлтой машины, и я проскальзываю на сидение.

Его взгляд опускается на моё бедро, когда платье приподнимается, и я тут же одёргиваю подол. Чейз ухмыляется и захлопывает дверцу, затем садится за руль и выезжает на дорогу так лихо, что из-под колёс летят камни.

Пит

И вновь я смотрю сначала на свои часы, затем на подъездную дорожку. Уже прошло четыре часа, а Рейган до сих пор нет дома. По-моему, этого времени вполне достаточно для ужина и танцев, разве нет? Так почему она ещё не вернулась?

До меня доносится рёв мощного «мустанг», и мое тело напрягается. Я поднимаюсь на ноги, оборвав разговор с мальчишками, и начинаю ходить туда-сюда. На улице темно, и хотя внешнее освещение у дома включено, едва можно разглядеть, кто за рулём.

— Я сейчас вернусь, — тихо говорю я. Мальчишки усмехаются, один из них качает головой.

— Что?

— Ничего, — ухмыляется он. — Ты грёбаный подкаблучник, знаешь это?

Да. Знаю. И мне плевать. Я медленно подхожу к парадному входу. У кустов останавливаюсь, прячась в тени. Машина тормозит, но со стороны водителя высекивает совсем не тот мудак.

А Рейган. Её волосы всклокочены и свисают на спину запутанными прядями. Когда она уезжала, они были собраны в элегантный пучок. Платье свисает с её плеча, и она поправляет его, прежде чем войти в дом. Как и причёску. Свои сандалии она несёт в руках.

Что за хрень?

Внезапно за «мустангом» останавливается ещё один автомобиль, и Рейган оборачивается. Прикрыв глаза рукой, она смотрит в сторону включённых фар. Рейган топает ногой, и теперь и мне видно, что со стороны пассажирского сиденья второй машины вылезает Чейз.

Рейган не останавливается, чтобы поговорить с ним. Она входит в дом и захлопывает за собой двери. Хлопок эхом прокатывается по двору.

Чейз, прихрамывая, идёт к своей машине. Тьма застилает мне глаза, я едва могу соображать, едва могу видеть. Он что-то сделал с ней, иначе она не была бы в такой ярости. Я выхожу вперёд и бросаю Чейза на дверцу «мустанга», напугав его до полусмерти, и наклоняюсь к нему.

— Что, мать твою, ты с ней сделал? — спрашиваю я, наши лица разделяют всего несколько сантиметров.

Он поднимает руку, чтобы стереть мою слону со своей щеки.

— Ничего я с ней не делал, — возражает Чейз.

— Ты что-то сделал, иначе она бы так не злилась. — Я прижимаю его к машине, а не то мне придётся его ударить. Но я очень хочу услышать его версию, прежде чем бить. Хочу услышать, как ему жаль, прежде чем убью его.

— Я ничего не делал, — клянётся он и поднимает руки вверх, словно сдаётся. И тут я замечаю кровь у него под носом. И разворачиваю его под свет. Точно, из его носа идёт кровь, её капли замарали рубашку. От проносящихся в голове мыслей мое сердце начинает бешено колотиться.

— У тебя есть время, пока я считаю до трёх.

Но я не успеваю сказать и «один», как Чейз быстро выплёвывает правду:

— Мы танцевали, и я трогал её...

— Трогал где? — рычу я. Клянусь Господом Богом, я его убью.

— Просто держал её, когда мы танцевали, — отвечает он, но не смотрит мне в глаза.

— И? — Я настойчиво требую продолжения.

— И, — медленно начинает он, — я, должно быть, задел её грудь раз или два. И вот её кулак уже летит мне в лицо. Потом она пнула меня по яйцам, а когда я согнулся пополам, зарядила мне коленом в челюсть. — Он повторяет её движения, и я в точности могу представить, что Рейган с ним сделала. Я вот-вот начну смеяться. Но Чейз ещё не закончил.

— Потом, когда я уже лежал на полу, она упёрлась пяткой в мои причиндалы и давила на них до тех пор, пока я не отдал ей ключи. Так она угнала мою машину. — Он показывает на

дорогу, куда умчалась вторая машина, высадив его здесь. — Мне пришлось просить своего приятеля отвезти меня сюда.

Рейган угнала его машину после того, как избила. Я смеюсь. Ничего не могу с собой поделать. Смеюсь прямо ему в лицо. Мне нечего здесь делать. Она уже всё сделала сама. Чуть не кастрировала его.

— Ты уверен, что всё это из-за того, что ты коснулся её груди? — спрашиваю я.

— Да, клянусь. — Козёл по-прежнему держится за свои яички и слегка сутулится, когда я отпускаю его. — Чёрт, мужик, это больно.

Я усмехаюсь. Не смог сдержаться.

— Уверен, так оно и есть.

— Эта стерва — сумасшедшая, — глядя в сторону дома, говорит он.

— Я передам ей твои слова. — Я смеюсь. Даже не могу отругать его за то, что он назвал Рейган стервой, она и так отлично поработала над ним.

— Прошу, не делай этого, — умоляет меня Чейз. — Мой отец убьёт меня, если её отец на меня разозлится.

— Слишком поздно, — доносится со стороны входной двери. В свете фонарей появляется отец Рейган. — Привет, Пит.

Он улыбается мне.

— Привет, мистер Кастер. — Я весело машу ему рукой.

— Привет, Чейз.

Чейзу хватает ума закрыть рот и промолчать.

— Можешь ехать, Чейз, — сообщает ему мистер Кастер, и тот ковыляет к своей машине. Он заводит мотор и отъезжает, отчего к нашим ногам летит гравий.

Мистер Кастер улыбается мне.

— Я не смог ударить несчастного ублюдка после всего, что она с ним сделала, — признаётся он с усмешкой.

— Я тоже, — говорю я. Это было бы нечестно. — С Рейган всё в порядке?

Мне очень хочется увидеться с ней.

— Она просто в бешенстве, — отвечает её отец. Он показывает большим пальцем в сторону амбара. — Она вышла через заднюю дверь и пошла в амбар.

Я с тоской смотрю туда, куда он указывает.

— Чего ты ждёшь, сынок? — спрашивает мистер Кастер. — Иди!

Я улыбаюсь и протягиваю ему руку. Он пожимает её и улыбается.

— Спасибо вам, мистер Кастер, — говорю я и несуся к амбару.

Открыв дверь, я вижу Рейган, которая стоит посередине освещённого прохода между стойлами. На ней по-прежнему её красивое платье, но вместо сандалий грубые ботинки, а волосы она оставила свободно спадать на плечи. Её собака рычит, заметив меня, и встаёт в стойку, чтобы я не смог подойти ближе. Но когда Рейган окликает её, Мэгги отходит и ложится.

— Чего тебе? — гаркает Рейган.

— Ты целовалась с ним? — спрашиваю я и жду её ответа, не в силах дышать.

Она какое-то время просто смотрит на меня, а потом качает головой, и это всё, что мне нужно.

Рейган

Я в таком бешенстве, что едва могу ясно соображать, а Пит спрашивает меня, целовалась ли я с Чейзом Джеральдом?

Серьёзно?

Он бросается ко мне, хватает меня и прижимает к себе. Потом заглядывает мне в лицо.

— Я собираюсь поцеловать тебя, — предупреждает он.

Я отталкиваю его, но это всё равно, что отталкивать кирпичную стену.

— Перестань, Пит, — говорю я. — Ты ведёшь себя глупо.

Но он не выпускает меня, и вдруг его руки опускаются под мою попу и приподнимают. Затем он прижимает меня спиной к стене стойла. Его колено протискивается между моих ног, чтобы поддерживать моё тело, он ставит ногу на мешок с кормом и ладонями обхватывает моё лицо. От него пахнет мятными леденцами и Питом, его дыхание щекочет мои губы.

— Рейган, — чуть слышно произносит он, но его шёпот подобен крику.

Сердце в моей груди бьётся так сильно, что пульс отдаётся в ушах, и я знаю, что он тоже чувствует это.

— Пит, — говорю я.

Его пальцы запутываются в моих волосах у висков, большие пальцы приподнимают моё лицо, и его губы почти касаются моих.

— Пожалуйста, поцелуй меня, — выдыхаю я.

И вот он, наконец, дотрагивается до моих губ, сначала осторожно. Его рот закрыт, он ждёт, глядя мне в глаза и неуверенно пробуя меня на вкус. Он нежен, но я не хочу нежности. Я провожу языком по его губам, и они открываются для меня. Его язык проникает в мой рот и сплетается с моим.

Его руки удерживают моё лицо, и Пит возвращает себе контроль над поцелуем, а после издаёт низкий горланный рык, тем самым сводя меня с ума. И Боже всемогущий, как он это делает! Его язык у меня во рту скользит вдоль моего языка, Пит проталкивает его внутрь и вытаскивает обратно. Я копирую его движения, мне тяжело дышать. Я подтягиваюсь выше по его ноге, прижимаясь к нему своими женскими прелестями, обтянутыми трусиками. Клитор бешено пульсирует, и я могу думать лишь об одном — как мне освободиться от этой сладостной боли, которую он во мне пробуждает. Его язык покидает мой рот, чего мне совершенно не хочется.

Из меня вырывается то ли стон, то ли всхлип, и я притягиваю его обратно к себе и всасываю в себя его нижнюю губу. Я трогаю языком его пирсинг, и он снова издаёт горланный рык. Ёрзаю по его колену, и он убирает руки от моего лица и кладёт их под мою попу, чтобы подтянуть меня выше. Это то, что нужно, и я поднимаю лицо, чтобы вдохнуть воздуха — иначе мое бешено колотящееся сердце вот-вот остановится — и закидываю голову на дверь стойла. Пит принимает на себя весь мой вес, но если он отпустит меня, мои ноги меня не удержат. Его губы щекочут мой подбородок, опускаясь ниже к шее, и, глядя мне в глаза, он тянет за узел платья и разводит полы в стороны. Его горячие ладони крепко удерживают меня за талию. Он не спросил разрешения, но оно и так у него есть. В этом нет никаких сомнений.

Пит смотрит мне в лицо, когда поднимает одну руку и обхватывает мою грудь через лифчик, его большой палец ласкает мой сосок.

Я беру его ладонь в свою руку и прижимаю её ещё крепче к груди. Он рычит в мою шею и тут же замирает. Вздыхает и выдыхает. Я беру его лицо в ладони и притягиваю к себе, но он отстраняется.

— Погоди секунду, — умоляет он. — Мне просто нужно немного времени.

Он дышит так же тяжело, как и я.

Но секунда — это слишком много для меня. Я стягиваю лифчик вниз и обнажаю для

него свою грудь.

Пит склоняет голову и вбирает в рот мой сосок. Он потягивает за него, его губы настойчиво посасывают сосок, его язык касается набухшей плоти. Я не могу думать. Не могу остановить вырывающиеся из меня всхлипы.

— Пит, — вскрикиваю я.

Он хватает меня за попу и притягивает ещё ближе к себе, а потом давит на мой живот, чтобы я откинулась на дверцу стойла. Пит смотрит вниз, на мои трусики, и мне тоже видно мокрое пятно на розовой ткани. Я закрываю глаза.

Он берёт мой подбородок левой рукой, заставляя посмотреть на себя.

— Открой глаза.

Я качаю головой.

Он отодвигается от меня.

— Нет! — кричу я.

Он нужен мне. Я не знаю, что делать с этим желанием.

— Мне страшно, — тихо говорю я. Но боюсь я не Пита, а себя. Потому что сейчас я готова сделать всё, о чём бы он ни попросил.

Большой палец его руки поглаживает мои трусики спереди, и у меня открывается рот от вызванных этим прикосновением ощущений. Меня ещё никто и никогда так не касался. Ни у кого не было таких мягких, греховных, ласковых рук. Его большой палец вжимает ткань трусиков в мою щёлочку, он массирует мой клитор, но прикосновения через ткань — этого очень мало. Он целует меня, и я выдыхаю в его губы.

— Можно я засуну руку в твои трусики? — спрашивает он и кусает меня за мочку уха. Я вскрикиваю и киваю, прислонившись головой к его шее, придвигаясь к нему так близко, насколько это вообще возможно. Его рука проскальзывает между тканью трусиков и моей кожей, я двигаюсь, чтобы дать ему больше доступа.

— Такая мокрая, — говорит он.

Я зажмуриваюсь.

Пит проводит пальцами по моей влажной коже, а потом находит маленький бутончик удовольствия, который пульсирует с тех самых пор, как его губы встретились с моими.

Он прижимает ко мне подушечку среднего пальца, это нежное, но настойчивое прикосновение.

— Пит! — кричу я.

— Рейган, — выдыхает он и снова целует меня, но я судорожно выдыхаю, прерывая поцелуй. Я не могу думать. Не могу говорить. Могу лишь купаться в том наслаждении, что он дарит мне.

— Кончи для меня, Рейган, — шепчет Пит мне в губы.

И я распадаюсь на части. Кончая, я покусываю его нижнюю губу, а он, простонав, всовывает язык мне в рот, впитывая каждое моё движение, каждый мой вдох. Я дрожу над его рукой, вжимаясь в неё, пока Пит занимается мной. Спрятав лицо у него на плече, я обнимаю его руками за шею, а он впитывает моё наслаждение до последней капли. И вот я, опустошённая и отяжелевшая, прижимаюсь к нему, всё ещё дрожа, всё ещё... я влюблена в него. Я издаю звук, похожий на мяуканье, и он выдыхает. Когда я прихожу в себя, он вытаскивает руку из моих трусиков, приподнимает меня и встаёт, когда я обхватываю его ногами за талию. Затем Пит усаживается на тюк прессованного сена, я — верхом на нём.

Пока я спускаюсь с небес на землю, он крепко прижимает меня к себе. Когда ко мне возвращаются силы, я поднимаю голову, сажусь прямо и смотрю в его голубые глаза.

— Что это было, чёрт побери? — выдыхаю я. И смеюсь. Ничего не могу с собой поделать, но я никогда не думала, что когда-нибудь смогу почувствовать себя такой свободной. Никогда.

Он притягивает меня к себе и снова крепко обнимает.

— Это, моя дражайшая Рейган, был чертовски классный первый поцелуй.

— Эпичный, — шепчу я. И хихикаю. И снова смеюсь. Только потому что могу.

Пит

Господи боже, это было сексуальнее всего, что я когда-либо видел, совершаю или даже представлял. У меня было много девушек, но ни одна из них не кончала так, как Рейган только что. Притягиваю её к себе, её кожа касается моей футболки. Она такая тёплая и мягкая, и ощущение того, что она сидит на мне, настолько классное, что я практически готов кончить в штаны. Крепко прижимаю её к себе, но затем она садится прямо, смотрит мне в глаза и произносит:

— Что это было, чёрт побери?

Это был оргазм. И очень-очень бурный, если судить по тому, как она кричала. Или как дрожала в моих объятиях. Или по тому, как повторяла моё имя, снова, и снова.

— Это, моя дражайшая Рейган, — говорю, пытаясь оставаться легкомысленным, хотя на самом деле я потрясён. Как никогда прежде. — Был чертовски классный первый поцелуй.

Её тело трясёт, и сначала мне кажется, что она плачет, но нет. Она смеётся. Точнее, хихикает.

— Эпичный! — шепчет Рейган. И снова смеётся.

Она откидывает голову назад, и её волосы касаются моих рук, которые лежат чуть выше её попы. Я опускаю взгляд на её груди, которые по-прежнему не прикрыты, её соски дерзкие, дразнящие и... обнажённые. Боже, её груди прекрасны. Смотрю ей в глаза, потому что больше не в силах любоваться грудью. Я её хочу. Безумно хочу. Но она пока к этому не готова, я в этом уверен. Просто не готова. Провожу пальцем по краю лифчика и подтягиваю его вверх, чтобы прикрыть их. Рейган опускает глаза и вспыхивает. Она только что кончила на мою чёртову руку, а теперь начинает стесняться?

— Ты в порядке? — спрашиваю я, убирая с её лба влажную прядь волос.

Рейган кивает, покусывая нижнюю губу. Не могу этого вынести. Я ведь парень. Мой член такой твёрдый, что можно гвозди заколачивать.

— Намного лучше, чем просто в порядке, — тихо произносит она. В уголках её глаз появляются слёзы, но она моргает, и те исчезают.

— Пит, — говорит она. — Можно, я кое-что спрошу?

— Что угодно, — шепчу я. Тяну её к себе, прижимая к груди, и провожу рукой по её длинным волосам.

— Ты пойдёшь со мной на свидание, когда мы вернёмся в город? — спрашивает она.

У меня внутри зарождается смех. Рейган только что кончила у меня на коленях, с моей рукой в своих трусиках, а теперь хочет узнать, приглашу ли я её на свидание.

— Конечно, — отвечаю я. — Мне бы очень этого хотелось.

Ну, я, вроде как, хотел бы ещё и кончить, но это может подождать. Я потерплю, пока она не будет готова.

— Это был оргазм? — шёпотом спрашивает Рейган. Я представляю, как она улыбается у меня на груди, потому что слышу эти нотки в её голосе. Она поворачивает голову и прячет лицо в мою футболку.

— И сильный, — отвечаю я со смехом. — Крышесносный.

Я мужчина. О да.

Она хохочет, и от этого её плечи дрожат, а нижняя часть тела покачивается на моём члене. Проклятье. Лучше бы она это прекратила.

— Я так и подумала, — шепчет она.

Шлёпаю её по попке.

— Нам стоит тебя одеть, — говорю я, заставляя её слезть с меня.

Рейган встаёт, и я помогаю ей поправить одежду. Её лошадь издаёт какой-то звук, и она смотрит поверх двери стойла. Потом тяжело выдыхает и говорит:

— Это займёт ещё какое-то время.

Из неё вырывается беспокойный, нервный звук, возможно смешок, и она отводит взгляд. Неужели внезапно почувствовала себя неловко?

Я провожу рукой по затылку и заставляю себя не думать о том, каково это — держать её в своих объятиях. Мне уже её не хватает, а ведь она стоит лишь в нескольких метрах от меня.

— Что именно? — спрашиваю я.

— Текила ожеребится сегодня.

Рейган говорит на каком-то непонятном мне языке.

— Она рожает малыша, — поясняет она.

— О. — Понятия не имею, что на это ответить. — Тебе нужно позовонить ветеринару?

— Нет, я побуду здесь с ней. — Рейган указывает на кучу одеял. — Она сама справится. Я нужна больше для моральной поддержки и чтобы помочь, если что-то пойдёт не так.

Я чешу голову, не зная, что делать дальше.

— Мне уйти?

Она покусывает нижнюю губу.

— Хочешь остаться со мной? — тихо произносит она.

Господи, да больше всего на свете. Я хочу уснуть вместе с ней, держа её в своих объятиях. Да, сексом с ней я тоже хочу заняться, но сейчас это наименьшее из моих желаний.

Я киваю.

Рейган расстилает одеяла на тюк сена, на котором мы сидим. Показывает мне, что можно ложиться, а потом устраивается в моих объятиях. Я умиротворённо вздыхаю.

— Сколько сейчас времени? — спрашивает она.

Я смотрю на часы и зеваю.

— Одиннадцать тридцать.

— Уже поздно, — шёпотом говорит она.

Рейган кладёт голову мне на грудь, а руками обхватывает мою талию.

— Позволь мне обнять тебя, — прошу я и губами прижимаюсь к её лбу.

— Эй, Пит, — шепчет она.

— Да? — также шёпотом отвечаю я.

— Завтра я хочу снова тебя поцеловать, — тихо произносит она.

И хихикает, отчего моя грудь трясётся. И это самый красивый звук, который я когда-либо слышал.

Я тоже хочу завтра её поцеловать. И не раз.

Во сне я бегу на звук голоса Рейган. Я очень хорошо её слышу, но не могу разглядеть. Знаю, что это сон, а присниться может какая угодно хрень, поэтому не паникую. В отличие от неё. Очевидно, что она расстроена, и я пытаюсь разыскать её в тумане. Но у меня не получается. Внезапно что-то выдергивает меня из сна, и я прихожу в себя, лёжа позади Рейган в амбаре, где мы уснули. Из её горла вырывается тихий всхлип. Я смотрю на неё и понимаю, что она спит. Её глаза крепко зажмурены, а сама она свернулась калачиком. Когда мы засыпали, Рейган прижалась ко мне. Когда она успела отодвинуться?

— Рейган, — зову я тихо. Она вздрагивает и бьёт меня по руке. Ей всё ещё снится сон, и я не знаю, как вернуть её к реальности.

— Рейган, — повторяю я, но уже громче.

Её глаза распахиваются, и она постепенно просыпается. Хлопает ресницами, когда видит, что я смотрю на неё. Она тяжело дышит, но быстро успокаивается.

— Мне приснился сон, — говорит она. Оглядывается вокруг, а потом откидывается назад на одеяло, и её тело расслабляется.

— Плохой? — спрашиваю я.

Рейган кивает. Я ложусь на бок, подперев голову рукой, чтобы видеть её. Она придвигается ближе ко мне, и я кладу руку на её талию.

— Прости, — бормочет она.

Обнимаю её за талию и притягиваю к себе.

— Не стоит извиняться, — отвечаю ей.

— Раньше я принимала лекарства, чтобы избавиться от сновидений, но от них голова казалась ватной, поэтому я перестала.

Она смотрит на меня, и её зелёные глаза медленно моргают.

— Иногда я плохо сплю.

Убираю прядку волос с её лица.

— Тебе снится то, что случилось той ночью? — спрашиваю я.

— Иногда.

Рейган смотрит в сторону, избегая моего взгляда. Очевидно, не очень хочет об этом говорить.

У меня много вопросов, но я не хочу ворошить эти воспоминания, тем более если она старается похоронить их в глубине сознания.

— Ты снова переживаешь всё это во сне? — интересуюсь я.

Она качает головой.

— Не само изнасилование, — она произносит это как самое обычное слово. А у меня внутри всё сжимается. — Мои сны скорее о чувствах. Чаще всего, о сожалении.

— О чём ты жалеешь? — спрашиваю я.

Рейган смотрит на меня, как будто ищет невидимую связь между нами, и мне это нравится. Чертовски нравится.

— Я жалею, что вообще пошла на ту вечеринку, — отвечает она. — Мне нужно было остаться в общежитии и заниматься.

— Ты знала его? — снова задаю вопрос. — Или это был незнакомец?

— Я никогда раньше с ним не встречалась. Вот почему чувствую себя такой идиоткой. Мне не стоило идти с ним в ванную. И оставаться наедине с незнакомым мне человеком. — Она тяжело выдыхает. — Вот он целует меня, а спустя минуту я прошу его прекратить, потому что мне неприятно. Но он не останавливается.

Рейган вздрагивает, а мне хочется накрыть её всем телом и защитить. В уголке её глаза появляется слеза и катится вниз по виску.

Она шмыгает носом.

— Прости, я не собиралась плакать при тебе.

Рейган усмехается, но это больше похоже на смех сквозь слёзы.

— Ты кончила, сидя на моём колене, — спокойно отвечаю я. — Думаю, поплакать при мне ты тоже можешь.

Её лицо краснеет, но она улыбается. А потом шепчет:

— Я раньше никогда такого не делала.

— Никто никогда не доводил тебя до оргазма? — спрашиваю я.

Я и так знаю ответ, но хочу услышать это от неё. Не знаю почему, просто мне это нужно. Перекидываю ногу через её бёдра и оказываюсь сверху, но она вроде бы не против. Мне очень хочется расстегнуть её платье, чтобы прикоснуться руками к её животу. Но я довольствуюсь тем, что сейчас имею.

Рейган качает головой.

Провожу пальцем по её носику и задаю вопрос:

— А сама ты никогда так не делала?

Она снова качает головой.

— Нет. — Сматривает мне в глаза и произносит: — Спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста, принцесса, — посмеиваясь, отвечаю я. — Я в вашем распоряжении.

— Да ты сама щедрость, — язвит она, толкая меня в плечо.

— Моя цель — угодить клиенту, — смеюсь я. Боже, благодаря ей я чувствую себя так легко и свободно.

— Думаю, у меня могли появиться к тебе настоящие чувства, — выпаливаю я. И

сразу же хочу прикусить язык и забрать свои слова обратно.

— Хорошо, — отвечает Рейган и улыбается, прижимаясь к моей груди и обнимая меня, а потом прячет лицо в моей футболке. Думаю, я её смущила.

— Я открыл тебе сердце, а ты говоришь «хорошо»? — Сжимаю её в своих объятиях.

— М-м-м... — бормочет она. Я чувствую, как её губы касаются моей футболки, а дыхание согревает ткань. Она смеётся. — Ты ведь не серьёзно говоришь, что открыл мне своё сердце, Пит. — Она передразнивает меня, изображая мой низкий голос. — Думаю, у меня могли появиться к тебе настоящие чувства.

Рейган смеётся, и, чёрт побери, это такой прекрасный звук, что он просто не может раздражать.

Она приподнимает край моей футболки, и её пальцы скользят по моему животу. Накрываю её руку своей, чтобы прекратить эти исследования. Я слишком возбуждён. Не думаю, что моя эрекция вообще спадала после того, что произошло, и теперь упирается в «молнию» брюк.

— Почему я не могу к тебе прикоснуться? — шепчет она.

— Потому что сейчас я практически на грани, — тоже шёпотом отвечаю я.

Рейган садится, чтобы видеть моё лицо:

— Что это вообще значит?

Я прижимаюсь губами к её лбу, оттягивая момент:

— Это значит, что я — парень. А ветер-то всё дует.

Она хмурит брови:

— Что?

Я смеюсь.

— Ничего. — Но уже не могу перестать хохотать. И получаю от неё толчок в грудь.

— Ничего весёлого в том, чтобы смеяться одному.

Примерно минуту она молчит, а потом произносит:

— Со сколькими женщинами ты спал?

Я закрываю глаза и морщусь.

— Я давно перестал считать. Когда уже не хватало пальцев.

— Больше, чем десять? — тихо говорит она.

— Ага, — ворчу я. Сам не в восторге от своего ответа, поэтому не жду, что ей он понравится.

— Больше, чем пальцев на руках и ногах? — спрашивает Рейган.

— Возможно, — выдыхаю я. — Чёрт, я не знаю.

— Ты знаешь, как их зовут? — Она выпрямляется и садится передо мной, скрестив ноги в позе лотоса, потом одёргивает платье, прикрывая им колени.

Я тоже сажусь, чтобы видеть её лицо. Кладу руку на её колено и большим пальцем вырисовываю на нём круги.

— Некоторых из них. — Я поднимаю вверх палец, когда вижу, что она хочет спросить что-то ещё. — Но у меня уже достаточно давно никого не было. Ещё до того, как меня посадили.

Я украдкой смотрю на неё.

— Это хоть что-то значит?

Выражение её лица смягчается, и она выдыхает:

— Я не хотела осуждать, Пит. Просто пытаюсь узнать тебя.

Я киваю, не в силах поднять на неё взгляд.

— Ты когда-нибудь был влюблён? — спрашивает она, искренне мне улыбаясь. И этот вопрос кажется не таким сложным, как предыдущий.

До этого момента — нет. Но этого я не произношу, потому что, сделав так, лишь напугаю её.

— Возможно, — я ухожу от прямого ответа.

— Как это понимать? — задаёт Рейган вопрос. — Возможно? — Её глаза прищурены.

— Не знаю, — отвечаю я. Мои чувства к ней отличаются от всего, что я испытывал к кому-либо прежде. Это любовь? Я не знаю. Слишком рано об этом говорить. Мне нужно время, чтобы разобраться, прежде чем смогу это объяснить.

— А что насчёт тебя? — спрашиваю её. — Ты когда-нибудь была влюблена?

Она качает головой.

— Нет. — И широко улыбается.

— Что? — Я вытираю нос. — У меня козявка торчит?

Она хохочет:

— Нет, — и убирает мою руку. — Я никогда не влюблялась.

Примерно секунду взгляд её зелёных глаз устремлён вдаль, а затем возвращается ко мне.

— Ты бы понял, если бы полюбил? — интересуется она.

Я качаю головой из стороны в сторону, как будто взвешиваю её слова.

— Думаю, да.

Рейган улыбается.

— Можно ещё кое о чём спросить? Или я тебя уже достала?

Если честно, я так долго был взаперти. Сидеть в тюрьме одиноко, и мне нужно с кем-то поговорить. И я хочу разговаривать именно с ней. Только с ней.

— Но я тоже буду задавать вопросы.

— Справедливо, — говорит она.

А потом долго обдумывает следующий вопрос.

— Наш первый поцелуй, — шепчет она. — Он был эпичным.

— О да, — соглашаюсь я.

— Он всегда такой эпичный? С каждой девушкой, с которой ты был?

Я провожу рукой по затылку.

— Большинство девушек не испытывают оргазм, когда я их целую. — Я смеюсь. — Ты это хотела узнать?

Рейган качает головой.

— Нет, в смысле... — Она краснеет. — Знаю, для тебя он был не особо запоминающимся, но для меня — по-настоящему эпичным.

Я придвигаюсь ближе и прижимаюсь губами к её губам, потому что сейчас мне это просто необходимо.

— Знаю. Я почти кончил в штаны, когда смотрел на тебя.

Снова её целую, и она мурлычет от удовольствия. Но когда смотрю ей в глаза, она закрывает лицо.

— Ты говоришь так, будто это всё ерунда. — Она стесняется.

Я поднимаю её подбородок, чтобы она взглянула на меня.

— То, что я делал раньше с другими девушками — вот это было ерундой. А то, что случилось сегодня? Это далеко не ерунда. — Я щёлкаю её по носу, потому что собираюсь перевернуть собственный мир и хочу разрядить обстановку на случай, если она меня отвергнет.

— У меня есть к тебе чувства, Рейган, — тихо говорю я. — Не могу объяснить какие. Да и не хочу. Но даже не думай, что произошедшее сегодня между нами было чем-то непримечательным. Потому что это не так. Это было грандиозно. И я хочу продолжения. Хочу, чтобы мы узнали всё друг о друге. Хочу познакомить тебя с моей семьёй. Хочу пойти с тобой на свидание. — Я оглядываюсь вокруг. — Это местечко милое, но... серьёзно?

Она смеётся и спрашивает:

— Ты хочешь, чтобы я встретилась с твоей семьёй?

— Если уверена, что сможешь это выдержать. Нас пятеро. И все мужики.

— Мужчин как таковых я не боюсь, — объясняет Рейган.

— Только того, кто прикасается к тебе.

Я провожу костяшкой пальца по её скуле, а она тянется к моей руке и целует ладонь.

— Вы с братьями внешне очень похожи, — произносит Рейган.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я.

— Я видела их, когда тебя выпустили из тюрьмы, — тихо отвечает она.

— Ты была там?

Она кивает.

— Отец сказал мне ждать в машине, пока разговаривал с тобой по поводу лагеря. — Она покусывает нижнюю губу, словно беспокоится, как я отреагирую. — Прости. Надо было раньше рассказать, — вздыхает она. — Вроде как это я попросила, чтобы тебя сюда пригласили. И мы могли встретиться.

— Рад, что ты это сделала.

Никогда не чувствовал себя счастливее.

— Твои братья тоже все в татуировках, — говорит Рейган, изучая рисунок на моей руке, посвящённый маме. Приподнимает мою руку и обводит татуировку, тянущуюся по предплечью до края рукава. — Я бы хотела увидеть их все, чтобы понять, почему ты их делаешь.

Рейган обводит кружком американский флаг.

— Эта — на память о друге, который погиб в Афганистане.

Её шёлковые пальчики скользят по дракону на внутренней стороне руки.

— А эта? — мягко спрашивает она.

— Результат одной чересчур бурной ночи, — со смехом отвечаю я.

Её рука скользит по краю моего рукава.

— Полагаю, дальше мне нельзя, — говорит она.

Я хватаюсь за ворот футболки и стягиваю её через голову, как обычно это делают парни. Она широко улыбается, а в глазах пляшут дьявольские огоньки. Но я меню положение — спиной прислоняюсь к двери стойла, а её усаживаю к себе на колени.

— Если ты собираешься изучать меня, то я буду делать то же самое с тобой, — предупреждаю её. И легонько провожу пальцами вверх по её ноге.

А потом её губы касаются фразы на моей ключице. И она нежно посасывает мою кожу. Я издаю тихий стон, а руками провожу по внутренней поверхности её бёдер. Её кожа очень мягкая и шелковистая, но я понимаю, что скоро мне придётся остановиться. Я не могу получить всё сразу за одну ночь. Она наклоняется, чтобы прочесть слова на моей груди, к которым только что прикасалась языком.

— «Один за всех, все за одного», — тихо зачитывает Рейган. — Это о твоих братьях?

Я киваю.

— Я живу ради них. Когда я думал, что Мэт умирает, то хотел умереть вместе с ним.

— Твой брат мог умереть? — спрашивает она. Её руки больше не изучают мои татуировки, и она смотрит мне в глаза.

— У Мэта был рак. Лечение стоило очень дорого, и Логану даже пришлось бросить колледж и вернуться домой. У нас не было ни гроша, и мы очень боялись, что он умрёт. — Я смотрю ей в глаза. — Ты действительно хочешь об этом услышать? — спрашиваю её.

Она кивает и устраивается поудобнее в моих объятиях.

— Я хочу услышать всю историю.

— Сэм и я взялись за подработку у одного мужика в нашем районе, чтобы заработать немного денег. Не то чтобы это было незаконно...

Я делаю паузу и ругаюсь. Не могу её обманывать.

— Мы знали, что это незаконно, но нам нужны были деньги для Мэта. Вот так меня и арестовали.

Я не горжусь этим, но и прошлое изменить не могу. Это всё равно, что пытаться засунуть зубную пасту обратно в тюбик.

— Отчаяние может заставить людей поступать так, как им не свойственно, — тихо говорит Рейган. — Как сейчас Мэт?

Я улыбаюсь.

— У него ремиссия.

— О, хорошо, — выдыхает Рейган. — Расскажи мне об остальных.

— Пол — самый старший. У него есть дочка Хайли, и она половину времени живёт с нами. И Логан, о нём я уже говорил, он учится в Нью-Йоркском университете.

Она загибает пальцы.

— И есть ещё один, да?

Я киваю.

— Ага.

— А где он?

— Он уехал в колледж, получив футбольную стипендию.

Воплощает мечту в жизнь. Мою мечту. Сэм просто хотел печь торты. Но Пол говорит, что мы все должны получить образование, вот он и уехал.

— Вы близки? — спрашивает она.

— Не так близки, как раньше.

— Но вы же можете вернуться к былому общению?

Можем ли?

— Я хочу попробовать.

И попробую. Как только вернусь домой.

Рейган крепче прижимается ко мне и остаётся в такой позе. Через несколько минут её дыхание становится размеженным, и она расслабляется в моих объятиях. Я смотрю на неё и понимаю, что она уснула, но не хочу её отпускать. Так что я укрываю нас обоих одеялом и крепко-крепко прижимаю её к себе.

Рейган

Я просыпаюсь от негромкого лязгающего звука. Сажусь и ощущаю влагу там, где спала на плече Пита. Похоже, нам было очень жарко от прикосновения кожи к коже. И, кажется, я его ещё и обслюнивила. Фу. Я вытираю рот и сажусь. Пит шевелится рядом со мной, а потом замирает. Он поднимает голову и оглядывается по сторонам. После чего издаёт стон и откидывается назад на одеяла.

— Вот деръмо, я облажался, — ворчит он.

— Твоё счастье, если это окажется не так, — подаёт голос мой отец. Он стучит крышкой о ведро с кормом, когда зачерпывает сладкую еду для лошадей. Линк помогает ему. Но в отличие от него, отец создаёт намного больше шума.

Я закрываю глаза. Отец в бешенстве. А я ведь просто спала в амбаре с Питом. И он это знает.

— Вот деръмо, — говорю я.

— Вот деръмо, — повторяет Линк.

Пит закрывает глаза и ухмыляется.

— Прекрати подавать дурной пример, — смеясь, шепчет он.

— Доброе утро, Пит, — с фальшивой радостью в голосе произносит отец, когда проходит мимо нас с вёдрами в руках. Я поднимаюсь, но когда стаскиваю с Пита одеяло, понимаю, что он всё ещё без футболки. Он снял её прошлой ночью, чтобы я могла рассмотреть его татуировки. Всё это выглядит очень плохо.

— Где твоя футболка? — шёпотом спрашиваю я, пытаясь найти её в ворохе одеял, но безуспешно.

— Вот деръмо, — снова произносит Линк. Он выныривает откуда-то позади меня, держа в руках синюю футболку Пита.

— О, синяя футболка, — говорит Пит.

— О, синяя футболка, — повторяет Линк.

Пит забирает её и надевает через голову. Он протягивает руку к Линку, чтобы потрепать его по голове, но тот уклоняется.

— По крайней мере, он больше не говорит «деръмо», — произносит Пит.

— Деръмо, — повторяет Линк.

Я вздыхаю и провожу рукой по волосам.

— Линкольн! — опять отец. — Принеси мне то ведро.

— Принеси мне ведро, — говорит Линк. И мчится с ведром к отцу.

— Доброе утро, — тихо произносит Пит. Он поворачивается, опускает ноги на пол, а потом встаёт и потягивается, демонстрируя небольшой кусочек своего пресса, и мне хочется наклониться и лизнуть его. Боже, откуда взялись такие мысли?

— Доброе, — бормочу я и облизываю губы.

— Прекрати так на меня смотреть, — шепчет Пит.

— Как? — тоже шёпотом отвечаю я. Но уголки губ всё равно изгибаются в улыбке, и я ничего не могу с этим поделать.

— Словно я леденец, который ты хочешь лизнуть, — говорит он. А потом поправляет спереди свои штаны, и я не могу не заметить там выпуклость.

— Прекрати на него смотреть, — шипит он.

Я ищу взглядом отца, но тот уже ушёл из амбара.

— Я даже не знала, что смотрю на него! — возмущаюсь я.

Пит берёт мою руку и прижимает её к своей выпирающей эрекции. Из него вырывается вздох, когда я провожу по ней кончиками пальцев.

— Рейган, — стонет он. Поворачивает бедро и коленом закрывает мне доступ. — Не могла бы ты перестать? Я бы хотел сегодня отсюда выбраться.

— Лизать как леденец? — спрашиваю я, не в силах выкинуть эту мысль из головы.

— Ты так можешь?

Он ухмыляется и почёсывает затылок.

— Ну, я-то нет. А вот ты бы могла.

Его голос мрачный и немного неразборчивый от того, что он только проснулся.

— Забудь, — говорит он. А потом ставит меня на ноги и оставляет на моих губах лёгкий поцелуй.

— Эй. — Я отталкиваю его. — Несвежее дыхание.

— Мне всё равно, — отвечает он и тянется, чтобы быстро меня поцеловать. Но я подставляю щёку. — Ну пожалуйста, — умоляет он.

Я вытягиваю губы и быстро чмокаю его, стараясь не дышать.

— Уже лучше, — мурлычет Пит. А после спрашивает: — Может, мне лучше пойти и поговорить с твоим отцом?

Так мило, что он вообще об этом подумал.

— Сомневаюсь, что это хорошая идея.

Я слышу ржание лошади и вспоминаю, почему мы вообще остались ночевать в амбаре. Встаю на тюк сена, чтобы взглянуть на Текилу. Она уже на ногах, и, по всей видимости, мне не стоило так переживать. Моя девочка справилась.

Пит кладёт руки мне на плечи и прижимает меня к себе. Отец врываются в амбар, хлопнув дверью. Я подпрыгиваю, но Пит меня не отпускает.

— Пит, тебе никуда не нужно идти? — спрашивает отец. — Например, в свой домик, в свою кровать?

Пит кивает.

— Да, сэр, — отвечает он и поворачивается ко мне. — Ещё увидимся?

Я киваю. А желудок делает сальто, когда он прикасается своими губами к моим.

— До встречи, мистер Кастер, — говорит он.

— Иначе и быть не может, — отвечает отец.

Он ещё несколько минут грохочет где-то в амбаре, пока я кормлю Текилу морковкой. Я пропустила весь процесс рождения малыша. Но счастлива, что всё прошло без осложнений.

— Хорошо спалось? — рявкает отец, не поднимая головы от своего занятия.

Я киваю. От одной только мысли об этом мой желудок устремляется вниз.

— На самом деле, да.

— Рейган, — вздыхает отец.

— Да, папа, — отвечаю я сладким голоском. Он в бешенстве, но я его не успокою. И, наверно, я этого заслуживаю за то, что провела всю ночь в амбаре с Питом.

— Не вынуждай меня убивать этого мальчика, — предупреждает он.

— Да, сэр, — отвечаю я, опустив голову, чтобы он не заметил мою улыбку. — Хотя тебе следует знать, что мы не делали ничего плохого. Он вёл себя как джентльмен. Он просто... — Я расправляю плечи. — Он просто обнимал меня.

Отец резко вздыхает. Я не позволяю никому к себе прикасаться, и он это знает. В этой ситуации я с тем же успехом могла бы сказать «он всю ночь трахал меня». Не сомневаюсь, с точки зрения отца это было бы примерно одно и то же.

— Хорошо, — бормочет он. И продолжает бросать сено лошадям, по одной охапке каждой.

— Папа, — зову я. Он останавливается и поворачивается ко мне. — Это ведь нормально, что я, возможно, влюбилась в него?

Глаза отца расширяются, и он вздыхает.

— Рейган, — спокойно произносит он. — Тебе стоит поговорить об этом с мамой.

— Хорошо... — отвечаю я.

— Если ты хочешь обсудить, как лучше дать ему по яйцам, — говорит он и показывает пальцем на свою грудь. — Тогда я к твоим услугам. Но если ты хочешь поговорить о чувствах, эмоциях, контрацепции и прочем, то иди с этим к маме.

— Как это ты так быстро перешёл от чувств к контрацепции? — Я просто обязана

спросить.

— Потому что так всё и происходит, Рейган. Люди очень быстро переходят от сильных чувств к контрацепции. Для мужчин это естественно. — Он снимает свою кепку и проводит рукой по волосам. — Когда-то и мне было двадцать один год.

— Именно тогда ты встретил маму, — говорю я с улыбкой. Видно, что ему неловко. Поэтому я напираю дальше: — И вы перешли от глубоких чувств к контрацепции? — спрашиваю я, щёлкая пальцами. — Вот так?

— Нет, — отвечает он, отводя взгляд. — А как, по-твоему, появилась ты?

Теперь он улыбается и кивком указывает в сторону дома.

— Иди и поговори с мамой.

— Слишком много информации, папа, — напеваю я. — Слишком много информации. Поворачиваюсь и иду в сторону дома.

— Рейган! — зовёт отец.

Я оборачиваюсь.

— Пит — хороший парень, — говорит он. — Но он всё-таки парень.

— Мы не будем торопиться, папа, — отвечаю я. Чувствую, как краска приливает к моему лицу.

— М-м-м... хм-м, — бормочет он и возвращается к работе.

— Не торопись, — говорит Линк.

— Я люблю тебя, Линк, — кричу я.

— Я тоже тебя люблю, — отвечает он.

Я захожу через заднюю дверь и вижу, как мама наливает себе кофе.

— Пит всё ещё жив? — спрашивает она и садится за стол.

— Пока что да, — вздыхаю я. — Мы уснули. Клянусь, ничего не было.

Ну, на самом деле было. Но мы не делали ничего такого. Ничего, что могло бы перевернуть весь мой мир.

— Тогда почему ты вся светишься? — спрашивает она. — От того, что ничего не произошло?

Она легонько хлопает по столу рядом с собой и говорит:

— Присядь-ка.

— Мам, — ворчу я, и это звучит так по-детски.

— Садись, — уже строже повторяет она. Я плюхаюсь на стул.

— Он был нежным?

Я киваю.

— Он был внимательным?

Я киваю и кусаю нижнюю губу, чтобы скрыть улыбку.

— Он был осторожен? — Она выгибает бровь, задавая последний вопрос.

— Боже, мама, — возмущаюсь я. — Мы ничего не сделали. Он просто поцеловал меня.

— Я запишу тебя на приём к моему гинекологу, если тебе нужны противозачаточные, — произносит она и смотрит на меня.

Я понимаю, что киваю в ответ, и мама улыбается, похлопывая меня по руке.

— Хорошая девочка, — говорит она и вздыхает с облегчением.

Пит

Я присматриваю за группой ребят с нарушением слуха, а они выстраиваются в очередь вокруг манежа, чтобы покататься на лошадях. Глухие дети стремятся общаться в своей компании, практически не взаимодействуя с другими ребятами из лагеря. Посмотрим, смогу ли я что-то с этим сделать. С тех пор, как мой брат потерял слух, я кое-что понял — глухие дети не считают себя неполноценными. У них есть своя собственная культура, и они могут жить в обществе с минимальной посторонней помощью или вообще без неё. Но объединяются, поскольку у них есть кое-что общее — язык жестов.

Раньше я не проводил особо много времени рядом с лошадьми. Сказать по правде, вообще не проводил. Это великолепные, крупные, сильные монстры, и одна из них, которую я веду вокруг манежа, постоянно подталкивает меня, тыкая носом мне в плечо.

— Может, хватит уже? — спрашиваю я, но в ответ она лишь шумно выдыхает и нюхает мой затылок, при этом скинув с моей головы бейсболку. Я наклоняюсь, чтобы поднять её. И тут же, получив по заднице, падаю руками в грязь.

Я отряхиваю руки и озираюсь по сторонам. Эдвард, которого я больше не называю Тик-Таком, после того как узнал его историю, ведёт ещё одну лошадь. И громко смеётся надо мной.

— Чувак, похоже, тебя отчехвилили. Снова.

Он издаёт смешок, и я показываю ему средний палец. Эдвард смотрит куда-то мне за спину и тихонько присвистывает. Я обворачиваюсь и вижу, что к нам приближается Рейган. Должно быть, она принесла душ, потому что её волосы всё ещё влажные. Она заплела их в две косички, которые достигают её плеч. На ней футболка и обрезанные джинсовые шорты, а на ногах — коричневые кожаные сапоги, доходящие до середины икры. Чёрт, она прекрасна.

Рейган подходит ближе и похлопывает лошадь, которую я веду.

— Джульетта задала тебе жару? — спрашивает она.

А затем тянется к уху лошади и что-то ей шепчет. Волоски на моих руках встают дыбом, а ведь её нашептывания даже не предназначаются мне. Джульетта трясёт головой, и Рейган смеётся. Чёрт, какой восхитительный звук.

Она проходит мимо меня с ведром в руках.

— Ты куда? — кричу ей вслед.

Она оглядывается, улыбаясь через плечо.

— Собираюсь привести Ромео к Джульетте, — отвечает она. — Вот почему она такая недовольная. Её бойфренд тусуется с коровами.

И кивает в сторону пастбища.

— Хочешь мне помочь? — спрашивает она.

С ней Линк, и он идёт рядом практически так же близко, как и Мэгги, её собака. Сомневаюсь, что собака хоть когда-то от неё отходит. Чёрт, я хочу превратиться в щенка и тоже следовать за ней по пятам. Отдаю поводья, которые держу, одному из парней из программы для несовершеннолетних. Он ухмыляется и качает головой. Это именно он вчера назвал меня подкаблучником. Ага. Наверно, так и есть. Но это меня волнует меньше всего.

Я бегу за Рейган, и когда догоняю, она смеётся.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — говорю я. И так сильно хочу её поцеловать, что почти ощущаю её вкус.

Она краснеет.

— Спасибо, — отвечает она и смотрит себе под ноги.

— Я соскучился, — признаюсь я.

Рейган широко улыбается.

— Ты видел меня час назад, — напоминает она. Как будто я не знаю. Я могу думать лишь о том, как прекрасно держать её в объятиях и прижимать к груди.

— Твой отец разозлился? — спрашиваю я. Это на самом деле важно. Я хочу понравиться её родителям, но боюсь, что всё делаю неправильно. Никогда раньше не знакомился с родителями девушки. Просто не было необходимости. Но с Рейган... всё по-другому.

Она пожимает плечами.

— Немного. — И смеётся. — Мы поговорили о том, как дать тебе по яйцам; что мужики хотят только одного; а потом он поделился чересчур откровенными подробностями о контрацепции.

Я останавливаюсь. Ничего себе. Тут есть о чём подумать.

— Ты говоришь на подобные темы с отцом?

Она пожимает плечами.

— Не на все. С остальным он отправил меня к маме.

— С чем это — остальным?

Её щёки ещё больше розовеют.

— С разговором о контрацепции и всем прочем.

— Ох, — выдаю я. Это звучит по-идиотски. Но Рейган и в самом деле меня ошарашила.

Она подходит к изгороди и наклоняется, чтобы пролезть между балками. Я следую за ней, и Линк тоже. Он в своём собственном мире и, кажется, напевает какую-то песенку. Но настолько тихо, что я не могу понять какую.

— Так ты... э-э... думаешь об этом, да?

Рейган закусывает нижнюю губу и кивает.

— Ага.

— Я... э-э... не знаю, что сказать по этому поводу.

Я снимаю бейсболку и почёсываю затылок.

— Тебе и не нужно ничего говорить, — пожимая плечами, отвечает она. — Я просто хотела, чтобы ты знал, что я об этом думаю.

О боже. Моё сердце бьётся в груди как сумасшедшее. Вот засада.

Рейган прищуривается, глядя на меня, хотя, возможно, это от солнца.

— Можешь прямо сказать мне, если я не интересую тебя в романтическом смысле, Пит. — Она тяжело вздыхает. — Со мной всё будет в порядке.

Она отворачивается и подносит к губам два пальца. Воздух разрезает пронзительный свист. Линк затыкает уши и ухмыляется. Внезапно лошадь срывается с места и несётся в нашу сторону, словно осколок чёрно-белой молнии. Рейган взвизгивает, когда я толкаю её себе за спину, и одновременно смеётся. Лошадь останавливается буквально в шаге от моих ног и фыркает мне в лицо.

— Твою матерь, — выдыхаю я.

— Твою матерь, — повторяет Линк.

Вот чёрт. Это плохо. Мне нужно научиться следить за языком, когда этот паренёк поблизости.

— Милая лошадка, — произношу я и наблюдаю за Линком.

— Милая лошадка, — повторяет он.

— Так-то лучше, — тихо говорю я. Линк кивает и поднимает ведро повыше, чтобы лошадь могла до него дотянуться.

— Это Ромео, — говорит Рейган, накидывая на него узду. Она похлопывает его по боку. — Он постоянно убегает, чтобы потусоваться с коровами. А Джульетта расстраивается и вымещает свою злость на всех подряд.

Девушка похлопывает жеребца, но его интересует только возможность засунуть голову в ведро. Она ведёт его обратно к амбару.

Я следую за ней и внимательно смотрю под ноги, когда мы идём рядом. Рейган молчит. Чёрт, может, она думает о предохранении. Я не знаю. В этом плане я подготовлен. Всегда подготовлен, но она не готова к тому, чего хочу я. Даже близко.

Когда мы подходим к амбару, Рейган протягивает поводья Линку и говорит:

— Отведёшь его к Джулльетте?

Он кивает и уводит лошадь, а Рейган знаком зовёт меня за собой. Мы идём позади амбара, и я не могу не думать о том, сколькими способами её отец кастрирует меня, если увидит нас здесь.

Она прищуривается, глядя на меня, а уголок её губ приподнимается.

— Помнишь, этой ночью ты сказал, что у тебя могли появиться ко мне какие-то чувства? — негромко спрашивает она.

Я киваю.

Рейган откашливается и так чертовски мило смущается, что я хочу немедленно её поцеловать.

— Ну вот, хочу, чтобы ты знал, что я знаю, что что-то к тебе чувствую, Пит. В этом нет никаких сомнений. И я боюсь. Меня пугают эти чувства, а мама есть мама, и отец есть отец. Они в первую очередь думают о том, как бы я не забеременела.

Проклятье. Я мечтаю переспать с этой девушкой, но хочу большего, чем просто заняться с ней сексом.

— Рейган, — произношу я. Протягиваю к ней руки, и она впервые не вздрагивает. Позволяет мне обнять её за бёдра и притянуть к себе.

— Я парень, — начинаю я, стараясь не улыбаться. — И когда придёт время, я позабочусь о предохранении.

Она кивает.

— Я знаю.

Рейган прижимается лбом к моей груди, и я ощущаю её дыхание на своей коже, горячее и согревающее.

— Просто ты спрашивал, что сказали мама с папой. Это они и сказали. — Она пожимает плечами. — Вот я тебе и ответила.

Рейган поднимается на носочки и прикасается губами к моей щеке, задержавшись в таком положении на достаточно долгое время, чтобы я уловил аромат её мятной зубной пасты.

— Не переживай, Пит. Обещаю, что не буду тебя разворачивать.

Она усмехается. Но, учитывая, что с ней произошло, это ни разу не смешно.

Я издаю стон и откидываю голову назад, закрывая глаза, чтобы подумать. Не могу соображать, когда она смотрит на меня.

— Что-то не так? — спрашивает она, делая шаг назад, и я сразу ощущаю, что потерял её. — Мысль о сексе со мной вызывает у тебя отвращение? — шепчет Рейган. — Да? — Она трясёт головой. — Мне стоило догадаться.

— Нет, — начинаю я, но не знаю, что сказать.

Рейган отходит на несколько шагов, а я дотрагиваюсь до кончиков её пальцев. Она оглядывается, и я хватаю её за футболку. Она разворачивается лицом ко мне, но на этот раз не ударяет меня. Лишь смотрит на мою руку и улыбается. Вот только эта улыбка полна грусти. Не такую я хотел бы видеть на лице моей девушки.

— Я хочу тебя.

— Всё в порядке, Пит, — тихо говорит она. — Может, я всё неправильно поняла. — Рейган жестом показывает на себя, потом на меня. — Я думала, мы хотим одного и того же.

— Я зашёл намного дальше в своих желаниях, чем ты, — выпаливаю я.

Она останавливается и смотрит мне в глаза.

— Неужели?

Её зелёные глаза медленно моргают.

— Да. Я потерял голову. Не могу перестать думать о тебе. Хочу находиться рядом постоянно. Ощущаю твоё прикосновение к моей коже, даже когда ты не со мной. Так что да, я зашёл намного дальше.

Её дыхание учащается.

— Ох, — выдыхает она и кладёт ладони на мою грудь.

— Но, полагаю, я ушёл намного дальше, чем ты. — Наклоняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза. — Ты собираешься разбить мне сердце, Рейган? — спрашиваю я. — Ты уже думаешь о контрацепции, а меня до чёртиков пугает одна только мысль о том, чтобы оказаться внутри тебя. Потому что я хочу тебя, Рейган. Каждую частичку тебя.

— Даже разбитые осколки? — спрашивает она.

Я беру её лицо в ладони и притягиваю к себе.

— Я буду kleem, который соберёт тебя воедино, — выдыхаю я. И тут же продолжаю:
— Я так долго был взаперти.

— Я жила взаперти намного дольше, чем ты, Пит, — отвечает Рейган, в её голосе слышится столько эмоций... Она сглатывает.

— Не давай мне ложную надежду, если на самом деле не уверена, — умоляю я.

— Я никогда и ни в чём не была так уверена, — говорит она. Руками обвивает мою шею, притягивая меня к себе, и целует. Её губы мягкие, тёплые и настойчивые, и когда её язык касается моего языка, я почти кончаю в штаны. Отстраняюсь от неё, потому что больше точно не выдержу. Она смотрит мне в глаза.

— Я пока не готова к сексу, Пит, — произносит Рейган. — Но теперь я намного ближе к этому. Такое чувство, будто ты открыл передо мной дверь в будущее. И мне нужно, чтобы ты вошёл в неё вместе со мной. Так что, чёрт побери, перестань бояться сделать мне больно, Пит. Просто хорошо относись ко мне. И, может, когда-нибудь ты меня полюбишь.

Мне смешно, но я ничего не могу с этим поделать. Издаю сдавленный смешок.

— Я рад, что ты поговорила о контрацепции со своей мамой, — говорю я. — Мой брат Пол всучил мне презервативы, когда я уже почти вышел за дверь, направляясь сюда. Не знаю, кого, по его мнению, я должен был подцепить в лагере для парней.

Её лицо окрашивается румянцем.

— Я не имел в виду «подцепить». Ну, ладно, если бы на твоём месте был кто-то другой, то это был бы перепихон. — Проклятье. Я всё порчу. С ней это было бы чем-то большим, чем просто случайный секс. — Вот этого-то я и боюсь, принцесса. Я никогда не делал того, чего хочу сделать с тобой.

— Ты делал это много раз, — помахивая рукой, отвечает Рейган.

Я качаю головой.

— Нет, никогда. — Смотрю ей в глаза. — А теперь подумай, что это значит, и будь уверена, что готова к этому.

Я поворачиваюсь, иду обратно к Джульетте и беру её поводья. Мои чёртовы ноги подкашиваются, и я едва могу дышать. Если именно так чувствуешь себя, когда любишь, то я рад, что подождал, пока повзрослею, прежде чем это понять.

Рейган

Мэгги снова неважко себя чувствует, и я слышу её, бедняжку, через всю комнату.

— Мэгз, — зову я.

Но уже слишком поздно. Она раскидала свой корм по всей комнате. Я гладжу её по голове. Она всё ещё достаточно активна для своего возраста, но последние несколько недель её периодически тошнит. Похоже, мне придётся отвезти её к ветеринару, чтобы выяснить, в чём проблема. Убираю устроенный ею беспорядок и опускаюсь на колени, чтобы влажной тряпкой очистить ковёр. Но в этот момент кто-то стучит в дверь.

— Входите, — рассеянно отвечаю я.

Дверь открывается, и моё сердце подскакивает до самого горла, когда я вижу, что там стоит Пит. Уже поздно.

— Пит, — говорю я, отводят взгляд от пятна рвоты. — Я просто...

А вы бы предпочли поговорить с мужчиной о рвоте? Вероятнее всего, нет.

— Мэгги заболела, — наконец произношу я.

— Нужна помошь? — спрашивает он, а потом подходит ко мне и опускается рядом.

— Думаю, с полом я более-менее закончила.

Смотрю на свою пижаму и скрещиваю руки на груди. На мне ведь даже нет лифчика.

Пит ухмыляется, но, как джентльмен, отводит взгляд. На мне майка и крошечные шортики, увидев которые, мой отец пришёл бы в ужас. В них я не могу даже из комнаты выйти. Я направляюсь в ванную и быстренько мою руки. А когда возвращаюсь обратно, вижу, что Пит изучает мою комнату. Он касается музыкальной шкатулки на моём комоде. Поднимает крышку, и появляется балерина, которая кружится под музыку. Он улыбается и смотрит на меня через плечо.

— Симпатичная, — говорит он. — И чем-то напоминает тебя.

Его взгляд путешествует вниз по моему телу, и он облизывает губы.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

На секунду он замирает.

— Мне хотелось тебя увидеть. Твоя мама сказала, что я могу подняться.

Его ответ вызывает у меня улыбку.

— А мой папа знает, что ты здесь?

Он качает головой.

— Его внизу не было.

У меня такое чувство, что отцу не понравилось бы, что Пит находится в моей комнате. Особенно учитывая мой наряд.

— Если бы я знала, что это ты, то оделась бы, — оправдываюсь я.

Мой взгляд устремляется к кровати, где валяется толстовка, в которой я обычно сплю. Надеваю её через голову и натягиваю до самых бёдер.

Пит прищуривается, глядя на меня.

— Эта кофта кажется мне знакомой, — произносит он. А затем его глаза расширяются. — Это её я дал тебе той ночью? — спрашивает он.

Я киваю.

— Ага. — Я сохранила её. И она мне очень нравится. — Хочешь её забрать?

Пит ухмыляется.

— Если это означает, что ты её снимешь, то, чёрт возьми, да, я хочу её забрать.

Моё лицо начинает пылать. Я закрываю глаза и уже собираюсь снять толстовку через голову, как внезапно Пит жестом останавливает меня.

— Я пошупил, — говорит он. — Оставь её себе.

Я киваю и снова натягиваю её на бёдра.

— Я удивлён, что она всё ещё тебе нужна, учитывая то, как она у тебя оказалась.

Пит хмурится, и между его бровями появляется складка.

— Ты — единственное хорошее, что произошло со мной той ночью, Пит, — отвечаю

я.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрывает.

— Я в ней сплю. — Поднимаю ворот к носу. — От неё пахло тобой, пока мама не заставила меня её постирать.

В моей комнате стоит небольшой диванчик, и я иду к нему.

— Хочешь присесть? — предлагаю я.

Он кивает, но продолжает изучать мою комнату. Кончиками пальцев проводит по медалям за победы в конных соревнованиях, которые висят на зеркале. Я сажусь, скрестив ноги, кладу на них подушку и опираюсь на неё локтями. Пит идёт к ванной и заглядывает туда.

— Думаю, твоя комната больше, чем вся наша квартира, — говорит он.

Не знаю, что на это ответить, поэтому молчу.

— Когда ты вернёшься в колледж, то будешь жить в общежитии?

Он садится на другой конец дивана, поворачивается ко мне лицом и своим коленом задевает моё. Я это чувствую и медленно придвигаюсь ближе.

— У меня квартира недалеко от кампуса, — отвечаю я. — После случившегося папа не желал, чтобы я жила в общежитии, а я хотела взять с собой Мэгги. — Собака слышит своё имя, бредёт ко мне и утыкается носом в мою руку. И я, не задумываясь, гладжу её по голове. — Не люблю ночью быть одна.

Пит издаёт чмокающий звук, и Мэгги направляется к нему. Она ведёт себя настороженно, но его не боится. Он позволяет ей обнюхать руки и осторожно гладит её по голове. Она утыкается в его ладонь, и он чешет ей за ушками.

— Пытаешься завоевать расположение моей собаки? — спрашиваю я. Но по правде говоря, мне нравится, что она ему доверяет. Её инстинкты намного лучше моих.

— Пытаюсь? — усмехается он. — Да я уже, — широко улыбаясь, говорит он.

Мэгги встаёт на задние лапы, намереваясь устроиться на его коленях. Пит откладывается назад и похлопывает по ноге, и она запрыгивает к нему. Он гладит её по голове.

— Тебе идёт моя толстовка, — говорит он мне.

Моё лицо уже, наверно, ярко-красное, учитывая то, как он заставляет меня смущаться.

— Спасибо, — выдыхаю я.

— Мне нравится мысль о том, что моя толстовка облегает твоё тело, когда ты спишь, — произносит Пит. Внезапно его голос становится скрипучим и хриплым. Его взгляд скользит по моим ногам, но он не прикасается ко мне и не просит придвигнуться ближе. Он просто продолжает гладить мою собаку, которая теперь перевернулась на спину, подставив ему живот.

Я проглатываю комок в горле, моё сердцебиение прерывистое и тяжёлое. Откашливаюсь, а он просто наблюдает за мной из-под полуопущенных ресниц.

— Ну, и чем бы ты хотела заняться? — спрашивает он.

Если честно, я хочу его поцеловать.

— Это свидание? — отвечаю я вопросом на вопрос.

Пит качает головой.

— Это я зашёл на несколько минут, чтобы повидаться с тобой, но решил задержаться. Мэгги снова переворачивается, и Пит смеётся.

— А ты лёгкая добыча, — говорит он моей собаке.

— Она опасный зверь, — со смехом отвечаю я.

— Пока она защищает тебя, пусть будет опасной.

— Прямо сейчас она прекрасно справляется со своей задачей, — ворчу я.

— Собаки любят меня. Потому что я хороший человек.

Он прикрывает глаза и снова облизывает губы.

Я натягиваю толстовку ещё ниже на бёдра.

— Прекрати так на меня смотреть, — шепчу я, и мой голос ломается.

— Я бы так и поступил, если бы думал, что ты действительно этого хочешь, — отвечает Пит. Потом дёргает головой и тихо произносит: — Иди ко мне.

Я качаю головой, но губы расползаются в улыбке.

— Не-а, — отвечаю я.

Он снова дёргает головой.

— Иди сюда, — повторяет Пит. — Пожалуйста.

Я улыбаюсь ему — ничего не могу с этим поделать.

— Что я получу, если подойду к тебе? — спрашиваю я.

— Подойди и узнаешь, — отвечает Пит.

Моё сердце делает кульбит. Что мне делать? Остаться на месте? Или подойти? Я чувствую, будто между нами есть невидимые нити, и он тянет за них, когда поднимает руку и манит меня к себе пальцем.

Я легонько толкаю Мэгги, чтобы она слезла с его коленей. Потому что вдруг понимаю, что хочу быть на её месте. Хочу прижаться к нему и окунуться в его тепло. Мэгги спрыгивает на пол и вздыхает, когда приземляется на его ноги. А я на четвереньках ползу к нему.

Пит

Ещё мгновение назад у меня на коленях лежала собака, а теперь ко мне приближается Рейган. Она так чертовски сексуально ползёт по дивану, что у меня перехватывает дыхание. Одна её ладонь ложится на моё колено, другая — на бедро. Она прикусывает нижнюю губу и поднимает на меня взгляд. Убираю её волосы со лба и смотрю на неё. По-настоящему. Она дрожит. Её рука трясётся на моём колене, и я накрываю её своей. Её глаза находят мои.

— Я в порядке, — шепчет Рейган.

— Знаю, — отвечаю я, а потом медленно и аккуратно переворачиваю её так, что её попа оказывается у меня на коленях, а ноги вытянуты на свободной половине дивана. Стараюсь не двигаться слишком быстро, потому что всё это ново для неё, и я это понимаю.

— Думаю, это я напуган, — признаюсь дрожащим голосом и простираю горло.

Её брови сходятся на переносице.

— Почему? — шепчет она и кладёт голову на моё плечо, а её пальцы теребят волосы у меня на затылке. И когда она ко мне прикасается, я теряю способность мыслить.

— Честно говоря, не ожидал, что ты сдашься так быстро, — говорю я.

Её лицо вспыхивает, так что я не сомневаюсь: она поняла мои слова немного по-другому. Из моего горла вырывается смешок.

— Я имел в виду, подойдёшь ко мне с другого конца дивана, дурочка, — поясняю я и протягиваю руку, чтобы щёлкнуть её по носу. Наклоняюсь к ней и оставляю лёгкий поцелуй на её щеке. — Хотя, — продолжаю я. Но мне приходится остановиться и снова прочистить горло. Мой голос опускается до шёпота: — Когда ты кончила с моей рукой в твоих трусиках, я тоже очень удивился.

Её дыхание звучит не совсем естественно. Оно немного быстрее обычного, а щёки покрыты румянцем. Я провожу рукой вверх по внешней стороне её бедра, по всей длине ноги, потому что на ней надеты эти безумно крошечные шортики.

— А как, думаешь, я себя чувствовала? — спрашивает Рейган со смехом. И это самый красивый звук во всём мире. Она настолько близко ко мне, что я щекой чувствую слова, которые она произносит. Они жаркие, и влажные, и такие в стиле Рейган.

Я пихаю её коленом.

— Расскажи, что ты чувствовала, — прошу я. Мне хочется узнать обо всём.

Её брови взлетают вверх.

— Ты имеешь в виду, когда мы занимались этим? — спрашивает она.

Я киваю и поглаживаю рукой верхнюю часть её бедра, проводя линию по краешку этих самых шортиков, а по сути практически ласкаю её попу. Её ноги слегка раздвигаются, и мое сердце безумно радуется её реакции.

Буквально секунду Рейган что-то обдумывает, а затем начинает рассказывать:

— Я разозлилась, — говорит она. — Весь вечер Чейз вёл себя как придурок, а потом он прикоснулся ко мне, и у меня реально возникло желание развернуться и уйти, но он был чертовски самоуверенным. Так что, когда я его ударила, это была не совсем защитная реакция. Меня всё это достало, и я врезала ему просто потому, что могла. Просто потому, что он это заслужил. А потом я взяла его машину и приехала домой, а он — за мной. Но дома был ты. Я знала, что ты прячешься в кустах. Знала, что увидишь, как я возвращаюсь домой, а моя одежда в беспорядке, и боялась, что ты подумаешь, что случилось худшее.

— Худшее? — спрашиваю я.

Её ноги раздвигаются ещё чуть шире, а рот со вздохом приоткрывается, когда я провожу рукой чуть ниже попы. Мне хочется сорвать её шортики и стянуть трусики. А потом прикоснуться губами к её влажным девичьим прелестям и ласкать её до тех пор, пока она не кончит на мое лицо. Но её родители внизу.

— Ты не боялся, что я его поцелую? — спрашивает Рейган.

Я не реагирую, потому что увлечён тем, как мои пальцы скользят под её шортики и проводят линию по краю трусиков.

— Боялся, — бормочу я.

— Я думала об этом, — говорит она. — Вроде как хотела со всем этим покончить. Я поднимаю глаза. Она на самом деле только что это сказала?

— Покончить со всем этим? — переспрашиваю я.

Рейган морщится.

— Благодаря тебе я испытываю эти... чувства, Пит. И не понимаю, что с ними делать, и откуда они взялись. Меня до чёртиков пугает то, что я вот так запросто могу находиться рядом с тобой, не успокаивая себя и не заталкивая свои чувства в дальний уголок сознания. Так что я вроде как хотела проверить это с Чейзом. Но когда он прикоснулся ко мне, я не почувствовала ничего.

— Он тебя напугал?

Она качает головой.

— Да нет. Он придурок. И я знала это ещё до того, как пошла с ним на свидание. И когда он стал лапать мою грудь, по коже побежали мурашки. Но совсем не такие, как от твоего прикосновения. Так что я задумалась над этим и захотела вернуться к тебе. Но решила, что стоит всё-таки дождаться окончания вечера. А потом он снова прикоснулся к моей груди и рассмеялся, и я ему врезала. Это не было защитной реакцией. Я ударила его вполне сознательно. — Она опять морщится. — И мне вроде как стыдно за это.

Только сейчас я понимаю, что, когда Рейган начала всё это рассказывать, я перестал поглаживать её трусики и сейчас смотрю ей в глаза.

— Так ты не перепугалась. А специально его ударила?

Рейган даже не представляет, насколько я, чёрт побери, счастлив.

— Ага, — соглашается она, но не улыбается. Она о чём-то задумалась. — А потом ты пришёл в амбар и спросил, целовалась ли я с ним. И я не могла соврать. — Рейган поворачивает моё лицо к себе и смотрит в глаза. — Ты единственный, кого я хочу целовать, Пит. Единственный, с кем я хочу быть. Хочу, чтобы только ты обнимал меня и прикасался ко мне. — Она обмахивает лицо рукой, словно веером. — Боже, здесь становится жарко, — говорит она.

Я снова приподнимаю Рейган, и её глаза расширяются, когда я укладываю её спиной на диван. Потом очень медленно развозжу её колени и провожу руками по внутренней поверхности её бёдер, раздвигая их, чтобы иметь возможность лечь на неё сверху.

Когда меня окутывает её тепло, я замечаю, что она снова дрожит.

— Всё нормально? — спрашиваю я, удерживая свой вес на локтях. Моя голова находится на уровне её подбородка.

— Ага, — выдыхает она.

Рейган обнимает меня за шею и притягивает к себе, так что моя голова опускается на её грудь. Я поворачиваюсь, утыкаясь в неё лицом, и понимаю, что вершинки её груди находятся прямо у моего рта. Её руки легко и игриво пробегают по коротким волосам на моей голове.

— Так вот, прошлой ночью... — начинает она. А потом останавливается. Я поднимаю голову, чтобы взглянуть на неё. Рейган прикусывает нижнюю губу, а затем произносит на выдохе: — Мне правда понравилось то, что мы делали прошлой ночью.

Я усмехаюсь.

— Не сомневаюсь. — Боже, я ощущаю и лёгкость, и тяжесть одновременно. Толкаюсь в неё бёдрами, и она приподнимается мне навстречу, прижимаясь своими мягкими, тёплыми, невероятно розовыми прелестями прямо к моему члену. Проклятье! — Мне тоже.

Рейган тянет меня за волосы, побуждая снова посмотреть на неё.

— Всё происходит слишком быстро? — шепчет она.

Я опускаю взгляд туда, где мой член и её тёплое местечко разделяют только мои джинсы и те крошечные тряпочки, которые она называет шортами.

— Мои штаны всё ещё на мне. Клянусь.

Она вздыхает.

— Я говорю не об этом. — Рейган жестом показывает на меня, потом на себя и снова на меня. — Между нами. Всё происходит слишком быстро? — спрашивает она.

Моё дыхание становится рваным.

— Не знаю, — отвечаю я. — Для тебя это слишком быстро?

Она качает головой.

— Мы лишь пару дней назад встретились.

Как будто мне нужно об этом напоминать.

Тогда почему у меня такое чувство, что моё сердце искало её целую вечность?

— Ммм-хмм, — бормочу я, меняя своё положение, чтобы прикоснуться к её губам своими. Она отвечает на поцелуй, её рот мягкий и требовательный. Я отстраняюсь, а она широко улыбается. — Что? — спрашиваю я. Её улыбка такая заразительная, и я чувствую, как уголки моих губ тоже приподнимаются.

— Этот поцелуй не был таким же эпичным, как предыдущий, — замечает Рейган.

Я снова прижимаюсь к её губам, нежно и неторопливо, язык проскальзывает в её рот, и моё сердце ликует, когда её язык, бархатистый и горячий, встречается с моим.

— Нам придётся над этим поработать, — поднимая голову, отвечаю я.

Она кивает. Её рот находится рядом с моим ухом, когда она произносит:

— Я хочу, чтобы он был таким же эпичным для тебя, каким был для меня.

Дрожь пробегает по моему позвоночнику, и я бёдрами прижимаюсь к её центру. Чёрт. Это выше моих сил.

— Ты позволишь мне это сделать? — спрашивает Рейган.

Она выглядит такой неуверенной в себе, что становится понятно, насколько для неё это сложно. Рейган не любит спрашивать. И не стала бы, если бы это не было для неё так важно.

— Не тогда, когда внизу твои родители, — тихо отвечаю я.

— Я не имела в виду прямо сейчас, — говорит она со вздохом.

— Ой. — Мысли вслух и всё такое.

Рейган смеётся, а потом спрашивает:

— В другой раз? Когда мои родители будут дальше, чем в десяти метрах от нас?

Я киваю. Проклятье. Во что я вообще ввязался?

Слышу, как поблизости хлопает дверь и вскакиваю. Она сводит ноги вместе и садится, натягивая толстовку ещё ниже на бёдра. А все мои мысли только о том, какая нежная у неё кожа, и как сильно я хочу к ней прикоснуться. Но по лестнице кто-то поднимается. Я подзываю собаку, и она запрыгивает мне на колени. Слава богу.

Шорох шагов по ковру — единственное предупреждение перед тем, как её отец появляется в дверном проёме.

— Чем вы занимаетесь? — рявкает он. Его глаза устремляются ко мне, потом к собаке, а затем встречают мой взгляд. Но спустя мгновение я обрываю зрительный контакт. В конце концов, я только что лежал на его дочери.

— Разговариваем, — бодро отвечает Рейган, проводя рукой по затылку. — Ты что-то хотел?

— Мы с твоей мамой собираемся посмотреть кино. Хочешь с нами?

— А Питу можно к нам присоединиться? — спрашивает она. Он внимательно смотрит на меня, но всё моё внимание приковано к собаке.

Он кивает.

— Ну, если так надо, — странно отвечает он.

Признаюсь, если бы у меня был отец, я бы хотел, чтобы он был таким, как мистер Кастер. Я бы хотел, чтобы он старался оберегать меня от всего и заботился обо мне больше всех на свете. В моей жизни такого нет, по крайней мере, со стороны отца. Вместо него это делают братья, но это не одно и то же.

— Хочешь посмотреть фильм? — тихо спрашивает Рейган. И улыбается. Я замечаю,

что она не встаёт.

Я киваю:

— Конечно.

Она поворачивается к отцу и спрашивает:

— Через десять минут?

Её отец кивает и ещё несколько секунд изучает меня, а затем уходит.

— Твой отец очень крутой, ты знаешь это? — говорю я.

Она закатывает глаза.

— Если бы у меня был отец, я хотел бы, чтобы он поступал точно так же.

На этот раз я избегаю её взгляда, потому что не хочу показывать ей слишком много.

Рейган и так уже видела достаточно.

— Твой брат, тот, с которым ты не общаешься, — начинает она. — У него в общежитии есть телефон?

Я киваю. У него есть мобильник, который дал ему Пол, когда Сэм решил уехать. У Пола есть ещё один. Я знаю номер Сэма наизусть, хотя ни разу ему не звонил. Миллион раз набирал номер, но в последний момент вешал трубку, потому что я трус.

Рейган протягивает мне свой телефон.

— Пришло время позвонить ему, Пит, — говорит она. Затем берёт джинсы и натягивает их, а я наблюдаю за ней. Рейган даже одевается чертовски сексуально, и у меня снова встаёт. Она поворачивается и быстро меня целует. — Пойду сделаю попкорн. Спускайся вниз, когда будешь готов.

Она уходит и закрывает за собой дверь. А я смотрю на телефон. Когда я перестал общаться с Сэном, то почувствовал, будто потерял частичку себя. Может, пришло время её вернуть. Набираю номер и прикладываю телефон к уху, моё сердце бьётся быстрее, чем тогда, когда я лежал на Рейган.

Гудок.

Гудок.

Гудок.

Гудок.

Меня перекидывает на голосовую почту. «Это Сэм. Я занят, так что оставьте сообщение, и я вам перезвоню, если захочу».

Слышу «бииип» и замираю. Не могу ничего с собой поделать. Но всё же откашливаюсь. Пришло время начать сначала. И пока Сэм со мной не поговорит, я не узнаю, хочет ли он того же или нет.

— Сэм, это Пит. — Я останавливаюсь и обдумываю следующие слова, уткнувшись лбом в ладони. — Я просто хотел поговорить с тобой и убедиться, что ты в порядке. Мне тебя не хватает, Сэм. Вот так. Мне просто тебя не хватает. — Я тяжело вздыхаю, потому что понятия не имею, что ещё сказать. — Сэм, как думаешь, у тебя получится приехать домой на эти выходные? Я хочу тебя увидеть. Это телефон моего друга, так что ты не сможешь мне перезвонить, хотя я бы очень этого хотел... очень-очень. Я люблю тебя, Сэм. Просто хотел тебе об этом сказать.

Нажимаю кнопку завершения вызова и таращаюсь на телефон. Наверно, я всё испортил. Но мне стало легче. Я рад, что позвонил ему. Мне его не хватает. Безумно.

Кладу телефон Рейган в карман и спускаюсь вниз. Нахожу её на кухне, она перекладывает попкорн в миску. Когда подхожу ближе, она кидает мне зёрнышко, и я ловлю его ртом. Она смеётся и прислоняется бедром к столешнице.

— Удалось поговорить? — спрашивает она.

В кармане жужжит её телефон.

— Думаю, тебе пришла эсэмэска, — говорю я и протягиваю ей мобильник. Мне любопытно, поэтому я смотрю на него. Рейган мельком просматривает сообщение и ухмыляется.

— Похоже, это тебе, — отвечает она. — Ты ведь по этому номеру звонил?

Рейган показывает на экран. Там номер Сэма, а текст его сообщения гласит:

Я тоже тебя люблю.

Я широко улыбаюсь.

— Ага, это Сэм.

— Сэм? — нахмурившись, спрашивает она и показывает себе на затылок. — Сэм, чьё имя вытатуировано у тебя на шее? Речь идёт о твоём брате?

— Ага, отец сделал нам татуировки, потому что всё время нас путал.

Она хмурится.

— Тогда почему у тебя написано «Сэм»?

Я ухмыляюсь и пожимаю плечами.

— Он нас не различал, так что когда он посадил Сэма делать тату, тот сказал, что он — Пит, а я сказал, что я — Сэм. Вот так у нас появились имена друг друга на шее.

— Он вас не различал? — Рейган перестала улыбаться и выглядит немного грустной.

Я качаю головой.

— Мы близнецы. Выглядим как две капли воды.

— Ничего себе, — говорит она.

— Наша мама так разозлилась, — продолжаю я со смехом.

— А она вас различала? — спрашивает Рейган.

Я пожимаю плечами.

— Любой, кто знал нас, мог различить.

Это не очень-то хорошо говорит о моём отце, но что есть, то есть.

Я притягиваю её к себе, схватив за шлёвку джинсов, и она падает в мои объятия. Её руки обвиваются мою шею. И я быстро её целую.

Но тут её отец кричит:

— Пит, пора смотреть фильм, так что кончай заниматься сексом с моей дочерью на кухне!

Рейган смеётся.

— Даже я не настолько быстрый, — шепчу ей, и она снова краснеет. Я целую её в лоб. — Спасибо, что разрешила воспользоваться твоим телефоном, — говорю я.

Она кивает и берёт меня за руку, держа в другой руке попкорн. Я сажусь на край дивана, Рейган устраивается рядом, близко, но не касаясь меня. Её отец наблюдает за нами, сидя в обнимку с её мамой на диване напротив нас.

— Рад видеть тебя, Пит, — произносит он.

— Взаимно, мистер Кацтер, — отвечаю я. — Спасибо, что пригласили.

Я устраиваюсь удобнее, так что нога Рейган теперь касается моей, и когда начинается фильм, она сжимает мою руку. Чёрт, мне так хорошо. Завтра пятница, и завтра вечером я еду домой. Но я не хочу уезжать. Хочу всегда быть рядом с ней. Вот как сейчас.

Рейган

Сегодня Пит уезжает домой. Я почти всю ночь не могла заснуть, размышая об этом. Не хочу, чтобы он уезжал. От одной только мысли об этом у меня внутри всё сжимается.

Я смотрю на маму, сидящую по другую сторону стола.

— Тебя что-то беспокоит? — задаёт вопрос она.

Я качаю головой.

— Ничего, о чём ты хотела бы поговорить? — спрашивает она. Её голос мягкий, но она не допытывает. Просто это мама.

— Пит сегодня уезжает, — тихо произношу я.

— Хм-м, — бормочет она в ответ.

— И я подумала... — медленно начинаю я.

Мама улыбается и смотрит на меня взглядом любопытного щенка.

— О чём ты подумала?

— Я серьёзно задумалась о том, чтобы вернуться в город на неделю раньше, — тихо и неуверенно говорю я. Мои занятия начнутся только на следующей неделе.

Она подносит чашку кофе к губам и смотрит на меня поверх ободка, пока делает глоток.

— Это имеет какое-то отношение к Питу? — спрашивает она.

Я не могу лгать своей маме. Даже если бы попыталась, всё равно не получилось бы.

— Самое прямое. — Я ухмыляюсь, глядя на выражение её лица. Она широко улыбается, и так заразительно. — Хочу вернуться и провести с ним некоторое время. — Я пожимаю плечами. — Посмотреть, что из этого получится.

— Он тот самый, да? — спрашивает она.

Я киваю.

— Думаю, да.

Мой голос тихий, но на душе так легко, как не было уже очень давно.

— Хочешь, чтобы я позвонила и узнала, получится ли записать тебя сегодня к врачу? — спрашивает мама. К врачу? Зачем он мне? — Остался ещё один малюсенький вопрос о контрацепции, — говорит она.

— Ох. — Я совершенно об этом забыла. Мои щёки начинают гореть. — Думаешь, у тебя получится? — спрашиваю я, внутренне вся сжавшись. Это так неловко. Но с кем ещё обсуждать подобное, если не с мамой?

Она берёт свой телефон.

— Посмотрим, что я смогу сделать.

— Пойду наверх собирать вещи, — отвечаю я.

У меня голова идёт кругом. Это очень важное решение. Надеюсь только, что когда мы приедем в город, между нами с Питом ничего не изменится. Что если мы вернёмся, а на нас обрушится реальная жизнь? Что если волшебство закончится? Что если я нравлюсь ему не так сильно, как он мне?

Я не могу найти свои шлётанцы, поэтому подхожу к верхней ступеньке лестницы, намереваясь позвать маму. Но она разговаривает с отцом. Я слышу её голос, тихий и неуверенный. А потом отец произносит:

— О чём, чёрт побери, ты думаешь, поощряя это?

Я замираю. Мне не стоит подслушивать, но я ничего не могу с собой поделать.

— Я поощряю её стремление повзросльть, дорогой, — отвечает она. — Только и всего.

— Она не поедет в город. Не сейчас. Это исключено. — Я слышу грохот посуды и морщусь от каждого звука.

— Она едет. Уже собирает вещи. — Мамин голос звучит тихо, но твёрдо.

— Почему тебя это так волнует? Ей нужна семья рядом, а не этот мальчик.

Мама встаёт, и я могу видеть, как она кладёт руку папе на грудь, пытаясь успокоить

его.

— На данном этапе жизни ей нужны не мы, дорогой, — говорит она. — А этот мальчик.

— Почему он? — рычит отец.

— Пит — хороший парень, — отвечает она. — И ты это знаешь.

Отец снова рычит, и мама смеётся.

— Мне не обязан нравиться какой-то парень, что хочет забраться в трусики моей дочери, — ворчит он.

— Разве ты не видишь, как она ожила с тех пор, как он здесь появился, Боб? — спрашивает мама. Её голос полон решимости. — Рейган не подскакивает при виде любой тени и позволяет людям прикасаться к себе. Она смеётся. И хочет большего, чем просто сидеть взаперти в своей комнате. Она снова живёт, Боб. Так что прекрати. Это к лучшему. — Словно предупреждая, она указывает на него пальцем. — И не говори ей ничего об этом.

Я возвращаюсь в комнату и заканчиваю собирать вещи. Мне жаль папу, но внезапно в моей жизни появляется надежда. И мне это нравится. Не хочу ничего менять. Я проделаю весь путь до Нью-Йорка, чтобы сохранить это. И дело не только в Пите. Это будущее, которое меня ждёт. И оно станет реальностью, с ним или без него, но впервые за долгое время я полна надежды.

Пит

Пришло время начинать собирать вещи и загружать их в автобус, хотя ещё не все мероприятия в лагере закончились. Но нам нужно выехать до темноты, чтобы к полуночи добраться до города. Я оглядываюсь по сторонам и начинаю ненавидеть саму мысль об отъезде. Когда вернусь в Нью-Йорк, то снова окажусь под домашним арестом и снова встречусь со своими братьями. Хотя я наслаждался своей свободой здесь, и теперь знаю, чем буду заниматься дальше. Понятия не имею, какое расписание у Рейган, но надеюсь, она захочет встретиться со мной, когда приедет в город.

Ко мне подъезжает Гонзо и останавливается, преграждая мне путь в амбар. А я надеялся найти там Рейган. Хотел поговорить с ней до нашего отъезда. Мне очень не хочется покидать её, но другого выхода у меня просто нет. Впервые со дня нашего знакомства Гонзо мне не улыбается. Он выглядит так же мрачно, как я себя чувствую.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Небо, говорит он, показывая на небеса.

— Ха-ха, очень смешно, — отвечаю я. Но он не смеётся со мной. — Тебя что-то беспокоит? — спрашиваю.

Только ты, говорит он.

— Я? Что я такого сделал?

Я иду обратно, чтобы составить стулья, потому что это стоит сделать до отъезда. Он следует за мной. Потом мне нужно будет помочь пацанам погрузить вещи в автобус.

Ты собирался уехать, не попрощавшись? Он внимательно смотрит на меня.

— Мы только через несколько часов уезжаем, — напоминаю я, поглядывая на часы.

— А ты надеялся, что я не забуду поцеловать тебя на прощание? — Я подхожу к нему и аккуратно обхватываю его голову рукой, награждая щелчком по лбу. Он отпихивает мою руку. Он правда разозлился? — Ты серьёзно? Думаешь, я смог бы уехать, не попрощавшись?

— Опускаюсь на колени и смотрю ему прямо в глаза. Он серьёзен. Даже слишком.

Я думал, что мы стали друзьями, но последние несколько дней ты где-то пропадал, говорит он.

Бросаю взгляд на главный дом. Я довольно много времени провёл с Рейган, но не оставлял Гонзо в одиночестве. Я убедился, что есть ребята, с которыми он мог поболтать и потусоваться.

— Ты здесь с кем-нибудь подружился? — спрашиваю я, а затем засовываю руку в карман и достаю оттуда свёрнутый листочек бумаги. — Я собирался отдать тебе его попозже, но, думаю, могу сделать это и сейчас, — говорю, протягивая листок. — Это мой номер телефона и адрес. Надеюсь, мы ещё увидимся.

Он ухмыляется. *А ты меня любишь*, показывает он жестами.

Чёрт возьми, да, я люблю этого маленького засранца. Он просто не может не нравиться.

— «Люблю» — это сильно сказано, — отвечаю я. — «Терплю» — больше подходит.

Он снова улыбается. *Я тоже тебя терплю*, говорит он жестами. И рисует в воздухе кавычки у слова «терплю». *Раз ты так говоришь людям, что их любишь*. Он смотрит мне в глаза. *Спасибо за всё, что сделал для меня на этой неделе. Я это ценю. И ценю тебя*.

— Я тоже ценю тебя, парень, — отвечаю я. — И хочу, чтобы ты связался со мной, если что-то понадобится. Что угодно, хорошо?

Его глаза вспыхивают, и он показывает слово «да». Мать зовёт его обратно в домик, где собирает вещи, и он намеревается ей помочь.

— Эй, Гонзо, — зову я.

Он оборачивается.

— Ты хороший парень, и я рад, что познакомился с тобой, — произношу я.

Ага, ага, жестами отвечает он. *Хочешь, чтобы я поверил в то, что ты меня обожаешь*. И смотрит куда-то мне за спину. *Кстати, об обожании*, показывает он. А потом

кивает в сторону и подмигивает. *Ещё увидимся.*

— Надеюсь, что нет, — кричу я ему в спину. Он только отмахивается, даже не оглядываясь.

Я смеюсь и поворачиваюсь, чтобы посмотреть, куда он показывал. Но это не Рейган. Это её отец, и он направляется ко мне, держа в руках чёртов топор. Я скрещиваю руки перед собой и делаю шаг назад.

— Пит, — произносит он, тяжело дыша. Такое чувство, что ему пришлось побегать, чтобы найти меня.

— Мистер Кастер, — говорю я. И смотрю на топор, а он приподнимает его, удовлетворённо оценивая, как будто наслаждаясь моим дискомфортом. — Всё в порядке? — спрашиваю.

— Нет, чёрт побери. Ничего не в порядке, — отвечает он. Потом проводит рукой по лицу и тычет пальцем в меня. — Я нянчился с тобой всю неделю, но с меня хватит этих игр.

— Я и не знал, что мы во что-то играли, — начинаю я.

Он поднимает руку и останавливает меня.

— Ты очень нравишься моей дочери, и это единственная причина, почему я терпел тебя всю неделю.

— Э-э-э, — начинаю я. Но он шикает, заставляя меня замолчать.

Мистер Кастер поднимает топор, и я делаю шаг в сторону.

— Но клянусь богом, если ты посмеешь обидеть мою дочь, я тебе голову оторву, но сначала отрежу твои яйца.

— Я бы никогда её не обидел, сэр, — говорю я.

Он снова на меня шипит.

— И когда вы вернётесь в город, где не будет отца с топором, горящего желанием тебя кастрировать, помни, что один её звонок — и я приеду. Тебе всё понятно?

— Так точно, — отвечаю я.

— Это всё, что я хотел сказать. — Он делает глубокий вдох, а потом выдыхает. — Было приятно познакомиться с тобой, Пит. Надеюсь, тебя ждёт прекрасная жизнь — вдруг я никогда больше тебя не увижу.

И он уходит, размахивая топором. Проклятье. Этого я не ожидал.

Насвистывая, из-за дерева выходит Фил.

— Думаю, ты ему был нужен только на минуту, — выдыхает он. Потом ухмыляется и качает головой.

— Не в курсе, что это вообще было? — спрашиваю я, указывая большим пальцем в сторону мистера Кастера.

— Хм-м, — бормочет он. — Возможно.

— Не хотите поделиться? — спрашиваю я.

— Он отец, а ты — молодой парень, которому нравится его дочь. Он это понимает, но ему больно от того, что приходится с кем-то делить внимание дочери. Он защищал её всю свою жизнь, а теперь она начнёт искать на эту роль другого. Может, даже тебя. — Он прищуривается, глядя на меня. — А что бы ты чувствовал, если бы этим «другим» стал ты? — спрашивает он, делая вид, что вместе со мной составляет стулья, но я знаю, что он наблюдает за мной.

— Чёрт побери, я был бы в восторге, — отвечаю я.

— Ты планируешь встретиться с ней, когда вернёшься в город? — спрашивает он. Я приподнимаю штанину, напоминая о браслете на моей ноге. Он ухмыляется. — У меня такое чувство, что её это не остановит.

— Надеюсь, нет. — Я делаю глубокий вдох. — Она мне нравится, Фил, — признаюсь ему. — Возможно, я даже влюблён в неё.

Он останавливается и смотрит мне в глаза.

— Тебя это пугает? — спрашивает он.

Я смеюсь и отвечаю:

— На самом деле, как раз наоборот.

Я полон надежд. Ведь прошло очень много времени с тех пор, как я чувствовал что-то подобное.

— Что ты собираешься делать, когда вернёшься, Пит? — спрашивает он.

Я достаю из кармана листочек бумаги. Он сказал записать свои планы, чтобы их осуществить. Я так и сделал и теперь зачитываю ему:

— Первое — наладить отношения с Сэмом. Второе — решить, каким будет моё будущее. Поступить ли мне в колледж? Или найти работу? В общем, мне нужно определиться, чем я хочу заниматься, — сворачиваю листок и кладу его обратно в карман.

— Хорошо, — кивнув, говорит он.

— Как думаете, я мог бы заниматься тем же, чем и вы? — спрашиваю я. — Вы помогаете многим ребятам.

Фил кивает.

— По-моему, ты бы прекрасно справился с этой работой.

— Может, мне бы удалось оградить кого-то из ребят от той ситуации, в которой оказался я.

Он снова кивает.

— Это отличная цель. Я с радостью помогу тебе решить, хочешь ли ты этого на самом деле. Можешь как-нибудь прийти ко мне на работу и посмотреть, интересно ли тебе это. — Он бросает взгляд на лагерь. — К сожалению, в основном моя работа не такая гламурная. Приходится много времени проводить в тюрьме и в колонии для несовершеннолетних.

Я киваю. Может, мне это и понравится.

— Ты знаешь, как связаться со мной, когда доберёшься до дома.

Да, знаю, и обязательно с ним свяжусь. Я продолжаю составлять стулья, пока не замечую Рейган, которая направляется в мою сторону. Девушка улыбается, а её распущенные волосы развеваются на ветру. Она отводит их от лица и широко мне улыбается.

— Привет, Пит, — здоровается Рейган, шаркая ногами и нервно поглядывая вниз. — Мой отец только что разговаривал с тобой? — спрашивает она. — С топором в руках?

Я плотно сжимаю губы, изо всех сил стараясь не улыбаться, но она выглядит такой милой, что это удаётся с большим трудом.

— Твой отец до чёртиков меня напугал, — признаюсь я.

Она хихикает.

— Думаю, именно этого он и добивался. — Рейган прищуривается, глядя на меня. — Папа говорил с тобой обо мне? — спрашивает она.

Я киваю.

— Он с большим энтузиазмом вызвался лишить меня некоторых частей тела.

Она выглядит разочарованной.

— Нет, я имею в виду, он говорил с тобой по поводу планов на Нью-Йорк?

Я качаю головой.

— Каких планов? — Прекращаю составлять стулья и поворачиваюсь к ней.

Рейган сцепляет пальцы и старательно избегает моего взгляда. Она чувствует себя неловко, и мне становится жаль её. Я подхожу ближе и касаюсь её лица, побуждая посмотреть на меня.

— Каких планов? — повторяю я свой вопрос.

Она кладёт ладони мне на грудь и смотрит в глаза.

— Пит, — начинает она. Но останавливается и качает головой, а затем зарывается лицом в мою футболку и стонет. — Я чувствую себя такой идиоткой, — признаётся Рейган, уткнувшись в мою грудь, так что я едва её слышу. Прижимаю её к себе и крепко обнимаю, поглаживая пальцами её спину. Приподнимаю край её футболки и прикасаюсь рукой к коже. И она позволяет мне это. Каждый раз, когда я к ней прикасаюсь, это поражает меня и заставляет моё сердце таять. Наконец она поднимает глаза. — Итак, сегодня ты

возвращаешься в город.

Я киваю и закрываю глаза. Не хочу даже думать о том, чтобы уехать от неё. Но, полагаю, другого варианта у меня нет.

— Ага, — со вздохом говорю я.

— Так вот, — неуверенно продолжает Рейган, поднимая голову, чтобы смотреть мне в лицо. Её зелёные глаза медленно моргают. — Я думала о том, чтобы тоже вернуться в город сегодня.

Моё сердце подскакивает в груди. Я хватаю её за плечи и немного отстраняюсь, чтобы взглянуть на неё.

— Чёрт возьми, ты серьёзно? — спрашиваю я, не в силах сделать очередной вдох.

По её лицу пробегает тень.

— Ты не хочешь, чтобы я ехала, — тихо говорит она.

Я смеюсь. Притягиваю её к себе, крепко обнимаю, поднимаю в воздух и кружу так быстро, что ей приходится схватить меня за плечи.

— Конечно, я хочу, чтобы ты поехала! Ты смеёшься? Я безумно переживал, что никогда снова тебя не увижу, или, если мы будем вдали друг от друга в течение нескольких недель, то всё, что есть между нами, исчезнет.

— А что есть между нами, Пит? — спрашивает она, но при этом улыбается.

— Ты не знаешь? — отвечаю я вопросом на вопрос.

Рейган качает головой.

— Я не всегда хорошо понимаю людей, Пит, — краснея, признаётся она.

Щипаю её за нос и, набравшись смелости, произношу:

— Я думаю, что влюблена в тебя, Рейган.

Тяжело слышать, потому что внезапно чувствую комок в горле. Не знаю, откуда он взялся, но, несмотря на все мои усилия, он не исчезает. Я жду. Она ведь должна что-то ответить, правда?

— Хорошо, — наконец произносит она.

Хорошо? И только?

— Спасибо, что сказал. — Рейган широко улыбается и поворачивается с намерением уйти.

Я хватаю её за руку и тяну обратно к себе. Моё сердце переполняется чувствами, потому что она не пытается меня ударить: ни кулаком, ни ногой с разворота, ни коленом по подбородку, когда я прижимаю её спиной к дереву.

— И это весь ответ? — спрашиваю я. Моё сердце бьётся с сумасшедшей скоростью. Может, я неправильно её понял. Может, я заблуждаюсь. Может, я просто идиот.

— А чего ты хочешь? — шепчет она.

Я провожу ладонью по её щеке и внимательно смотрю на неё. Рейган так чертовски красива, что когда я нахожусь так близко к ней, то едва могу нормально соображать.

— Хочу, чтобы ты тоже меня полюбила, — признаюсь я.

— Уже, — произносит Рейган. На её щеках появляется румянец. Минуту назад я думал, что она не может быть ещё красивее, но теперь понимаю, что ошибался.

— Уже? — повторяю я. Боже, я начинаю говорить, как Линк.

Она тяжело вздыхает.

— Да. Я потеряла голову. Не хочу расставаться с тобой. Задыхаюсь от одной только мысли о том, что ты уезжаешь. Хочу постоянно быть рядом. Точно потеряла голову. Да. — Рейган моргает, а затем произносит: — Ты в моём сердце, Пит. И я хочу, чтобы так было всегда.

Чёрт. Это самое потрясающее, что я слышал за всю свою жизнь. Не могу даже двух слов связать, чтобы что-то ей ответить.

Внезапно я слышу звук приближающихся шагов и отскакиваю от Рейган, когда вижу её отца, направляющегося к нам с топором в руках. Он останавливается и сердито смотрит на меня.

— Пит, можешь сделать мне одолжение? — спрашивает он. При этом выглядит не особо счастливым, хотя это его нормальное состояние, когда я рядом.

— Что вам нужно, сэр? — спрашиваю я.

— Рейган решила уехать в город сегодня вечером, и, когда она доберётся до дома, будет уже достаточно поздно. — Большим пальцем он показывает туда, где стоит Фил. — Так что я попросил Фила разрешить тебе поехать с ней, а не на автобусе, на случай, если машина сломается или ещё что-то.

Рейган широко улыбается, и мне хочется ответить ей тем же, но я всеми силами подавляю улыбку.

— Фил согласился? — спрашиваю я, глядя на Фила, который подходит к нам.

— Ты должен появиться в своей квартире до полуночи, — отвечает Фил. — Если нет, я узнаю. — Он кивает в сторону браслета на моей лодыжке.

— Я отвезу его домой, — щебечет Рейган. Она улыбается, и мне хочется открыто радоваться вместе с ней.

— А что с остальными ребятами? — спрашиваю я.

— Ты сможешь встретиться с ними завтра на собрании. В одиннадцать, если, конечно, захочешь прийти.

Он выгибаet бровь.

— Я приду, — отвечаю ему. Хочу увидеть этих ребят. Если я смогу помочь хотя бы одному из них, мне будет легче примириться со своим прошлым.

— Спасибо, Пит, — произносит мистер Кастер. Он хлопает меня по плечу, сжимая его чуть сильнее, чем требуется. Я расцениваю это как предупреждение, чего, думаю, он и добивался. Он уходит, оставляя нас с Рейган наедине.

— Когда ты высадишь меня, будет очень поздно, — говорю я.

Она кивает.

— Я знаю.

— Не хочу, чтобы ты ехала одна в пустую квартиру. Я попрошу кого-нибудь из братьев поехать с тобой. — Жаль, что я не могу поехать сам и проводить её до двери, проявив себя истинным джентльменом, чего раньше мне никогда не хотелось.

— Со мной будет Мэгги, — напоминает она.

— Всё равно, — отвечаю я, убирая её волосы назад. — Может, останешься на ночь у меня? — спрашиваю я.

Её глаза расширяются, и она облизывает губы. Не сомневаюсь, ей понравилась эта идея.

— Я буду спать на диване, — говорю я. Чёрт побери, это убьёт меня, но я согласен. Она качает головой.

— Я не останусь, если ты будешь спать на диване.

Сердце в груди замирает.

— Я не выгоню тебя из твоей собственной постели, — говорит она с нервным смешком. Её глаза находят мои, и я надеюсь, что она не заглянет слишком глубоко, потому что понятия не имею, что она там увидит. — Я останусь, если ты будешь спать со мной, — произносит Рейган дрожащим голосом.

— Хорошо, — тихо отвечаю я. Но мой желудок в это время делает сальто. Она приподнимается на носочки и оставляет на моих губах лёгкий поцелуй.

— Мне нужно кое о чём позаботиться, — говорит она шёпотом. И снова меня целует, на этот раз чуть медленнее. Рейган будет ночевать у меня. Она и её собака.

— Мэгги тоже может остаться, — выдаю я. Это тупо, но прямо сейчас я с трудом соображаю.

— Я ей передам, — игриво шепчет Рейган. — Она обрадуется.

Но не так сильно, как я.

Рейган

По пути домой Пит не особо много разговаривает. Он возится с радио и гладит Мэгги. Время от времени тянется рукой к моей ладони и сжимает её, тем самым успокаивая меня.

— Уверен, что твоя семья не будет против, если сегодня я останусь у вас? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Да. Сэм в колледже, а Логан живёт с Эмили в её квартире, хотя не понимаю почему. По словам Мэта, они проводят больше времени у нас дома, чем у неё. Мы с Сэмом делим одну комнату, но раз его нет, ты можешь спать на моей кровати, а я посплю на его.

Вот блин. А я вроде как надеялась, что мы будем спать вместе.

— Или мы можем лечь в комнате Логана — там двуспальная кровать. Я просто не хотел давить на тебя, предлагая спать со мной. — Пит не смотрит на меня, когда это произносит, напротив, его внимание приковано к уху Мэгги.

— Мне нравится второй вариант, — тихо говорю я, делая вид, что занята чисткой любового стекла, хотя оно совсем не грязное.

— Даже так? — негромко отвечает он и ухмыляется. — Я надеялся, что ты так скажешь. — Он слегка морщится. — Но должен предупредить, что наша квартира совершенно не похожа на твой дом. Район не самый хороший. Да и квартира маленькая.

— Всё это не имеет никакого значения, Пит, — говорю я. И это правда. Я просто хочу быть с ним. Живи он хоть в картонной коробке, с ним это место было бы прекрасным. Я показываю большим пальцем в сторону собаки. — А вот Мэгги может быть немного снобом. Так что тебе придётся довольно много её гладить, чтобы она была счастлива.

— С Мэгги проблем не будет, — отвечает он. В машине ей стало плохо, так что нам пришлось остановиться, чтобы всё вычистить. Но Пит вполне нормально к этому отнёсся. — Думаю, она меня любит.

Его так легко любить.

Он широко мне улыбается.

— А ты спиши обнажённой? — спрашивает Пит. В его глазах появляется искорка.

Чувствую, как жар поднимается по моему лицу.

— Нет! — выкрикиваю я. — Конечно нет.

Пит откидывается назад на сиденье и наклоняет голову, словно любопытный щенок.

— Как думаешь, мне удастся тебя уговорить? — Должно быть, выражение моего лица очень забавное, раз он смеётся.

— Возможно, — тихо отвечаю я.

Он шумно втягивает воздух. Мой ответ его удивил.

— Не уверен, что смогу всю ночь держать руки при себе, — негромко, но твёрдо предупреждает он. Его голос более хриплый и глубокий, чем был минуту назад.

— А кто сказал, что я этого хочу?

Пит откидывает голову назад и издаёт стон. Гладит рукой по своей груди и тяжело дышит.

— Моя добродетель под угрозой, мисс Кастер? — спрашивает он.

— Я бы ответила «да», если бы было чему угрожать, — ворчу я в ответ. Но он такой забавный, что у меня не получается сдержать улыбку.

— Мы на месте, — говорит Пит, указывая на парковку на этой стороне улицы. Я заезжаю туда и делаю глубокий вдох. Понятия не имею, как вести себя теперь, когда мы приехали.

— Уверен, что хочешь, чтобы я осталась? — спрашиваю его.

Пит кивает.

— Тебе стоит написать отцу и сообщить, что ты добралась до города. — Он хватает поводок Мэгги и помогает ей выбраться из машины. — Спишись с ним, а я пока быстренько выгуляю Мэгги. А потом заберу твои сумки.

Я киваю и начинаю набирать сообщение отцу. Пит причмокивает, и Мэгги бежит за ним.

Я: *Мы приехали.*

Папа: *Ты добралась до своей квартиры? Всё в порядке?*

Не хочу его обманывать.

Я: *Нет, я у Пита. Хочу немного пообщаться с его семьёй.*

Папа: *Уже половина двенадцатого ночи, Рейган.*

Я: *Папа, всё нормально.*

Папа: *Стоит ли мне приехать и убить этого парня?*

Я: *Не сегодня.*

Папа: *Тогда скажи когда.*

Я смеюсь.

Я: *Хорошо.*

Папа: *Напиши мне завтра, чтобы я знал, что ты жива.*

Я: *Люблю тебя!*

Папа: *И я тебя люблю.*

Пит открывает водительскую дверь и облокачивается на неё.

— Привет, — произносит он. — Готова идти наверх?

Я широко улыбаюсь — ничего не могу с собой поделать. Начинаю вылезать из машины, но Пит меня останавливает.

— Ты ведь знаешь, что я ничего не жду от сегодняшней ночи? — спрашивает он.

— Да. — Я знаю. Он никогда бы не стал заставлять меня делать что-то против моей воли. — Мне всё ещё можно остаться?

Он вытаскивает меня из машины и идёт к багажнику, чтобы достать мою сумку. Но она очень-очень большая. В конце концов, я ведь возвращаюсь домой.

— Только эту, — говорю я, забирая небольшую сумку с косметикой. — Остальное я заберу завтра, когда приеду к себе. Нет смысла тащить всё это наверх на лифте.

Пит усмехается.

— Ты *правда* избалованная, да? — спрашивает он.

— В смысле? — Я не понимаю.

Он перекидывает мою сумку через плечо вместе со своим рюкзаком и берёт меня за руку.

— Мы живём на четвёртом этаже. И здесь нет лифта.

— Ну, я сильная. Так что выдержу.

Он указывает кончиками моих пальцев в сторону своего дома.

— Уверена, что будешь чувствовать себя комфортно в компании моих братьев? — спрашивает он. Видно, что он нервничает как никогда.

— Прекрати волноваться, — отвечаю ему. — Я ведь не стеклянная, Пит.

Это место совсем не похоже на мой дом, и я подпрыгиваю, когда рядом с нами кто-то проходит. Но Пит прижимает меня к себе.

— Я рядом, — произносит он негромко, но спокойно. И я чувствую себя с ним в полной безопасности. Стены местами разрисованы, и я останавливаюсь, чтобы получше рассмотреть их. — Идём, — говорит он. — Хочу познакомить тебя со своей семьёй.

Мы проходим четыре лестничных пролёта и оказываемся в длинном коридоре. Пит поворачивает ручку и жестом зовёт меня за собой. Я захожу, ведя рядом Мэгги, и сразу слышу звук телевизора. По всей комнате штабелями лежат мужчины. Кто-то ставит телевизор на «паузу», и все поворачиваются в нашу сторону.

— Привет, — произносит Пит.

Он ставит мою сумку позади себя, и мы вместе заходим в комнату. Мужчины поднимаются, и самый высокий из них подходит к нам.

— Я думал, ты приедешь позже, — говорит он. И осматривает меня с головы до ног, но в его взгляде нет ничего пугающего. — А кто твой друг? — спрашивает он, протягивая

мне руку, и я её пожимаю. — Я Пол, — представляется он. Пол просто огромный, и у него даже больше татуировок, чем у Пита.

За ним стоит другой парень. Он худой, с длинными светлыми волосами, собранными в хвостик на затылке.

— Мэт, — говорит он, протягивая руку для приветствия.

Я замечаю парня и девушку, сидящих на диване. Это та самая блондинка, которую я видела у тюрьмы, и она смотрит на меня взглядом продавца антиквариата — словно пытается разглядеть все мои недостатки.

— Эмили, — произносит она, слегка махнув рукой. — Логан, — добавляет, пихая Логана в грудь. Тот протягивает мне руку, и я её пожимаю.

Но есть ещё один, и когда он выходит из-за спины Логана, у меня перехватывает дыхание. Он так похож на Пита. Должно быть, это Сэм. Я перевожу взгляд с Пита на Сэма и обратно.

— Из нас двоих я симпатичнее, — говорит Сэм. И тянется ко мне, как будто хочет обнять, но я уклоняюсь. Не могу себя заставить. У меня большой прогресс, но не настолько.

— Приятно познакомиться, — кивая, говорит он. Я протягиваю ему руку, но вместо того, чтобы пожать, он подносит её к губам. Небольшая щетина щекочет тыльную сторону моей ладони. Я освобождаю пальцы от его хватки, а Пит внимательно смотрит на него.

— Убери руки от моей девушки, — ворчит он. А потом раскрывает объятия и заключает в них Сэма. Они обнимаются как все мужчины — хлопая друг друга по спине и что-то бормоча. — Я рад, что ты здесь, — говорит Пит.

— Ты позвонил — я приехал. Как хороший старший брат.

— Восемь минут, — в шутку ворчит Пит, положив руку мне на плечи. — Сэм родился на восемь минут раньше, и теперь думает, что он круче, потому что старше.

Тот покашливает в кулак.

— Ну извини. *Я правда* круче.

Сэм ухмыляется. Они с Питом так похожи, что это сбивает с толку.

— Думаю, вы оба крутые, — говорит Пол, подходит к холодильнику и достаёт пиво.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — тихо спрашивает меня Пит.

Я качаю головой.

Он берёт моё лицо в ладони.

— Ты выглядишь немного уставшей. Хочешь пойти в постель?

Я киваю.

— Нам и правда лучше лечь спать.

Пит широко улыбается. Думаю, ему понравилась часть про «нас».

— Ничего, если сначала я приму душ? — спрашиваю я. После нескольких часов в машине мне кажется, будто я вся покрыта пылью. А я бы предпочла быть чистой, когда впервые прижмусь к Питу обнажённой.

Он кивает и ведёт меня в ванную, где включает свет. Потом достаёт полотенца и кладёт их на раковину передо мной.

— Помочь тебе снять одежду? — поигрывая бровями, спрашивает Пит.

— Да, — отвечаю я и закрываю за нами дверь.

Пит

Чёрт. Рейган сказала «да».

Она закрывает дверь позади меня, и я замираю. Хочу прикоснуться к ней, но за стеной в трёх метрах от нас моя семья.

— Тебе нужен шампунь или ещё что-то? — снова спрашиваю я, протягивая руку ей за спину и отодвигая занавеску душа. Там стоят всякие девчачьи бутылочки, оставшиеся ещё с тех пор, как Эмили жила у нас.

— Мне нравится твоя семья, — говорит она, а потом её руки обвивают мою талию. Она кладёт голову мне на грудь и утыкается в меня носом, и, как и всегда, когда она прикасается ко мне, моё сердце начинает таять.

— Я рад. — Прижимаю её ближе к себе. Я беспокоился, что они её напугают — слишком много тестостерона в одной комнате. К счастью, Эмили тоже была здесь.

Наконец Рейган отстраняется от меня.

— Ладно, — выдыхает она. — Иди. — И махнув рукой, прогоняет меня за дверь.

Я целую её, задерживаясь на её губах слишком долго, но она меня не останавливает. Издаю стон и отстраняюсь от неё, поправляя себя в штанах. Выскальзываю за дверь и закрываю её за собой, а затем слышу щелчок замка. Прижимаюсь головой к двери и примерно минуту пытаюсь успокоить дыхание. А потом поворачиваюсь и вижу, что рядом стоит Сэм.

— Это та девушка, о которой я думаю? — осторожно спрашивает брат. Он опирается плечом о стену и стоит, скрестив ноги.

— И кто она, по-твоему? — спрашиваю я, потом иду к бельевому шкафу и достаю чистые простыни, чтобы постелить их на двуспальную кровать в старой комнате Логана.

— Девушка, которую ты встретил той ночью, — отвечает он тихо, очевидно, не желая, чтобы кто-то его услышал. Я просил братьев присмотреть за ней. Неудивительно, что он знает, кто она. Пол или Мэт рассказали ему.

Я киваю. Сэм идёт за мной в спальню, помогает расправить кровать, и мы начинаем стелить чистые простыни.

— Как ты оказался с ней? — спрашивает он.

— Она нашла меня, когда я вышел из тюрьмы, — говорю ему. Лучшего объяснения мне не найти. В конечном итоге, именно из-за неё я оказался в лагере. Это правда.

— Она тебе нравится? — спрашивает он, заправляя уголок простыни.

Я киваю и признаюсь:

— Очень.

— Ого, — вздыхает он, выгибая бровь. — Да ты её любишь.

Я киваю, и на моём лице появляется широкая улыбка.

— Очень, — повторяю я.

Мэгги заходит в комнату и ложится у моих ног.

— Милая собачка, — говорит он.

— Её тренировали убивать, — отвечаю я.

Он смеётся.

— Ага, рассказываю.

— Рискни приблизиться к Рейган, и увидишь, что будет, — предупреждаю я. И это не шутка. Однажды из-за этой собаки я чуть в штаны не наделал.

— Я лучше не буду, — говорит он. А затем спрашивает: — Так у тебя всё хорошо?

— Прости, — выпаливаю я. Он удивлённо смотрит на меня.

— За что? — Его брови нахмурены.

— За то, что избегал тебя. Не отвечал на твои письма. Злился на тебя, когда сам же сказал тебе убегать.

Он открывает рот, как будто не знает, что ответить.

— Я должен был остаться.

— Я не хотел, чтобы ты оставался. — Делаю глубокий вдох. — Я завидовал. — Чертовски больно признаваться, но это правда. — Ты уехал в колледж и начал воплощать свои мечты в реальность. А меня рядом не было. — До этого мы никогда не расставались.

Он присаживается на край кровати.

— Мы здорово сглушили, когда стали работать на Боуна, хотя знали, что это незаконно.

Я киваю.

— Грёбаные идиоты.

— Нам стоило хорошенько подумать, — говорит он.

— Ага. — Я сажусь рядом с ним.

— А теперь давай поцелуемся и помиримся, — ухмыляясь, говорит Сэм.

Я наклоняюсь к нему и обнимаю, в процессе ударяя его о кровать, и он обхватывает меня руками. Его объятия очень быстро превращаются в захват, и он целую минуту прижимает меня к простыням. Но наши силы примерно равны. Я изворачиваюсь, освобождаясь от захвата, и опрокидываю его так, что оказываюсь сверху. Он что-то бурчит, понимая, что я его сделал, но потом перекидывает меня через голову. Я ожидаю этого, но затем слышу Мэгги. Сэм замирает, сидя на мне, и опускает взгляд вниз.

Проклятье. Мэгги оскалилась на него и щёлкает зубами.

— Ты, наверно, захочешь отпустить меня, — предупреждаю я.

— Она собирается меня укусить? — спрашивает он.

— Чёрт. Понятия не имею.

Он поднимает руки и отходит на другую половину комнаты. Мэгги запрыгивает на кровать, вставая между ним и мной, и рычит.

— Мэгз, — говорю я, стараясь повторить манеру Рейган. Мэгги поворачивается и просовывает голову под мою руку. Из моего горла вырывается смешок. — Вот теперь это стало забавным, — говорю я.

Судя по хмуруму виду Сэма, он не согласен.

— Ты жульничал, используя чёртову собаку, — говорит он, но на его лице появляется широкая улыбка.

Я почёсываю Мэгги за ушами. Она любит меня. Теперь.

— Девочка, он хороший, — говорю я. Она утыкается носом в мою руку, а её взгляд перемещается с меня на Сэма и обратно. — Она нас различает. Не офигеть бы, да? — спрашиваю я.

Сэм выходит из комнаты, и мы с Мэгги идём за ним. Я сажусь на диван, а она устраивается у моих ног, положив голову на лапы.

Фильм всё ещё стоит на «паузе», так что, судя по всему, они собираются меня помучить.

— Вы двое помирились? — спрашивает Пол, закидывая одну ногу на другую. Он пытается вести себя непринуждённо, но мы оба знаем, что, когда он серьёзен, о непринуждённости говорить не приходится. А сейчас он очень даже серьёзен.

— Мы пытались, но Пит натравил на меня свою собаку, — ворчит Сэм. Он сидит на подлокотнике дивана. Эмили — на коленях у Логана, который устроился в кресле, а Мэт и Пол — на соседнем диване.

— Кто эта девушка? — спрашивает Пол, указывая большим пальцем в сторону ванной.

Я смотрю туда. И от одной только мысли о ней внутри меня всё смягчается.

— Её зовут Рейган. Вы ведь не против, что она останется ночевать у нас, правда?

Сэм поднимает руку, словно школьник, которого спрашивает учитель.

— Она может спать в моей комнате.

Я кидаю в него подушку, но он уклоняется, и та пролетает мимо.

— Та самая Рейган? — спрашивает Мэт. Он протягивает руку к банке с орешками, стоящей на кофейном столике, и кладёт в рот целую горсть.

— Ага, — отвечаю я. — Но не упоминайте об этом при ней, хорошо? — Все они знают об изнасиловании. — И не показывайте ей свою жалость, ладно? Она не особо распространяется на эту тему.

— Я не испытываю к ней жалости, — говорит Эмили. — А чертовски ею восхищаюсь. — Она крадёт орешки Мэта, забравшись к нему на колени и вытащив их у него из рук. За это в шутку получает от него по пальцам. Он просто обожает Эмили. Как и все мы.

— Ну, думаю, я люблю её до безумия, так что ведите себя хорошо.

Мои братья замирают. Все, кроме Сэма, однако он слишком занят, пытаясь отобрать у Эмили банку с орешками. Но она ударяет его этой банкой по голове, и он, надувшись, сдаётся.

— Ты её любишь? — тихо спрашивает Пол.

Я не могу сдержать улыбку.

— Ага.

— У него болезненная тяга к вагине, — говорит Сэм. — Ну, знаете, когда попробовал раз, а потом постоянно думаешь о том, что хочешь ещё и ещё.

Я кидаю в него ещё одну подушку.

— Мы ещё даже не занимались этим, — тихо отвечаю я, оглядываясь на дверь. Не хочу, чтобы она меня услышала.

— Ещё нет? — спрашивает Мэт. Он проходит мимо и садится сверху на Эмили, которая снова расположилась на коленях у Логана, и отбирает у неё орешки. Та верещит под его тяжестью, но в итоге сдаётся. Он находит для неё кешью, и она, словно птенец, открывает рот, чтобы он положил туда орешек. После этого Мэт встаёт.

— Не-а. — Боже, они такие любопытные. — У неё квартира на другом конце города, в том районе, где живёт Эмили.

— О, тогда мы можем отвезти её домой, — щебечет Эмили и снова нападает на Мэта в попытке захватить банку с орешками. Он прижимает её локтем к дивану, не давая встать, а сам в это время уплетает орехи.

— Логан! — Она хнычет и смеётся одновременно.

Логан лишь улыбается. Она всё это начала, вот пусть сама и разбирается.

— Я хочу, чтобы она осталась здесь, — качая головой, отвечаю я Эмили. Мэт отпускает девушку, и она прижимается к нему, положив голову на его плечо. Ему нравится её обнимать. Для всех нас она как сестра, и, надеюсь, однажды и Рейган так же хорошо впишется в нашу компанию. Хотя не могу представить, что она, так же как Эмили, будет устраивать потасовки с моими братьями.

— Что случилось с твоим глазом? — спрашивает Пол. Синяк, оставшийся после её удара, ещё немного заметен.

— Рейган врезала мне, — признаюсь я. А Логан ухмыляется.

— Женись на ней, — говорит он. — Женись немедленно.

Я киваю.

— Думаю, я мог бы, — отвечаю тихо и смотрю на их лица. Они все уставились на меня, и тут Логан начинает хохотать. Он встаёт и даёт мне «пять».

— Спасибо, боже, — говорит он. — А то я начал думать, что Эмили всегда будет единственной девушкой в нашей семье.

— Эмили не девушка, — отвечает Мэт, морщась от одной только мысли об этом. Она прожигает его взглядом. Но мы не воспринимаем её как девушку. Ни один из нас.

— Так что, ребята, ведите себя повежливее, хорошо? — спрашиваю я.

— Ага, — усмехаясь, говорит Сэм и идёт на кухню, чтобы взять пиво. Он и мне приносит, но я качаю головой. Сегодня я буду впервые держать Рейган в своих объятиях и хочу в этот момент мыслить ясно.

Слышу, как открывается дверь ванной, и встаю. Рейган заходит, останавливается рядом со мной и шепчет:

— Какая комната наша?

Её волосы, распущенные и немного влажные, опускаются ниже плеч. На её лице нет макияжа, и она пахнет чем-то чертовски приятным, вызывая у меня желание её облизать. Я поправляю свою эрекцию, а Мэт сдавленно хихикает. Увидев мой хмурый взгляд, он кивает в сторону спальни. Это тонкий намёк, и я его понимаю.

— Было приятно познакомиться с тобой, Рейган, — говорит он.

— Взаимно, — отвечает она, но я уже веду её в комнату. Жду, когда Мэгги тоже зайдёт, а потом закрываю и запираю дверь.

Она осматривается и быстро произносит:

— Я немного нервничаю.

Рейган кладёт сумку, и я замечаю, что на ней та же одежда, в которой она приехала.

— Найти тебе что-нибудь, в чём можно спать? — спрашиваю я.

Она качает головой и застенчиво улыбается, избегая при этом моего взгляда.

— Ты не мог бы отвернуться на секундочку? — спрашивает она.

Я ухмыляюсь. Почему-то её вопрос делает меня очень счастливым. Слышу за своей спиной шуршание одежды и постельного белья, а когда оборачиваюсь, вижу, как она забирается под одеяло. И, чёрт возьми, совсем без одежды.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Ложусь в постель, — отвечает она, глядя на меня, как будто я спятил. Потом перекатывается на свою половину и кладёт голову на ладони так, что локти направлены на изголовье кровати. После чего похлопывает по матрасу рядом с собой. — Ты идёшь?

Её голос дрожит, и я понимаю, что ей не так весело, как она хочет показать.

Указав на её тело под одеялом, я спрашиваю:

— На тебе что-нибудь надето? — Не уверен, что смогу спать, если она, обнажённая, будет лежать рядом. Знаю, что сам попросил её попробовать, но моя нервная система может этого не пережить.

Рейган приподнимает край одеяла и заглядывает туда.

— Мои трусики всё ещё на мне, — отвечает она шёпотом.

Господи боже. Провожу рукой по волосам и медленно произношу:

— Хорошо.

Я снимаю обувь и присаживаюсь на край кровати, чтобы стащить носки. Потом быстро освобождаюсь от джинсов и снимаю футболку через голову. Забираюсь под одеяло в одних боксёрах, стараясь отвернуться от неё, чтобы она не заметила, насколько мой член твёрдый. Меньше всего я хочу её напугать.

Чувствую её пальчики на моей руке и тяжело вздыхаю.

— Господи, — выдыхаю я.

Её пальцы замирают.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Ничего, — хриплым голосом отвечаю я.

Она садится, прижимая одеяло к груди.

— Ты уверен?

— Ага, — отвечаю я, и она снова начинает водить пальчиками по моим татуировкам.

— Как думаешь, ты сможешь сделать и мне татуировку? — спрашивает Рейган.

Наконец-то безопасная тема.

— А что ты хочешь? — спрашиваю я и переворачиваюсь, чтобы посмотреть ей в глаза.

Она пожимает плечами.

— Не знаю.

Я перекатываюсь к прикроватной тумбочке и открываю ящик. Раньше это была комната Логана, а он художник, так что в ящике полно разных ручек и маркеров. Достаю несколько и кладу их на кровать.

— Перевернись, — говорю я.

— Зачем? — Она хмурится.

— Просто доверься мне, — отвечаю я. И жестом снова прошу её перевернуться. Она подчиняется и ложится на живот, поглядывая на меня через плечо. Одеяло закрывает её почти до самых плеч.

— Можно мне немного спустить одеяло? — спрашиваю я.

Рейган кивает, обнимает руками подушку, положив на неё голову, и мягко улыбается.

— Да, — тихо отвечает она. Но её дыхание становится более резким, а на руках и шее появляются мурashki.

Я открываю ручку и провожу ею по спине Рейган, быстро рисуя небольшую бабочку.

— Мы можем сделать, например, такую бабочку.

Девушка оборачивается, изгибаясь, чтобы посмотреть на мой рисунок, и я замечаю край её обнажённой груди. О боже. Я провожу рукой по лицу.

— Мне нравится, но я думала о чём-то более изящном, с виноградной лозой. Может, на боку. — Она опускает одеяло ещё ниже, и моему взгляду открываются изгибы её попы и эластичный пояс трусиков.

— Ты хочешь шипы? — начиная рисовать, спрашиваю я.

Она качает головой и хихикает, когда я провожу ручкой по её ребрам.

— Так щекотно, — смеётся она.

— Что бы ты ни выбрала, мы попросим Логана это нарисовать, и получится просто потрясающее. А потом я сделаю саму татуировку. — Я рисую виноградную лозу по всему её боку, а потом добавляю цветочек на той части груди, которая мне видна. Я парень. И не могу не прикоснуться к ней. Ведь она прямо передо мной. И я этого хочу.

— Можешь ещё немного повернуться? — говорю я и слегка её подталкиваю.

— Зачем? — спрашивает Рейган. Но переворачивается, прикрывая грудь руками. Чтобы закончить рисунок, я немного смещаю её пальцы, лежащие на левой груди. И шумно втягиваю воздух, когда задеваю её сосок.

— Так красиво, — выдыхаю я.

— Можно посмотреть? — тихо спрашивает она.

— Нет, пока я не закончу. — Она расслабляется, когда я продолжаю рисовать на её животе. Но лежит неподвижно, поэтому мне снова приходится её подтолкнуть, чтобы она перевернулась.

— Мы можем сделать тебе «клеймо шлюшки», — говорю я.

— Это что? — хихикает, спрашивает Рейган.

— Татуировка на пояснице. Раньше они были очень популярны. — Я начинаю вырисовывать слова чуть выше её попы, но мне мешает пояс трусиков. — Можно немного их приспустить? — тихо спрашиваю я, понимая, что вступаю на опасную территорию.

— Ага, — выдыхает она. Её слова больше похожи на дуновение ветерка, но для меня звучат подобно сигналу автомобиля.

Опускаю трусики так, что теперь вижу верхнюю часть её попы. И продолжаю рисовать с улыбкой на лице. Мне безумно нравится, что она настолько мне доверяет.

— Тебе определённо стоит сделать тату на этом месте, — говорю я. И прижимаю бёдра к матрасу, пытаясь успокоиться и хоть как-то облегчить боль в яйцах. Но это не помогает.

Я даю ей свою футболку, чтобы прикрыть грудь, потому что больше не в силах смотреть на то, как она переворачивается, прикрывая её руками. Для меня это слишком. Я осторожно переворачиваю её и накрываю грудь футболкой так, чтобы был виден лишь живот. Он плоский, а бёдра у неё округлые. Ещё немного опускаю её трусики, чтобы можно было рисовать на её бедре.

— Можешь снять их совсем, — шёпотом произносит она, мягко, но уверенно. Однако для меня её слова звучат подобно раскату грома. Я стою на коленях между её согнутых ног и смотрю ей в глаза.

— Ты уверена? — спрашиваю я.

В голове всплывают воспоминания о том, при каких обстоятельствах я помогал ей с трусиками в прошлый раз, но я отмахиваюсь от них и целую внутреннюю поверхность её бёдер перед тем, как снять с неё бельё и отбросить его в сторону. Продолжаю рисовать на её бедре, но всё остальное прикрываю одеялом. Целую её пупок и проскальзываю в него языком. Она извивается и тяжело дышит.

— Нам стоит сделать тебе пирсинг в пупке, — говорю я. — У тебя идеальный живот.

— Где ещё ты бы сделал мне пирсинг? — спрашивает Рейган. Её голос дрожит, и мне чертовски это нравится. Она так возбуждена, что приподнимает бёдра к моему лицу, когда я заканчиваю рисунок по краю её коротких выьющихся волосиков, прикрывающих её холмик. Опускаю одеяло ещё ниже, провожу пальцами по её волосикам и погружаю их во влажные складочки.

— Здесь, — отвечаю я.

— Где? — выдыхает она, извиваясь от моего прикосновения, которое я немного усиливаю. Очень нежно развожу её ноги в стороны и располагаюсь между ними, отбрасывая ручку в сторону. — Закончил рисовать на мне? — спрашивает Рейган. И дышит так, как будто только что пробежала километр за три минуты.

— Можно мне поцеловать тебя? — спрашиваю я. Не хотелось бы сделать то, что ей не понравится.

— Для этого тебе нужно подняться выше, — отвечает она.

Провожу большим пальцем по её клитору, раздвигая складочки, чтобы видеть, что делаю.

— Нет, — говорю ей. — Я имею в виду здесь.

Она шумно выдыхает.

— Ты этого хочешь? — спрашивает она. Потом поправляет подушку, располагаясь немного выше, и кладёт руки за голову, чтобы лучше меня видеть.

Я смеюсь.

— О да. Очень хочу, — говорю я. Её клитор набух, и я нажимаю на него большим пальцем. Потом наклоняюсь и провожу по нему языком. Хочу погрузить в неё пальцы, но боюсь, к этому Рейган ещё не готова. А я не горю желанием всё испортить. — Хочу ласкать тебя до тех пор, пока ты не кончишь, — признаюсь я.

Она издаёт стон, когда я опускаю голову и начинаю посасывать её клитор. Её колени раздвигаются, и она приподнимается навстречу моему рту. Смотрю на неё снизу вверх и вижу, как Рейган, лёжа с закрытыми глазами, закусывает нижнюю губу.

— Пит, — стонет она.

Я киваю и продолжаю свои ласки. Такая влажная, открытая передо мной, и она доверяет мне. Определённо, это самое, чёрт побери, лучшее, что когда-либо было в моей жизни.

— Пит, — повторяет Рейган. Пальцами скользит по моим волосам, направляя меня чуть левее. Я отпускаю её клитор и смещаюсь. Она всхлипывает, когда я снова прикасаюсь к нему, и притягивает мою голову ближе. Сильнее прижимаюсь к её клитору, отчего она вскрикивает, и её дыхание становится рваным и прерывистым. — Пит, — повторяет она. — Пит, Пит, Пит, Пит.

Её глаза закрыты, голова запрокинута назад. А потом она распадается на части. Но я не останавливаюсь, а когда Рейган пытается меня оттолкнуть, переплетаю её пальцы со своими. Смягчаю движения языка, и она расслабляется, а в это время её тело пульсирует. Рейган кончает, и мне это чертовски нравится. Она дрожит, трепещет и издаёт звуки, которые сводят меня с ума. Потом отталкивает моё лицо и шепчет:

— Я больше не могу. Пит, пожалуйста.

Но она всё ещё дрожит, так что я заставляю её пройти этот путь до конца. А когда Рейган, наконец, успокаивается, я приоткрываю её складочки большими пальцами и снова и снова провожу по ним языком. Она такая влажная и приятная на вкус. А её тело всё ещё немного дрожит от пережитых ощущений. Я вытираю лицо о внутреннюю поверхность её

бёдер и опускаюсь на неё сверху.

— О боже мой, — стонет Рейган. Её тело такое мягкое и расслабленное. Я целую её, надеясь, что она ощутит вкус того, насколько я, чёрт возьми, счастлив. Она поднимает голову. — Ты хоть что-то делаешь не эпично? — И смеётся. В этом звуке столько счастья, что я хочу, чтобы он повторялся снова и снова.

— Я всегда выкладываюсь на сто процентов, — отвечаю ей, а потом целую, покусывая её нижнюю губу. Моя эрекция упирается ей в живот, и я боюсь, что это её напугает.

— А как же ты, Пит? — спрашивает она. Потом проводит рукой по моему животу, и её робкие пальчики проскальзывают под пояс боксёров. Её глаза распахиваются, когда она обхватывает меня и крепко сжимает.

Моё лицо утыкается в её шею. Я позволяю ей прикоснуться ко мне всего на секунду. Но мне большего и не надо.

— Чёрт. — Из меня вырывается стон, когда мои яйца поджимаются, а я изливаюсь в её ладонь. На секунду её рука замирает, и глаза остаются закрытыми, когда она издаёт довольный звук и сжимает меня крепче.

Я толкаюсь в её кулак, уже влажный от нашей деятельности. Но она меня не отпускает, сжимая крепко и уверенно. С каждым толчком моих бёдер Рейган проводит большим пальцем по моей головке. Она прикасается ко мне, а я опускаю взгляд на её живот и обнаруживаю, что всю её испачкал. Замираю и смотрю ей в глаза. А она смеётся. Не думаю, что когда-либо видел её такой довольной. Она обнимает меня чистой рукой и прижимает к себе. Другая её рука по-прежнему зажата между нами и всё ещё держит мой член. Я поднимаю бёдра, пытаясь освободиться от её хватки, и издаю что-то похожее на шипение, когда она сжимает меня крепче. Отбрасываю в сторону футбольку, которая прикрывает её грудь, и прижимаюсь лбом к её обнажённой коже.

— Прости, — говорю ей. Я этого не хотел.

Рейган берёт мое лицо в ладони, побуждая посмотреть на неё, и широко улыбается.

— Шутишь? — смеётся она. — Это было потрясающе.

— Да, наверно, — отвечаю я и целую её, не в силах остановиться. Мне это необходимо. — Я тебя испачкал, — предупреждаю её.

— Мне плевать. — Она хихикает, и я никогда в жизни не слышал более счастливого звука.

— Ты в порядке? — спрашиваю я. Что если Рейган бредит после пережитого стресса?

Рейган кладёт голову на подушку, а её грудь подёргивается от смеха.

— Думаю, я только что кончила тебе на лицо, — отвечает она и снова хихикает.

И я тоже смеюсь, не в силах остановиться. Её настроение настолько заразительно. Она безумно счастлива. А вместе с ней счастлив и я.

Рейган

Я просыпаюсь в объятиях Пита, наши обнажённые тела переплетены друг с другом. Пит снял свои боксёры и вытер ими нас, а потом без одежды, так же как и я, забрался в постель. Он прижал меня к груди и поцеловал в лоб, нежно мурлыча о том, насколько всё было потрясающее. Хотя я не думаю, что для него это было так же восхитительно, как для меня. Ему пришлось повозиться со мной, а я всего лишь легонько к нему прикоснулась. От этих мыслей я улыбаюсь в подушку. Идеально. Вот как это было. Идеально.

Он шевелится, когда я начинаю вставать, и его рука тянется ко мне. Но я знаю, что меня разбудило. У Мэгги снова приступ рвоты, так что мне нужно встать. Похоже, придётся позвонить ветеринару. Это не нормально. Совсем. Но полагаю, это может подождать до рассвета. Бросаю взгляд на часы на прикроватной тумбочке — утро ещё даже не наступило.

— Сейчас вернусь, — шепчу я Питу.

Он переворачивается на свою подушку, и я не уверена, проснулся ли он вообще. Он что-то произносит, но это больше похоже на бессвязное бормотание. Я надеваю через голову футболку Пита и натягиваю свои джинсы. Потом просовываю ноги в кеды Пита. Он не будет против. На мне нет белья, но мне и нужно-то только дойти до ванной и взять что-нибудь, чем можно убрать за Мэгги. Я гляжу её по голове, а она смотрит на меня, будто просит прощения. Когда я выхожу, в коридоре темно, так что мне требуется несколько минут, чтобы сориентироваться в пространстве.

Я возвращаюсь, убираю грязь на полу и быстренько бегу в туалет, а потом вижу, что Мэгги стоит у входной двери и скребётся. Ей нужно на улицу. Но сейчас глубокая ночь, и мы не в самом безопасном районе города.

— Ох, Мэгз, — говорю я. — Это не может подождать?

Откидываю голову назад и издаю стон. Наверно, я могла бы разбудить Пита. Мне совсем не хочется идти одной. Хотя, с другой стороны, со мной будет Мэгги.

Я слышу шорох бумаги на кухонном столе и подпрыгиваю. Там сидит один из братьев, и он закрывает перед собой книгу. Это тот с хвостиком — Мэт? Он кладёт ручку и тихо спрашивает:

— Ей нужно на улицу? — Он встаёт и тянется за обувью. — Я выведу её. — Надевает ботинки и идёт ко мне.

— Не стоит беспокоиться, — отвечаю я и делаю шаг назад, а Мэгги рычит на него. Он прижимает руки к бокам. — Мэгз, — ругаю я её, и она пробегает под моей рукой к двери, где опять начинает скрестись. — Я быстренько с ней схожу, — говорю я, потом иду в комнату за поводком и пристёгиваю его к ошейнику. Открываю дверь и выхожу, но не успеваю её закрыть, потому что ко мне присоединяется Мэт. — Тебе правда не стоило идти, — говорю ему.

Он засовывает руки в карманы и проходит рядом, открывая дверь на лестничную клетку. При этом не произносит ни слова. Просто выходит вместе с нами на улицу и показывает место, где есть трава и деревья. Их немного, но этого хватит. Мэгги сразу приседает на корточки, а потом возвращается и крутится у моих ног.

— Уже всё? — спрашивает он, убирая назад волосы, потому что часть из них выбилась из завязанной резинки. Он очень-очень похож на Пита, только более худой и высокий. Он не такой широкоплечий, как Пит, но крепкий, и, скорее всего, достаточно сильный. Однако он не выглядит угрожающе, и это меня удивляет. Обычно мужчины пугают меня до чёртиков.

— Ага, — отвечаю я, и мы идём обратно в квартиру.

Город не спит. Сомневаюсь, что он вообще когда-либо спит. Мимо нас проходят парни в вязаных шапках и футбольный майках. Я отступаю назад и врезаюсь в Мэта. Он кладёт руки мне на плечи и произносит:

— Осторожно. — Легонько сжимает мои плечи, а потом отходит в сторону. Он придерживает дверь широко открытой, и я проскальзываю мимо, стараясь не прикасаться к

нему. Но в глубине души мне жаль, что его прикосновение не вызвало у меня мурашек. — Ты в порядке? — спрашивает он, когда мы начинаем подниматься наверх.

Я киваю, но чувствую комок в горле. Теперь в моей жизни трое мужчин, которые меня не пугают. Мой отец, Пит и этот мужчина, которого я совсем не знаю. И то, что я нормально реагирую на прикосновения этого незнакомца, поражает меня.

— Спасибо, что сходил со мной, — говорю я.

— Я не мог позволить девушке Пита идти одной ночью на улицу. Он бы меня не простил. — У меня внутри всё порхает от его слов. Девушка Пита.

— Мне стоило разбудить его. Не думаю, что он был бы сильно против.

Он фыркает.

— Ты ведь никогда не видела Пита с утра, да?

Наверно, нет. Не тогда, когда он только встал с постели.

— Нет, — признаюсь я. Но до сегодняшнего вечера он никогда не кончал в мою руку, так что, полагаю, я потихоньку его узнаю, в том числе и то, как он выглядит по утрам.

Пройдя половину пути наверх, я обнаруживаю, что Мэгги с нами нет. Я отпустила поводок, когда мы вошли в подъезд, потому что обычно она всегда идёт рядом. Смотрю вниз и вижу, что она лежит на полу второго этажа и тяжело дышит.

— Мэгз, — говорю я и спускаюсь к ней, а она неуклюже поднимается на лапы, но едва стоит и отказывается подниматься по лестнице.

— Она позволит взять её на руки? — спрашивает Мэт.

Сомневаюсь. Но прежде чем я успеваю что-то сказать, он подходит к ней и даёт понюхать ладонь. Он гладит её по голове и спине. А потом поднимает на руки и несёт вверх по лестнице. Собака не протестует и не пытается его укусить.

Он заходит в квартиру и опускает её, потом садится на пол и разрешает ей устроиться у себя на коленях.

— Обычно она не любит людей, — говорю я.

Мэт улыбается.

— Собаки знают, когда мы не представляем опасности, — спокойно отвечает он. А потом спрашивает: — Хочешь, чтобы я нашёл ветеринара?

— Думаю, до утра с ней всё будет в порядке. А ты? — Я никогда не знала, что делать в экстренных ситуациях. Мне самой никогда не приходилось с этим разбираться.

— Наверно, — говорит он, поднимаясь на ноги, и я понимаю, насколько он огромный. Он такой же высокий, как и Пит, и весь в татуировках. Но он... другой. Это сложно объяснить. — Хочешь чего-нибудь выпить? — тихо спрашивает он, подходя к холодильнику.

Спать я больше не хочу, так что, пожалуй, соглашусь. Мэт приносит мне бутылку воды, и я замечаю, что он достаёт из холодильника упаковку мороженого. Это «Роки Роуд»⁸, мое любимое.

— Хочешь? — шёпотом спрашивает он, достаёт две креманки и начинает накладывать в них мороженое.

— Я тебя разбудила? — спрашиваю я и сажусь за стол, когда он протягивает мне креманку и ложку.

— Нет. — Мэт качает головой. — Иногда мне не спится, так что я встаю и пишу. — Он пожимает плечами. — Это помогает прояснить мысли.

— Что пишешь? — спрашиваю я.

Мэт снова пожимает плечами.

— Просто веду дневник, — отвечает он. — Они заставили меня начать его, когда думали, что я умру. — Он усмехается, но в этом звуке нет ни капли юмора.

Я вынимаю ложку изо рта. Это мороженое действительно очень вкусное.

— Но сейчас ты в порядке, да?

⁸«Роки Роуд» — сливочное шоколадное мороженое с миндалём и воздушной пастой.

— Насколько я знаю, — говорит он. — На следующей неделе мне нужно будет сдать ещё несколько анализов.

— О. — Понятия не имею, что сказать.

— Можно задать тебе один вопрос? — морщась, спрашивает Мэт.

— Думаю, да.

— То, что ты чувствуешь к Питу, — говорит он, — это настоящая любовь? Или просто влечение?

Я давлюсь мороженым. Оно встаёт поперёк горла, но когда мне удаётся его проглотить, я отвечаю:

— Не могу так просто это объяснить.

— А ты попытайся, — говорит он. — Он мой брат, и я за него волнуюсь.

Я показываю ложкой на свою грудь.

— Из-за меня?

— Ага, — ворчит он. — Мой младший брат влюбился, — продолжает он и мягко улыбается. — Я счастлив за него, но не хочу, чтобы он остался с разбитым сердцем.

— Я тем более этого не хочу. — Мороженое бурлит в моём желудке. — Мы сами ещё пытаемся разобраться.

Мэт улыбается.

— Рад это слышать. — Он простирает горло. — Я видел Пита с множеством женщин, но ни на одну из них он не смотрел так, как смотрит на тебя.

Ну надо же. Не знаю, что на это ответить.

— Просто береги его, хорошо? — говорит он.

В коридоре закрывается дверь, и я слышу быстрый топот маленьких ножек. Светловолосая малышка стоит в коридоре и рассматривает меня, выглядывая из-за угла. На ней пижама с изображением феи Динь-Динь.

— Привет, — говорю я и оглядываюсь на Мэта, который только посмеивается.

— Ты ведь должна быть в постели, — говорит он, а потом жестом подзывает девочку, и она устраивается у него на коленях. — Думаю, она может почувствовать запах мороженого даже за километр. — Он смеётся и аккуратно убирает волосы с её личика.

— Твоя? — спрашиваю я.

Он смеётся.

— Пола. Она живёт здесь неделю через неделю. Когда вы приехали, она уже спала.

— Он слегка подкидывает её на коленях и говорит: — Скажешь, как тебя зовут?

— Меня зовут Хайли, — отвечает она и облизывается, глядя на мороженое Мэта. Он тяжело вздыхает и с улыбкой отдаёт ей свою ложку.

— Хайли, это Рейган. Она девушка Пита.

От его слов моё сердце готово разорваться на части.

— Приятно познакомиться, — говорю я.

Девочка не отрывается от мороженого, пока ложка не звенит о пустую креманку.

— Тебе лучше вернуться в постель, пока папочка не заметил твоего отсутствия, — говорит он и ставит её на пол, а она быстро целует его в щёку. Потом убегает в коридор и тихонько проскальзывает в свою комнату.

— Она прелестна, — говорю я.

— «Прелестна» — не совсем подходящее слово для Хайли, — со смехом отвечает он.

— Ей пять, а кажется, что пятнадцать.

— А у тебя есть дети? — спрашиваю я.

Его голубые глаза встречаются с моими, и они полны грусти.

— Дети — это не про меня. Я бы очень хотел, но после лечения шансов практически нет. — Он убирает волосы назад и закрепляет их резинкой. — Так что я балую Хайли. Пол убил бы меня, если бы узнал, что она вставала и ела мороженое посреди ночи.

Я беру наши креманки и ополаскиваю их в раковине.

— Спасибо за мороженое. И за то, что помог с Мэгги, — говорю я.

— Вместе со мной химиотерапию проходила одна женщина. Она умирает. — Мэт оглядывается по сторонам, как будто не знает, куда смотреть. — Её сын сегодня звонил и спрашивал, не хочу ли я повидаться с ней.

— И что ты решил? — спрашиваю я.

— Мне чертовски страшно взглянуть смерти в лицо, — отвечает он. — На её месте мог быть я. — Он постукивает по столу большим пальцем. — Я слабак. И ужасный друг. — Мэт трясёт головой подобно собаке, отряхивающейся после воды. Если бы и остальное было так просто стряхнуть...

— Когда ты соберёшься, тебе нужна будет компания? — спрашиваю его. — Я могу пойти с тобой.

Его взгляд устремляется ко мне.

— В смысле, подождать в приёмной.

Он кивает.

— Может быть. — И улыбается. — Спасибо за предложение.

Мэт подходит, берёт меня за руку и лёгонько её сжимает, а потом идёт дальше. Но я не паникую, и у меня не возникает желания ему врезать. Может, дело в нём. Он кажется хорошим парнем. Наверно, даже одним из лучших. И он через многое прошёл.

— Спокойной ночи, — тихо говорит он.

— Спокойной, — отвечаю я.

Зову Мэгги, и она идёт за мной в спальню, где я закрываю и запираю дверь. Снимаю с себя одежду и забираюсь в постель к Питу. Он сразу же прижимает меня к себе, и я поворачиваюсь, утыкаясь лицом в волоски на его груди.

— Ты холодная, — ворчит он.

— Нужно было вывести Мэгги на улицу, — объясняю я.

Он поднимает голову.

— Ты ведь не одна ходила, правда? — спрашивает он.

— Со мной пошёл Мэт, — зевая, отвечаю я.

— Ну, хорошо, — бормочет он. Потом берёт мою ногу и перекидывает через своё бедро, в результате чего мои обнажённые женские прелести оказываются совсем рядом с его обнажённым мужским достоинством. Но я не переживаю, даже тогда, когда понимаю, что его достоинство прижимается ко мне. Он целует меня в лоб и мурлычет:

— Засыпай.

Я закрываю глаза и прижимаюсь к нему. Он молчит и не шевелится, когда я говорю:

— Я люблю тебя, Пит.

— Я тоже тебя люблю, — отвечает он, его голос хриплый от сна, но звучит чётко. Я улыбаюсь и нахожу сладкое местечко, где моя голова лежит просто идеально.

Пит

Я сижу на диване, а Мэгги лежит у моих ног. Ей совсем плохо. Этим утром она даже встать не могла, поэтому я просто сижу, гляжу её и рассказываю о Рейган.

— Она не очень хорошо выглядит, — говорит Пол, глядя на Мэгги. Он беспокоится из-за того, что Хайли здесь, а ему не хочется, чтобы она донимала собаку. Очень сложно объяснить пятилетнему ребёнку, почему животное нужно оставить в покое.

— Знаю. Я записал её к ветеринару на девять утра, — отвечаю я. — Нужно только разбудить Рейган.

— Она знает, насколько всё плохо? — спрашивает он и продолжает готовить завтрак для Хайли, делая перерыв каждые несколько минут, чтобы потанцевать с ней на кухне.

— Сомневаюсь, — вздыхаю я. — Ещё вчера Мэгги вполне нормально ходила.

— Тебе лучше разбудить её, пока вы не опоздали, — предупреждает Пол. В нашей семье он самый пунктуальный.

Сэм начинает надевать ботинки и заявляет:

— Я еду с вами.

— Хочешь, чтобы я тоже поехал? — предлагает Мэт.

— Никому не надо ехать, — сообщаю им. — Почему бы тебе не остаться здесь и не испечь какой-нибудь кекс? — спрашиваю я Сэма. Когда мы вернёмся, ей может понадобиться что-то для поднятия настроения.

— Ладно. — Он пожимает плечами.

Но Мэт собирается с нами и занимает моё место рядом с Мэгги, пока я иду будить Рейган. Захожу в комнату и закрываю за собой дверь. Она стянула с себя одеяло, и моему взору открылась одна грудь. В том месте, где её прикрывал купальник, кожа осталась бледной, и видна линия загара, по которой мне хочется провести языком. Но сейчас не время.

Присаживаюсь на край кровати и легонько толкаю девушку.

— Рейган, — негромко зову я. Она медленно открывает глаза и потягивается, а её губы расплываются в улыбке. — Доброе утро, — говорю я. Признаюсь, у меня стоит. Я парень, а она обнажена и ночью кончила мне на лицо. Так что да, мне приходится поправить своего дружка. Потому что сейчас не лучшее время.

— Доброе утро, — отвечает она, спросонья её голос немного хриплый.

— Тебе нужно вставать, — объясняю ей. — Я записал Мэгги к ветеринару на девять утра.

— Она по-прежнему вялая? — спрашивает Рейган и садится на край кровати, натягивая одеяло, чтобы прикрыть грудь.

Не просто вялая — всё намного хуже. Я в этом уверен.

— Ага.

— Хорошо, — соглашается она, зевает, прикрывая рот, и смотрит на свою одежду, лежащую на другой половине комнаты.

— Принести тебе одежду из машины? — предлагаю я.

Она качает головой.

— Мне просто нужно во что-то одеться и почистить зубы.

— Дам тебе несколько минут, — отвечаю я. Хотя на самом деле хочу стоять здесь и смотреть, как она одевается. А потом раздеть её и всё повторить.

Выхожу из комнаты и обнаруживаю, что Мэгги лежит у Мэта на коленях. С виду всё не так плохо, но она вялая. Уверен, на самом деле всё очень серьёзно. Ночью её столько раз рвало, что даже её хозяйка, наверно, не всё слышала. Рейган появляется через несколько минут, её волосы собраны в конский хвост. Потом проскальзывает в ванную, и я слышу, как она чистит зубы.

Она выходит, и я встаю, держа Мэгги на руках.

— Я отнесу её, — сообщаю я.

— Она может идти сама, разве нет?

Я качаю головой и вижу, что на лице Рейган появляется беспокойство. Направляюсь к двери, а она следует за мной. Мэт тоже идёт с нами. Рейган забирается на заднее сиденье своей «камри», и я укладываю Мэгги ей на колени. Отдаю Мэту ключи, и он садится за руль, а я присоединюсь к Рейган. Та ласково разговаривает с собакой, рассказывая о том, как ей дадут какие-нибудь витамины, а потом они поедут домой. Но я сомневаюсь, что всё будет так просто.

Мы приезжаем в ветеринарную клинику, и нас направляют в кабинет. Заходит врач и проводит быстрый осмотр. Она забирает Мэгги, чтобы сделать рентген и несколько анализов. Но когда возвращается, собаки с ней нет. А на её лице озабоченное выражение.

— К сожалению, у меня для вас не очень хорошие новости, — тихо сообщает ветеринар.

Рейган прикрывает рот рукой, и с её губ срывается стон. Я прижимаю её к себе, предчувствуя, что будет дальше.

— Мэгги уже пятнадцать лет. Что довольно много для её породы.

— Но она ещё вчера хорошо себя чувствовала, — протестует Рейган.

— Это не так, — качая головой, отвечает ветеринар. — У неё опухоль в брюшной полости. Очень большая. Настолько, что произошёл разрыв, вызвавший кровотечение в желудке. Мне очень жаль.

Рейган смотрит на меня, и в её глазах теплится надежда.

— Но вы ведь можете удалить опухоль, правда?

Ветеринар качает головой.

— Мне жаль, но в данной ситуации мы ничего не можем сделать. Я бы рекомендовала её усыпить.

— Когда? — задаёт вопрос Рейган. Она думает, что у Мэгги ещё есть время.

— Сейчас, — говорит врач. — Заставлять её мучиться негуманно.

Рейган издаёт сдавленный крик, и я прижимаю её к себе, но она отталкивает меня и идёт в угол кабинета. Она мечтается взад-вперёд, но потом останавливается.

— И больше ничего нельзя сделать? — спрашивает она тихо.

— К сожалению, ничего. — Ветеринар проявляет максимум сочувствия. — Хотите, чтобы я принесла её, и вы смогли попрощаться?

По лицу Рейган текут слёзы, и я замечаю, как Мэт вытирает свои. Он даже не знал чёртову собаку, но всё равно плачет из-за неё. В этом весь Мэт.

— Да, пожалуйста, — шёпотом произносит Рейган.

Через несколько минут они приносят Мэгги, привязанную к доске, на которой та спокойно лежит. Она совсем не выглядит несчастной, но внешность может быть обманчивой.

— Можно я побуду с ней минутку наедине? — просит Рейган.

Мы все выходим в коридор и ждём. Минут пять за закрытой дверью слышится бормотание, а потом выходит Рейган и кивает. Она готова.

Врач и медсестра заходят в кабинет.

— Сначала мы дадим ей немного успокоительного, а потом сделаем укол, который вызовет остановку сердца.

Глаза Рейган опухли и покраснели, а щёки мокрые от слёз. Она вытирает их, но это не помогает. Ветеринар даёт Мэгги успокоительное, и та опускает голову. Её глаза широко открыты, а дыхание спокойное.

— А теперь мы сделаем ей укол, — предупреждает врач.

Рейган гладит бок Мэгги, но ближе не подходит. Я не сомневаюсь, что она уже попрощалась. Мэгги сопротивляется, когда в заднюю лапу вводят иглу, и Рейган начинает всхлипывать. Подходит Мэт и накрывает её руку своей, а я опускаюсь к голове Мэгги. Она борется изо всех сил, так что я наклоняюсь ближе и шепчу ей на ухо. Глаза Мэгги расширяются, и она расслабляется. Её дыхание замедляется, а потом полностью

останавливается. Я смотрю на её грудную клетку, и мой желудок сводит от осознания того, что она не двигается. Рейган совсем разбита, так что я встаю и прижимаю её к себе. Она зарывается в мои объятия и всхлипывает, уткнувшись в мою рубашку. Я успокаиваю её и крепко обнимаю, не представляя, что ещё можно сделать. Слышу, как Мэт договаривается о кремации, а они, прежде чем забрать собаку, снимают с неё ошейник и отдают хозяйке.

Рейган всхлипывает, когда Мэгги уносят, а потом плачет на моём плече до тех пор, пока слёзы не сменяются лёгкой икотой. Я же просто обнимаю её, потому что больше ничего сделать не могу.

— Тебе лучше? — спрашиваю её.

Она кивает.

— Я думала, нам просто выпишут какие-нибудь витамины.

Убираю волосы с её лица. Они влажные и прилипают к губам.

— Мне жаль, — говорю я в ответ.

Рейган сжимает в руках мою рубашку и, глядя мне в глаза, задаёт вопрос:

— Что ты ей прошептал?

Я откашливаюсь в кулак, потому что в горле стоит ком размером с яблоко, и отвечаю:

— Это неважно.

— Расскажи мне, — просит она.

Делаю глубокий вдох и, набираясь смелости, прочищаю горло.

— Я поблагодарил её за то, что она защищала тебя все эти годы, и сказал, что очень это ценю. И что она может уйти спокойно, потому что у тебя есть я. Я пообещал, что буду защищать тебя вместо неё.

Рейган падает в мои объятия и плачет ещё сильнее. Мэт протягивает мне бумажную салфетку, чтобы я вытер слёзы. Он едва заметно кивает и похлопывает меня по плечу. А потом крепко сжимает мой затылок, но я не сопротивляюсь, потому что именно так братья меня поддерживают. Всегда. Рейган отпускает меня и быстро обнимает Мэта. Он легонько сжимает её, и я замечаю, как он целует её в макушку. Чёрт. Теперь она часть нашей семьи. Без сомнений.

Рейган

Пит забирает мои ключи у Мэта, который, должно быть, оставил их у себя, когда мы пошли в ветеринарную клинику. Я не жалуюсь, учитывая, что едва переставляю ноги, не говоря уже о том, чтобы сесть за руль. Пит забирается на место водителя, регулирует сиденье и зеркала и поворачивается ко мне.

— Хочешь, я позвоню твоему отцу?

Я качаю головой.

— Я сама. — Мне нужно позвонить родителям. Но если попробую сделать это прямо сейчас, то снова расплачусь. Пит бросает взгляд на часы и чертыхается. — Что? — спрашиваю я.

— По идее, в одиннадцать я должен быть на собрании в колонии для несовершеннолетних, — объясняет он, а потом берёт мою руку и сжимает её. — Я позвоню им и скажу, что не приду.

— Нет, — протестую я. Не хочу, чтобы он менял свои планы. Моя собака мертва. И то, что он не пойдёт помогать этим парням, её не вернёт. — Тебе стоит пойти. — Я поворачиваюсь и обращаюсь к Мэту: — Хочешь сегодня съездить в больницу и навестить свою подругу?

Он смотрит мне в глаза.

— Тебе и так сегодня хватило переживаний. — Его взгляд начинает метаться по машине — видно, что он расстроен.

— Она умирает, Мэт, — тихо говорю я. — Тебе нужно её увидеть.

Пит садится так, чтобы видеть Мэта в зеркало заднего вида. Ему любопытно, откуда я столько знаю. Мне, наверно, стоило рассказать о нашем разговоре прошлой ночью, но я подумала, что это должно остаться между мной и Мэтом.

— Кто умирает? — спрашивает Пит.

— Кендра, — тихо отвечает Мэт.

— О нет. — Пит вздыхает и качает головой. — Тебе нужно поехать, Мэт. И мы поедем с тобой.

Мэт делает глубокий вдох и показывает на меня.

— Она может поехать. А ты — нет.

Пит хмурится.

— Почему? — удивляется он.

— Потому что тебе нужно встретиться с парнями в колонии. — Он смотрит мне в глаза и задаёт вопрос: — Мы сможем поехать сегодня?

Я киваю.

— Конечно. — Это лучше, чем сидеть и тосковать по Мэгги.

Мы проезжаем по городу и высаживаем Пита у колонии для несовершеннолетних. Он выходит, поправляет джинсы и притягивает меня к себе. Мы стоим перед машиной, а Мэт в это время пересаживается на место водителя. Я отряхиваю футболку Пита — на ней местами осталась шерсть Мэгги.

— Тебе будет комфортно в компании Мэта? — беспокоится он. — Мне не обязательно идти на собрание. Я могу побывать с тобой. Мне совсем не хочется оставлять тебя сегодня одну.

— Мне нужно чем-то заняться.

И это правда. Если я останусь дома, то весь день буду думать о Мэгги. А Мэту нужно навестить друга. Я это чувствую. Кроме того, Мэт меня не пугает. Я смотрю на его лицо, и мне хочется крепко-крепко его обнять. Он через многое прошёл, а я понимаю, каково это.

Пит стучит по капоту машины, и Мэт высовывает голову в окно.

— Какого чёрта тебе надо? — ворчит Мэт. Но их перепалка — всего лишь забава. Я просто обожаю их манеру общения друг с другом.

— Ты ведь привезёшь её потом домой, да?

Он пожимает плечами.

— Если она сама захочет туда поехать.

Пит протягивает руку и убирает прядку волос мне за ухо.

— Я хочу, чтобы ты спала в моей постели.

У меня в животе порхают бабочки.

— Хорошо, — шепчу я в ответ.

— Сделаешь мне одолжение? — просит он.

Для него я готова сделать что угодно.

— Какое?

— Позаботься о Мэте. Он не такой крепкий, каким кажется.

Я не согласна, потому что, могу спорить, он намного сильнее, чем выглядит, а выглядит он как полузащитник в американском футболе.

— Я присмотрю за ним.

Его губы касаются моих, но это не мимолётный поцелуй. Он вторгается в мой рот, заявляя о своём присутствии. Когда у меня заканчивается воздух, он со стоном отстраняется, положив руки мне на плечи.

— Не забудь позвонить родителям, — напоминает Пит и идёт в сторону колонии. Я наблюдаю, как он удаляется, и любуюсь его спиной. Он оборачивается и, сложив руки рупором, кричит:

— Я люблю тебя.

Я качаю головой и одними губами отвечаю ему. Когда забираюсь в машину, Мэт постукивает большими пальцами по рулю и подпевает песне по радио. Он делает вид, что засовывает два пальца в рот, и хихикает.

— Если вы, ребята, продолжите в том же духе, то меня стошнит. — Но при этом широко улыбается.

Я толкаю его в плечо.

— Не смешно.

— Не до смеха будет, если меня вырвет. Во время химиотерапии меня постоянно тошнило. Так что я в этом спец. — Он смеётся, потом протягивает руку и сжимает моё колено. — Позвони своему отцу, пока мы едем. У нас переди целый час.

Я достаю телефон и звоню родителям, а они переводят меня на громкую связь. Рассказывая им обо всём, я не могу сдержать слёз. Мама, понятно, расстроена, а отец хочет приехать в город, чтобы убедиться, что со мной всё хорошо.

— Я в порядке, — говорю им. — Я провожу время с семьёй Пита. Так что я не одна.

Отец ворчит.

— Папа, — предупреждаю я.

— Ладно, — прикусив язык, соглашается он.

— Пап, я уже по ней скучаю, — говорю я.

— Знаю, — ласково отвечает он. — Она долгое время была рядом с тобой.

Я слышу, как мама тихо плачет на заднем плане.

— Кто теперь будет тебя защищать? — спрашивает он. — Может, тебе стоит вернуться домой.

— Пап, со мной всё хорошо.

Мэт ухмыляется и подмигивает мне. У меня такое чувство, что стоит только попросить, и на мою защиту встанет всё семейство Ридов. Я заканчиваю разговор с отцом, хотя он ещё пытается спорить, и откидываюсь на сиденье. Мэт делает радио погромче, и всю дорогу до больницы мы молчим.

Он глушит двигатель, делает глубокий вдох и произносит:

— Сейчас или никогда.

Мы вылезаем из машины и идём внутрь. Администратор в регистратуре узнаёт его и приветствует по имени.

— Я пришёл повидаться с Кендрой.

Она указывает Мэту за плечо, и я вижу трёх детей, сидящих в зале ожидания. Мальчик — самый старший, на вид ему лет шестнадцать или около того, держит на руках маленькую девочку. Ей, должно быть, не больше трёх. А за ними в кресле сидит ещё одна девочка, примерно того же возраста, что и Хайли. Старший читает им книжку.

— Сет? — окликает Мэт.

Мальчик удивлённо поднимает голову. Он опускает младшую сестру на пол и встаёт. Мэт протягивает ему руку, и они о чём-то негромко разговаривают. Мне их не слышно, так что я направляюсь к автомату с едой и покупаю жвачку, а когда возвращаюсь, угощаю ею девочек. У меня очень хорошо получается ладить с маленькими детьми.

— Только не проглоти, — предупреждает старшая, толкая младшую в плечо.

Та широко улыбается.

— Ой, — говорит она и высовывает язык, демонстрируя мне, что там ничего нет.

— Ой, — повторяю я и поднимаю книгу, которую они читали. А потом спрашиваю:
— Можно мне почитать вашу книжку?

Они кивают и залезают на кресла по обе стороны от меня.

— Рейган, — зовёт меня Мэт. — Посидишь здесь несколько минут?

Я киваю и улыбаюсь.

— А мне можно пойти? — щебечет самая младшая.

— Не сейчас, — отвечает ей Сет, потом садится и тяжело выдыхает. Кажется, что он намного старше своих лет.

Я наблюдаю, как Мэт идёт в соседнюю палату. Он останавливается в дверях, заглядывает внутрь, и я вижу, как поникает его голова. Он подходит к больничной кровати, потом оборачивается и прикрывает дверь, оставив крохотную щёлочку, через которую я наблюдаю, как он опускается и утыкается лбом в колени женщины. Но потом дверь захлопывается, и мне больше ничего не видно.

— Как идут дела? — спрашиваю я у Сета.

— Потихоньку, — отвечает он и кивает в сторону сестёр, которые нас внимательно слушают. И я понимаю, что он не хочет сейчас говорить о маме.

Внезапно у дверей возникает какая-то суматоха, а потом заходит женщина. На ней облегающая юбка-карандаш и жакет, а в руках — сумочка, которая, наверно, стоит больше, чем эти дети тратят на еду за год. Она бежит к регистратуре на своих десятисантиметровых шпильках от Лабутена, стуча каблуками по полу. Затем останавливается, поднимает на лоб свои солнцезащитные очки, украшенные стразами, откладывает назад светлые волосы и спрашивает номер палаты Кендры. После чего забегает внутрь и тоже закрывает за собой дверь.

— Кто это? — интересуюсь я.

— Скорее всего, наша тётя, — пожимая плечами, отвечает Сет.

— Ты не знаешь?

Он качает головой.

— Раньше я её не видел.

Внешне она очень от них отличается. У этих детей тёмная кожа, и очевидно, что они родились от смешанного брака. Она же как белый хлеб, с волосами цвета льна, спадающими ниже плеч. И женщина, которую я видела на кровати, тоже наполовину белая.

— Знаю, — усмехается он. — Я тоже этого не понимаю.

Примерно через полчаса Мэт с женщиной выходят из палаты. Он находит меня глазами и начинает:

— Рейган. — Потом проводит рукой по лицу и почёсывает затылок. — Могу я попросить тебя об одолжении?

Я встаю и иду с ним по коридору.

— Кендра хочет, чтобы дети поехали домой. По крайней мере, девочки. Она бы предпочла, чтобы Сет остался, если, конечно, сам захочет. Их тётя собирается отвезти младших в их квартиру. Как думаешь, ты можешь поехать с ней и оставить мне свою

машину, чтобы мне было на чём вернуться домой?

— А ты с нами не поедешь?

— Я останусь, — отвечает он. — До конца. Я обещал, — произносит он шёпотом. — Мне это необходимо.

Мои ключи всё ещё у него, так что я просто киваю.

— Мне остаться с детьми?

Женщина опускается на корточки перед девочками и ласково с ними разговаривает. Они встают, а она берёт их за руки и уточняет:

— Готовы?

— А я могу остаться? — спрашивает Сет, переводя взгляд с Мэта на свою тётю и обратно. Его голос внезапно стал хриплым, и я замечаю, как он простирает горло, кашляя в кулак. Он хочет остаться. Хочет быть рядом с мамой.

— Конечно, — разрешает тётя и поворачивается к Мэту. — Привезёшь его домой? Когда всё закончится?

Мэт кивает и похлопывает Сета по плечу, а тот смотрит на него и моргает.

Вместе с девочками и их тётей я выхожу на улицу.

— Я Скайлар, — представляется она. — Но все зовут меня Скай.

— Рейган, — говорю я в ответ.

Она нажимает на брелок, чтобы открыть дверцы, и произносит:

— По пути сюда я купила детские кресла, но не знаю, что с ними делать.

Я помогаю ей их установить, и мы усаживаем детей на узкое заднее сиденье её спортивной машины. Она тяжело вздыхает и заводит её.

— Если хочешь остаться, я могу отвезти детей и присмотреть за ними, — предлагаю я.

— Не нужно, спасибо, — твёрдо говорит она.

— Кендра твоя сестра? — интересуюсь я.

— Сводная, — отвечает она и издаёт гортанный звук. — До сегодняшнего дня мы ни разу не встречались.

Так какого хрена она делает здесь с детьми?

— У Кенджи больше никого нет, — объясняет она. — Поэтому мне и позвонили. — Она фыркает. — Меня всю жизнь учили её ненавидеть, — она говорит тихо, чтобы слышала только я, но не девочки. — А теперь они хотят, чтобы я растила её детей. — Она показывает большим пальцем в сторону самой младшей. — Я даже подгузник никогда в жизни не меняла.

— Я могу поехать с вами.

Она качает головой.

— Полагаю, мне нужно самой научиться.

— Вы поедете к ним домой? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня.

— Думаю, там им будет удобнее, так ведь? В своих кроватках. Со своими игрушками.

— Я могу помочь.

Она снова качает головой.

— Они сказали, что ей осталось всего несколько часов. А потом Мэт привезёт Сета, и тот мне поможет.

Я киваю.

— А пока мы чем-нибудь займёмся. — Она смотрит на девочек в зеркало заднего вида и кричит: — Кто хочет мороженого?

— Я! — пищат они в ответ.

После мороженого и быстрого посещения магазина, где Скайлар покупает подгузники и еду детям, машина останавливается на красный сигнал светофора.

— Уверена, что не хочешь, чтобы я поехала с вами? — Мне правда не сложно.

Она качает головой и прячет глаза за дорогими солнцезащитными очками.

— Спасибо, Рейган, — говорит она. — Думаю, я справлюсь.
Но я ей не верю. Ни капельки.

Пит

Я беспокоюсь о Рейган, так что звоню ей из тату-салона «У Ридов», где работаю вместе с братьями. Раз дома никого не оказалось, мы с ребятами пошли в салон. Кладу трубку и делаю глубокий вдох. Кто-то высадил её в пяти минутах ходьбы отсюда. Понятия не имею, что произошло с Мэтом, но машина Рейган осталась у него, а она поехала домой с незнакомым человеком. Я от этого не в восторге, но Мэт не сделал бы ничего, что могло бы ей навредить. По крайней мере, нарочно.

Наконец в дверях появляется она. В этот момент я рисую пистолетом контур татуировки на чьей-то спине. Зайдя внутрь, она разочарованно вздыхает.

— Всё хорошо? — интересуюсь я. Но не могу бросить работу. Не сейчас.

— Нормально, — отвечает она. — Хотя это было очень странно.

Эмили сидит на столе, покачивая ногой и облизывая леденец. Она выглядит так чертовски мило в армейских ботинках и джинсах, что мне хочется её обнять.

— Что странно? — спрашивает она.

— Те дети, — говорит Рейган. — Я за них волнуюсь.

Она рассказывает нам всю историю, в том числе про тётю, которая до сегодняшнего дня никогда не видела своих племянников.

— Может, Мэт знает больше и потом всё объяснит? — предполагаю я.

— Я рада, что он поехал, — продолжает Рейган. — Иначе он бы себя возненавидел.

В салон заходит женщина, и все мужчины в помещении оборачиваются, чтобы посмотреть на неё. На ней очень короткая юбка и облегающий топ с открытой спиной.

— Я могу вам чем-то помочь? — интересуется Фрайди, девушка с ресепшена.

— Я бы хотела сделать пирсинг, — произносит она и кусает нижнюю губу.

— Кто-нибудь может сделать пирсинг? — громко спрашивает Фрайди. Она довольно симпатичная и чем-то напоминает Кэти Перри. У неё есть татуировки на плечах, на спине и бёдрах. О тех, что на бёдрах я знаю только потому, что сам их сделал. Там много черепов, перекрещённых костей и прочей странной фигни. И она одевается в ретро-стиле, словно пинап-гёрл⁹ из шестидесятых.

— Какой именно пирсинг? — спрашиваю я.

Все взгляды в помещении устремляются к женщине, и она краснеет.

— *Тот самый пирсинг!* — драматично выкрикивает Фрайди.

— Пит может сделать, — произносит Пол.

Рот Рейган широко открывается, и она подходит ко мне поближе.

— Ты не будешь делать интимный пирсинг, — шипит она. Раньше я делал такое постоянно, но теперь даже желания подобного не появляется. Рейган складывает ладони у моего уха. — Единственные интимные места, к которым ты будешь прикасаться, — мои.

Моё сердце тает. И мне это нравится. Очень.

— Прости, — отвечаю я. — Юная леди сказала своё слово. — Потом поворачиваюсь, и она наклоняется, чтобы поцеловать меня.

Пол переводит взгляд на Логана, но Эмили что-то очень быстро показывает ему жестами, и тот ухмыляется. А потом качает головой.

— Я не могу, — говорит он.

— Почему? — тяжело вздыхает Пол.

— Потому что я хочу сегодня заниматься сексом, — объясняет Логан. — И завтра. И послезавтра.

Сэма здесь нет. Он, наверно, где-то печёт пирог. И все мы знаем, где Мэт. Пол бросает карандаш на стол, где рисовал эскиз татуировки.

— От вас, парни, никакого толку, — жалуется он. — Подкаблучники.

⁹Пинап-гёрл (англ. Pin-up girl) — это модель, чьи растиражированные изображения становятся знаковым явлением поп-культуры во фривольном стиле.

Я счастлив быть подкаблучником. Логан подходит и даёт мне «пять», а Эмили улыбается Рейган.

— Спасибо, что принимаешь удар на себя, — говорю я Полу.

Для него это будет несложно. Девушка симпатичная.

— Вот что мне приходится делать, чтобы у вас, парни, был секс.

Он поправляет джинсы и тянет время, помогая выбрать украшение для пирсинга. Потом зовёт с собой Фрайди и скрывается за шторкой. За все эти годы мы усвоили, что выполнять работу в интимной зоне стоит только в присутствии девушки. Это похоже на то, как в кабинете мужчины-гинеколога всегда находится медсестра женского пола. Спустя несколько минут он возвращается, а за ним неуклюже семенит девушка.

Она уходит, а Пол садится и начинает хохотать. Кидает в меня салфетку и говорит:

— Слабаки.

Фрайди встаёт и предлагает:

— А давайте возьмём по хот-догу.

— Я тебя угощу, — отвечает Пол.

— Одни обещания, обещания, — щебечет она.

Он обхватывает её за шею и костяшками пальцев гладит по макушке.

— Фрайди, я бы переспал с тобой, если бы тебе нравились члены.

В ответ Фрайди делает вид, что почувствовала запах чего-то мерзкого.

Она не лесбиянка, хотя Пол считает по-другому. Когда Фрайди начинала тут работать, он подкатывал к ней, и спустя некоторое время она стала рассказывать об одной из своих подружек. Естественно, Пол сделал вывод, что она лесби. Но как-то мы с ней работали допоздна, и она подтвердила, что это не так. Ей нравятся мужчины. Просто работать в их окружении легче, если они думают, что ты лесбиянка. Я так и не сказал Полу правду. За ними так забавно наблюдать. Для меня она не больше чем друг, и мне это нравится. Я не мог увидеть в ней девушку, даже если бы попытался, и так было задолго до того, как я встретил Рейган.

Фрайди зовёт Эмили и Рейган с собой, чтобы купить хот-доги за углом. Они уходят, а я не могу сдержать смех, глядя, как Пол любуется покачивающейся задницей Фрайди. Он ухмыляется и пожимает плечами.

— Чувак, тебе не забраться в её трусики, — подкалываю я его.

— Но никто не запрещает смотреть, — заявляет он, всё ещё ухмыляясь.

В салон забегает паренёк с коробкой в руках. В нашем районе такое часто случается. Детям нужно что-то есть, и они используют любую возможность, чтобы заработать немного денег.

— Хочешь купить одного? — предлагает он, показывая содержимое коробки.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Пять долларов, — отвечает он.

Я даю ему десятку и тянусь к коробке, чтобы забрать моё приобретение.

— Ты не возьмёшь его с собой домой, — предупреждает Пол. — Что если он заразный?

О чёрт. А ведь правда. Я засовываю его в карман толстовки и убеждаюсь, что ему есть чем дышать.

— Покажу его ветеринару.

— И лучше сделай это до того, как подаришь его Рейган. У неё только умерла собака, тупица.

— Ладно. Скоро вернусь. — Поворачиваюсь к Полу и с ухмылкой спрашиваю: — У тебя есть наличка?

— Чёрт, мне было бы дешевле оставить тебя в тюрьме, — ворчит он, но засовывает руку в карман и достаёт бумажник.

— Скажи Рейган, что я скоро вернусь, — говорю я и ухожу, осторожно прикрывая рукой выпуклость в кармане. Ту, что мурлычет. Не другую.

Рейган

Чувствую себя немного странно, выходя за дверь с Эмили и Фрайди, но они — часть клана Ридов, и я тоже хочу войти в эту семью.

— Думаю, Пол снова оценивал твою задницу, — заявляет Эмили Фрайди. Та покачивает бёдрами, вокруг которых струится коротенькая юбочка. Она чем-то напоминает Мэрилин Монро с галстуком на шее и в короткой расклешенной юбке.

Фрайди качает головой.

— Пол считает меня одной из парней независимо от того, что я надеваю на работу.

Эмили подносит к губам пальцы, сложенные буквой V, и проводит по ним языком.

— Только потому, что он думает, будто ты делаешь это так же часто, как и он. — Она смеётся, а Фрайди толкает её в плечо.

Эмили хихикает и поворачивается ко мне.

— Какой ты хочешь хот-дог?

— Со всеми добавками, — отвечаю я, раздумывая, стоит ли взять ещё один для Пита. Но я даже не представляю, какой бы он выбрал. — А что любит Пит? — интересуюсь я. — Вы знаете?

— С луком и горчицей, — в один голос говорят девчонки, и Эмили издаёт короткий смешок.

Фрайди достаёт сорок баксов.

— Пол дал мне денег на хот-доги для всех нас, — объясняет она. В этот момент кто-то врезается в неё, и она роняет «двадцатку». А я наклоняюсь, чтобы поднять.

Слышу свист за спиной и сразу напрягаюсь. Но это всего лишь Эмили. Она осторожно приподнимает край моей футболки.

— Прошлой ночью кто-то отлично провёл время, развлекаясь с фломастерами, — произносит она с широкой улыбкой. Моё лицо начинает пылать, и я одёргиваю футболку. — И кто-то не хочет об этом говорить. — Она смеётся и наклоняется к Фрайди, касаясь её плечом. Прищурившись, девушки смотрят на меня. — Как думаешь, насколько высоко поднимается рисунок? — спрашивает она Фрайди, прекрасно зная, что я их слышу.

— Меня больше интересует, как далеко они зашли внизу, — отвечает та.

Они смеются. А мои губы расплываются в улыбке, даже несмотря на румянец, разливающийся по моему лицу.

— Достаточно далеко, — тихо говорю я.

Глаза Эмили снова прищуриваются.

— Они ещё этого не делали, — заявляет она и поворачивается, чтобы сделать заказ.

— Она права, да? — спрашивает Фрайди. Я киваю, а она чертыхается, достаёт из кармана пять баксов и запихивает их в задний карман Эмили. — И сегодня это тоже не произойдёт, потому что он всё ещё будет переживать из-за твоей собаки. — Она кладёт руку на моё плечо, нежно поглаживает и говорит: — Мне правда очень жаль.

Я несколько часов не думала о Мэгги и теперь чувствую вину за то, что забыла о ней. На глаза наворачиваются слёзы, но мне удаётся с ними справиться.

— Чёрт, — ругается Эмили. — Что ты натворила?

Она пристально смотрит на Фрайди.

— Упомянула её собаку, — отвечает та.

— Я же говорила тебе не делать этого, — шипит Эмили. — Пит просил не поднимать эту тему.

Он и об этом позаботился?

— Всё в порядке. Я не против, — говорю я. Мне хочется скучать по ней. Хочется вспоминать её и говорить о ней.

Кто-то толкает меня в плечо, и я снова внутренне напрягаюсь. Не люблю шумные улицы. Совсем. Я двигаюсь ближе к Фрайди.

Она смотрит на меня, пока продавец заворачивает наши хот-доги, а потом

произносит:

— Я хочу, чтобы ты понравилась мне, Рейган.

— Я тоже... хочу, чтобы... ты мне понравилась, — медленно отвечаю я.

— Эти парни для меня как семья, — продолжает она.

— Фрайди, — одёргивает её Эмили.

Но девушка поднимает руку.

— Эти парни для меня как семья. Они были рядом, когда я осталась одна. — Наверняка с ней что-то произошло, и мне очень хочется узнать, что именно. — У тебя есть твоя семья, — говорит она. — Так что, если напортчишь с моей, я тебя прирежу. — Она машет пластиковой вилкой в моём направлении, но потом начинает смеяться. — Шучу, — объясняет она. — Ну, типа того.

— Всё ясно, — отвечаю я.

— Она ещё даже не спала с ним, — говорит Эмили. — Оставь её в покое.

Фрайди фыркает:

— Тебя же я не оставила.

— Ты велела нам всё продезинфицировать, если вдруг мы решим заняться сексом в салоне. — Эмили качает головой и ухмыляется. — Так что мы запаслись дезинфицирующим средством.

— Ииу, — издаёт в ответ Фрайди.

Я смеюсь. Эти девушки мне нравятся.

Мы забираем наши хот-доги и идём обратно в тату-салон. Но когда возвращаемся, Пита там нет.

— А где Пит? — спрашиваю я.

— Я послал его по одному поручению, — отвечает Пол. Он делает татуировку и выглядит немного отстранённым.

— Он вернётся? — снова спрашиваю его. Я не в восторге от перспективы застремь здесь, учитывая, что моя машина осталась у Мэта.

— Рано или поздно, — говорит Пол.

Я сажусь и начинаю есть свой хот-дог, но тут салон наполняется людьми. В дверях появляется группа морпехов. Их всего пятеро, и внезапно мне кажется, будто меня загнали в угол. Я отступаю в конец помещения, но это нисколько не помогает справиться с растущим чувством тревоги. Пол поднимает глаза от татуировки, которую делает, и, прищурившись, спрашивает:

— Рейган, с тобой всё хорошо?

Нет. Мне совсем не хорошо. Я думала, что справилась с этим. Но нет. Похоже, я нормальноправляюсь, только когда рядом Пит, и эта мысль беспокоит меня так же сильно, как и эти мужчины.

Я киваю, хотя на самом деле всё далеко не хорошо.

Пол откладывает в сторону тату-машинку, ведёт меня в дальнюю часть салона и задёргивает за нами шторку. Я делаю глубокий вдох, потому что была не в силах наполнить воздухом лёгкие с того момента, как мужчины вошли в помещение.

— Лучше? — спрашивает он.

Потом садится, открывает коробку с ручками и, задумавшись о чём-то, начинает рисовать на листочке бумаги.

— Не стой так, — говорит он. — Садись. — И похлопывает по столу перед собой. — Меня раздражает, когда стоят над душой, — объясняет он, хотя даже не смотрит на меня. Просто сидит и спокойно рисует.

— Пол, — начинаю я. — Думаю, мне лучше уйти.

Он кивает, но не отрывается взгляд от рисунка.

— Дай знать, когда будешь готова, чтобы я захватил свои вещи.

— Что? — Зачем ему собирать вещи?

Наконец, он поднимает голову, и его голубые глаза встречаются с моими.

— Я отправил Пита по делам. Он ушёл, зная, что я позабочусь о его девушке. Так что если ты уходишь, я пойду с тобой. Просто скажи, когда будешь готова.

— Мне не нужна нянька, — огрызаюсь я. Но в моих глазах уже стоят слёзы, и я отчаянно моргаю, пытаясь с ними справиться.

— Я и не говорил, что тебе нужна нянька, — отвечает он, и в его голосе слышится раздражение. Он по-прежнему мягкий и заботливый, но внутри что-то закипает. — Тебе не по себе от этих парней, так ведь? — Он задаёт вопрос и снова опускает взгляд на бумагу. Он не обращает на меня внимания, хотя я ясно ощущаю, что ему не всё равно.

Я киваю и прикусываю ноготь, да так сильно, что отрываю кусочек кожицы и вытираю кровь о джинсы.

— Чёрт, — ругается Пол, потом идёт к ящику и достаёт упаковку лейкопластиря. — Если Пит вернётся, а ты тут вся в крови, он будет до конца жизни мне это припомнить.

Пол разрывает зубами упаковку, вынимает полоску пластиря и держит его так, как будто собирается заклеить им мой палец. Я протягиваю руку, потому что понимаю, что он не успокоится. Моя рука трясётся, и мне это не нравится. Он наклеивает пластырь и легонько сжимает руку.

Потом садится обратно и возвращается к своему рисунку. Я устраиваюсь напротив него, и Пол протягивает мне листок, где нарисована простенькая маргаритка за тюремной решёткой, которая тянется к лучам солнца.

— Раскрась её для меня, — просит он.

— Я не умею рисовать, — отказываюсь я, но с места не двигаюсь.

— Но раскрашивать-то все умеют, — фыркнув, отвечает он. — Просто выбери цвета и оставайся в пределах линий. Или выходи за них, если хочешь. — Он пожимает плечами.

— Мне всё равно.

Я беру фломастер и начинаю раскрашивать. При этом специально выхожу за линии. Я улыбаюсь Полу, а он в ответ ухмыляется и подмигивает.

Закончив, я рассматриваю рисунок. Маргаритка яркая и красивая, но с покорно опущенными вниз лепестками, и она тянется к солнечным лучам.

— Это ведь я, да? — тихо спрашиваю его.

— Разве? — отвечает он, но не смотрит на меня, а просто продолжает рисовать.

— Ага. — Это я. Похлопываю его по руке, а он смотрит на мои пальцы и изумлённо выгибает бровь. — Можешь сделать мне такую татуировку? — прошу я, почти задыхаясь от восторга.

— Дать тебе время подумать? — предлагает он.

— Ты всех об этом спрашиваешь? — отвечаю я.

— Только когда считаю, что это действительно нужно. — Пол выглядит восхищённым и серьёзным одновременно. Он тяжело вздыхает: — Где ты хочешь её сделать?

— А где ты посоветуешь? — спрашиваю я.

— Может, на плече? — предлагает он. Потом надевает перчатки, щёлкнув ими по запястьям, и спрашивает: — Ты ведь не думаешь, что Пит будет против, если я её сделаю, правда? — Не уверена, что Пола это сильно волнует, но рада, что он поинтересовался.

— Ну, если ты набьёшь её на внутренней стороне моего бедра, — отвечаю я, — уверена, ему это не понравится. — От одной только мысли об этом мне становится смешно.

— Ох, это было второе место, которое я собирался предложить. — Пол щёлкает пальцами, но поскольку на нём перчатки, никакого звука он при этом не издаёт. Хотя идею я поняла.

Из моего горла вырывается смешок. Пол начинает наливать краски в крошечные ёмкости.

— Тебе придётся это снять, — говорит он, указывая на мою футболку.

Ой. Об это я не подумала. Пол достаёт из шкафа футболку и ножницами отрезает у неё спинку. Я беру её, радуясь, что он всё продумал. Пол отворачивается, пока я снимаю

через голову свою футболку и надеваю разрезанную. Моя спина остаётся открытой, но меня это не беспокоит, ведь бюстгальтер я не снимала. В конце концов, он говорил, что сделает татуировку на плече.

— Ничего себе, — выдыхает Пол, когда встаёт позади меня. — Вы, ребята, отлично повеселились прошлой ночью, да? — Он давится смешком. Я оглядываюсь через плечо и вспыхиваю, глядя на следы чернил, которые мне так и не удалось смыть. Дома у меня просто не было на это времени.

— Мы экспериментировали с некоторыми узорами, — запинаясь, отвечаю я.

— Э-эм... хм-м, — бормочет он. — Не сомневаюсь. — Он смеётся, и мои губы расплываются в улыбке. — «Клеймо шлюшки» довольно оригинальное.

Этого я ещё не видела.

— Что там написано? — Я пытаюсь заглянуть через плечо.

Он указывает на зеркало позади меня, и я встаю перед ним, рассматривая спину. И краснею, как сумасшедшая, когда вижу, что там готическим шрифтом выведено: «Девушка Пита», а выющиеся цветы и стебли исчезают под поясом моих джинсов.

Пол приоткрывает шторку и машет рукой Логану. Тот заходит в заднюю комнату и что-то показывает брату жестами. Пол демонстрирует ему эскиз, а Логан берёт карандаш и начинает его дорисовывать.

— Не переживай, — успокаивает меня Пол. — Тебе понравится.

— А что там? — Мне любопытно.

— Доверься мне, — отвечает он и поворачивает меня, усаживая на специальный стол для нанесения татуировок, а потом спрашивает: — Готова?

Я киваю.

Он переносит контур эскиза на мою кожу. Мотор тату-машинки начинает негромко журкать, и я чувствую, как она касается моего плеча. Ощущения похожи на укус муравья. Почти не больно. А когда он её перемещает, боль уходит совсем. Я сижу тихо, Логан время от времени что-то мне говорит. Отвечая, я стараюсь смотреть на него, но он не испытывает никаких трудностей в общении со мной, даже несмотря на то, что я не знаю языка жестов. На самом деле он довольно остроумный.

Примерно через час за шторку заглядывает Эмили.

— Морпехи ушли? — спрашивает Пол и смотрит на меня, полагаю, чтобы увидеть мою реакцию.

— Ага, татуировку хотел только один из них, — отвечает она. Потом подходит, чтобы взглянуть на моё плечо, и у неё перехватывает дыхание.

— Тс-с, — шикает на неё Пол.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего, — говорит в ответ Эмили, но её голос надламывается, и она вытирает слёзы.

— Он набил мне буфера или что-то в этом роде? — Теперь я всерьёз переживаю.

— Это ты нарисовал? — спрашивает она Логана, потом подходит и обнимает его за талию. Он кивает и целует её в лоб. — У тебя отлично получилось, — говорит она.

— Эй, а я раскрашивала, — подаю я голос.

— Всё, закончил, — объявляет Пол, выключает машинку и кладёт её на стол. Он наносит немного лосьона на татуировку и очищает её, потом берёт меня за локоть, показывает на зеркало и интересуется: — Что думаешь?

Он внимательно наблюдает за моим лицом. Пол часто так делает. Ему не нужно спрашивать, чтобы узнать о чувствах других.

Я поворачиваюсь спиной к зеркалу и смотрю на его творение. Он нарисовал маргаритку и раскрасил её цветами, которые я выбрала. Она тянется сквозь решётки навстречу солнечным лучам. Всё именно так, как я и ожидала. Но рядом с маргариткой лежит Мэгги, и её голова покоятся на нижних лепестках, точно так же, как она опускала голову на моё колено. Она идеальна в своей чёрно-белой красоте, а глаза сияют, как и при

жизни. Из моего горла вырывается всхлип.

— Мне очень нравится, — хрипло говорю я. — Она идеальна.

Пол медленно приближается ко мне, осторожно, чтобы не напугать своими движениями, и прижимает меня к своей груди. Я обвиваю его руками, а он пальцами прикрывает мою разрезанную футбольку, обнимает меня ещё крепче и проводит рукой по затылку.

— Всегда пожалуйста, — отвечает он. И я вижу, как Логан показывает ему большой палец.

— Спасибо, Логан, — благодарю я. И снова смотрю в зеркало. Она на самом деле идеальна.

— В следующий раз сделаем что-нибудь без решёток, — говорит Пол, отстраняясь и заглядывая мне в глаза.

Я киваю.

— В следующий раз.

Впервые после того происшествия я чувствую, как моя клетка потихоньку начинает открываться.

Руки Поля всё ещё обнимают меня, когда шторка открывается, и в комнату заглядывает Пит. Он ухмыляется, пока не замечает меня в объятиях Пола.

— Вам, ребята, стоит повесить знак, предупреждающий, что здесь происходит что-то интимное, — говорит он. Потом внимательно смотрит на меня, хмурится, когда видит, что я вытираю глаза, и задаёт вопрос: — Что, чёрт возьми, ты с ней сделал?

Он подходит ближе, и Пол отпускает меня. Пит берёт меня за подбородок и спрашивает:

— Ты в порядке? — Он беспокоится, и я обожаю это и одновременно ненавижу.

— Всё хорошо, — отвечаю я. Логан, Эмили и Пол выходят из комнаты и задёргивают шторку. Я поворачиваюсь спиной, чтобы Пит мог взглянуть на мою новую татуировку. — Смотри, что я сделала, — говорю я и убираю в сторону волосы, чтобы они не закрывали обзор.

— Ух ты, — говорит он. — Это чертовски потрясающе. — Его пальцы щекочут мою кожу, лёгонько обводя место, где запечатлена Мэгги. — Это Логан нарисовал, да? — интересуется он.

— Ага, но я раскрашивала, а Пол нарисовал цветок и всё остальное.

— Его работу я за километр узнаю, — отвечает Пит.

Внезапно я чувствую движение на уровне своего живота. Опускаю глаза. Это бедро Пита шевелится?

— Серьёзно, Пит, — предупреждаю я. — Это неподходящее место.

Он усмехается и падает на диван. Его рука, спрятанная в толстовку, раскачивается вверх-вниз.

— Почему бы тебе не подойти и не посмотреть, что у меня для тебя есть? — предлагает он, поигрывая бровями.

Из моего горла вырывается смешок, хотя вслух я произношу:

— Это совсем не прикольно.

— Давай, малышка, — дразнит он. — Подойди и посмотри, что у меня в кармане.

Его толстовка шевелится, и там правда что-то есть. Я сажусь рядом с ним, и он приподнимает бедро, когда я протягиваю руку и аккуратно сжимаю выпуклость.

— Смелее, — говорит Пит. И внезапно его голос становится хриплым.

Приоткрываю карман и чувствую, как в мою руку утыкается холодный носик. Потом заглядываю внутрь.

— Что это? — спрашиваю его с улыбкой.

— Подарок тебе, — отвечает он, по-прежнему ухмыляясь. — Мы только что от ветеринара. Её обработали от вшей и глистов, а также почистили ушки и проверили на все кошачьи болезни. Она здоровая. — Пит вынимает её, а она такая крошечная, что умещается

на его ладони. — А ещё я купил лоток, корм и всё такое. — Он смотрит на меня так, как будто ждёт, что я швырну её в него и закричу.

Она совсем крошка, и у неё рыжая шёрстка.

— Как её зовут? — спрашиваю я.

Пит пожимает плечами.

— Это тебе решать.

— Джинджер, — говорю я. — Пусть будет Джинджер. — Подношу её к щеке, и она меня обнюхивает. — Она действительно моя?

— Ну, — начинает он с широкой улыбкой на лице. — Если бы мне захотелось киску, я бы просто попросил.

Я замираю. А потом понимаю, что он выдал нечто совершенно идиотское, и начинаю хохотать. Так сильно, что не могу успокоиться. Потом наклоняюсь к нему, целую и произношу:

— Если захочешь, тебе нужно только попросить.

Он издаёт гортанный стон и притягивает меня к себе для поцелуя.

Я отстраняюсь, когда уже не хватает воздуха, и спрашиваю:

— Позже?

Его бровь выгибается. Он кивает, но избегает моего взгляда. А это ещё что такое?

Пит

Я вижу, что Рейган нравится Джинджер. Она от неё просто без ума. И с тех пор, как мы вернулись домой, не перестаёт с ней возиться. Она оставила её со мной только чтобы принять душ, и сейчас лежит на моей кровати. Её волосы влажные и свисают с плеч, а сама она обнимает этого маленького бесценного котёнка. Я потратил всего десять долларов, но отдал бы намного больше, лишь бы видеть, как она улыбается.

Я выхожу из ванной в одном полотенце, висящем на бёдрах, и закрываю за собой дверь. Рейган смотрит на меня, и её веки прикрываются, когда взгляд скользит по моему телу. Мой член сразу становится твёрдым, и я отворачиваюсь от неё, чтобы надеть боксёры, а потом сушу полотенцем свои коротко подстриженные волосы.

— Спасибо за котёнка, — негромко благодарит она. После чего я слышу скрип кровати, когда она поднимается и подходит ко мне. Кончики её пальцев касаются моей спины. — Как думаешь, кто-нибудь из твоих братьев может присмотреть за ней, чтобы мы могли побывать наедине? — Её голос такой же мягкий и тихий, как и её шаги и прикосновения пальчиков. И так же, как и руки, её голос дрожит.

— Я могу подождать, — вырывается из меня.

Знаю, я слабак. Но не хочу, чтобы она думала, будто обязана что-то делать. И, если честно, боюсь, что из-за этого между нами что-то изменится. Что если я не смогу дать ей то, в чём она нуждается? Её нужно любить неторопливо и бережно. Но что если у меня так не получится? Что если я буду настолько охвачен моментом, что забуду о её желаниях? Что если сделаю что-то не так? Что если заставлю её себя ненавидеть? Что если после всего этого ей будет противна сама мысль о сексе со мной?

Она поднимает котёнка и отдаёт мне.

— Я не хочу ждать, — заявляет она. Потом снимает через голову футболку, а на ней нет лифчика. Воздух покидает моё тело. Я вижу лишь её идеальную грудь и дерзкие розовые соски, которые напряжены и устремлены ко мне. Джинджер начинает вырываться из-за того, что я слишком сильно её сжал. Опустив глаза, я заставляю себя ослабить хватку.

Рейган поддевает большими пальцами пояс своих пижамных шортиков и снимает их вместе с трусиками. О господи!

— Сейчас вернусь, — бормочу я. Потом разворачиваюсь, выскользываю за дверь и, оказавшись снаружи, прислоняюсь к ней спиной. Делаю несколько глубоких вдохов, пока до моего члена доходит, что мы с ней больше не в одной комнате.

Когда моё дыхание наконец успокаивается, я захожу в гостиную и обнаруживаю, что Пол и Мэт сидят там и смотрят кино. Мэт вернулся примерно час назад, и его глаза были красными и припухшими. Он молчал, а когда я собрался с ним заговорить, Пол предупреждающе покачал головой. Так что пришлось оставить его в покое. Я подхожу к телевизору и ставлю его на «паузу». Братья сердито смотрят на меня. Но я, вероятно, выгляжу испуганным, потому что на их лицах появляется беспокойство.

— Что-то случилось? — спрашивает Пол.

— Ничего, — выпаливаю я. Потом падаю на диван и кладу Джинджер на колени к Мэту. Он улыбается и позволяет котёнку спрятаться у него на шее. После чего ухмыляется и тыкается в неё носом. А я прячу лицо в ладонях.

— Она не готова, да? — продолжает задавать вопросы Пол. Меня бесит, когда он так делает. Словно у него дар ясновидения. Он всегда знает, что у нас на уме ещё до того, как мы успеваем что-то сказать. Нам никогда не удавалось скрыться от этого дерьяма, кроме тех случаев, когда мы с Сэмом вместе что-то вытворяли. Или когда меня арестовали.

— Она готова, — произношу я на выдохе. — Но... но... но... но... — И замолкаю, потому что не могу подобрать подходящие слова. Потом со стоном откидываюсь на спинку дивана и задаю вопрос: — Что если я всё испорчу?

— И как, по-твоему, ты можешь это сделать? — интересуется Мэт. Котёнок уткнулся в ворота его футболки и, пригревшись, лежит там. — Ты же не чёртов девственник, дурачок,

— успокаивает он.

Даже не знаю, как более точно сформулировать свои чувства. Вообще не представляю.

— Я никогда не любил ни одну из этих девушек.

Мэт делает глоток пива и внимательно смотрит на меня.

— Но её ты любишь. — Это не вопрос, а утверждение. И он прав.

— Ага.

— Может, тебе нужна лекция о пестиках и тычинках? — предлагает Пол. — Вставляешь деталь «А» в отверстие «Б». — Он демонстрирует неприличный жест. — Или деталь «А» в отверстие «В». — И ухмыляется. — Или деталь «А» в отверстие «Г». Правда, некоторым девушкам подобное не нравится, так что с этого лучше не начинать. Но можешь предложить такой вариант на день рождения. Твой. Не её.

Я поднимаю подушку и кидаю её, целясь ему в голову. Но он со смехом её ловит.

Наконец, он мягко говорит:

— Перестань себя накручивать.

— Она через многое прошла, — отвечаю я, бросая взгляд на закрытую дверь.

— Пит, до этого ты без всяких проблем был тем, кто ей нужен. А ей многое и не надо. Просто чтобы ты её любил. Позволь ей вести. Позволь показать, чего она действительно хочет, — спокойно говорит Пол.

Она сидит в моей комнате обнажённая. Я и так знаю, чего она хочет.

— Ладно, — соглашаюсь я и поворачиваюсь к Мэту, который принюхивается к котёнку. — Можешь присмотреть за ней?

— Без проблем, я посижу с Джинджер фон Вонючкой, — слышу в ответ. Он такой тихий. Понимаю, что у него был очень тяжёлый день, но не знаю, как его подбодрить.

Поэтому просто сжимаю его колено и ухожу в направлении спальни. Пол окликает меня и показывает большим пальцем в сторону ящика на кухне, который набит презервативами. Я ухмыляюсь и беру оттуда целую горсть.

— И не скажешь, что парень не подготовился, — игриво замечает Мэт, потом поднимает вверх большие пальцы и по-идиотски ухмыляется.

Я открываю дверь спальни и обнаруживаю, что Рейган уже погасила свет. Осталось только приглушенное свечение лампы на прикроватной тумбочке. Рейган лежит на животе и обнимает руками подушку. Её татуировка яркая, но немного припухшая. Я всё ещё не могу поверить, что она её сделала. Отец Рейган прикончит меня. А потом её. Её спина обнажена, и я знаю, что под простынями на ней тоже ничего нет.

Подхожу к своей половине кровати и кладу презервативы на край прикроватной тумбочки. Потом забираюсь в постель и лежу на спине, уставившись в потолок. Она не двигается и, похоже, уже спит. Но когда я поворачиваюсь и заключаю её в свои объятия, она прижимается ко мне своей нежной обнажённой кожей и изумительно полными женскими прелестями. Её обнажённая грудь касается моей груди, соски упираются в мою кожу.

Рейган прячет лицо у меня на плече.

— Слушай, Пит, — начинает она.

— А? — бормочу я, не в силах связать и двух слов. По крайней мере, не сейчас.

— Если ты не хочешь меня из-за того, что произошло, то лучше скажи об этом сейчас.

— Её слова звучат тихо, но уверенно. Проблема в том, что я не знаю, что она имеет в виду. Случившееся с Мэгги? Или изнасилование?

Поэтому мне остаётся только быть честным.

— Я не хочу пользоваться твоей слабостью, — откровенно говорю ей. — Но у меня такое чувство, что именно это я и делаю.

Она сдавленно хихикает на моей груди.

— Я бы сказала, что всё как раз наоборот. Похоже, это я пользуюсь твоей слабостью.

— Она целует мою грудь. — Так что давай просто поспим.

Убираю волосы с её лба и прижимаюсь к нему губами.

— Хорошо, — выдыхаю я. Спасибо, господи. Потому что я трус. Большой, толстый, старый и бесполезный трус.

Она переворачивается на спину и смотрит в потолок. В темноте мне виден её профиль. Я легонько сжимаю её руку. Мне вроде как жарко, поэтому не притягиваю её обратно к себе.

Её дыхание выравнивается, и я немного расслабляюсь. Устраиваюсь поудобнее на подушке, но спустя пятнадцать минут всё ещё лежу, уставившись в темноту. Потому что в нескольких сантиметрах от меня — её обнажённое тело.

Её рука шевелится, и она аккуратно освобождает свои пальцы. Я не сопротивляюсь, потому что хочу, чтобы она думала, будто я уже сплю.

Слышу, как она тихо вздыхает, и наблюдаю за ней, не поворачивая головы. Она опускает вниз одеяло, прикрывающее грудь, и начинает ласкать её кончиками пальцев. Круговыми движениями поглаживает свои соски, а потом слегка их пощипывает. Слышу, как она шумно втягивает воздух, и если раньше я был возбуждён просто от того, что она лежит рядом, то сейчас точно на грани.

Её рука скользит по животу, и я представляю, как она тянется к своим складочкам. Вероятно, она вся гладкая, влажная, горячая и жаждущая. Её колени приподнимаются, и она начинает себя ласкать. У неё снова перехватывает дыхание. Мне правда стоит сказать, что я не сплю, но не могу. Не хочу её прерывать.

— О, Пит, — вздыхает она.

И я больше не в силах молчать. Просто не могу и всё.

— Рейган, — говорю я. И мой голос оказывает такое же действие, как вспышка фотоаппарата в темноте.

Она замирает.

— Пит, — произносит она. — Я не хотела тебя будить. — Её рука всё ещё лежит между ног. Она прекращает движения и кладёт её на живот. — Как неловко, — шепчет она, и её голос надрывается.

— Рейган, иди сюда, — зову я.

Она приподнимается на локте и спрашивает:

— Куда?

— Если ты не против, я буду лежать очень тихо, а ты продолжишь это здесь, рядом со мной.

Она приподнимается на колени, проводит рукой по моей груди и спрашивает:

— Вот как?

Беру её руку в свою и прижимаю к губам.

— Рейган, мне страшно, — признаюсь ей.

— Мне тоже, — отвечает она.

— Я так чертовски сильно хочу оказаться в тебе, что это причиняет мне боль, — откровенно говорю ей и крепко-крепко зажмуриваюсь.

Пальчики Рейган пробираются под резинку моих боксёров, и я чувствую, как она проводит ими по моему члену. Приподнимаю бёдра, чтобы она могла снять с меня нижнее белье. Теперь я абсолютно голый, так же, как и она.

— Можно мне? — просит она. — Можно, я кое-что попробую?

— Можешь делать со мной всё, что тебе угодно, — разрешаю я, потом поднимаю руки и убираю их за голову. Если я прикоснусь к ней, то не выдержу и перевернусь на спину, а потом войду в неё. Но я понимаю, что всё должно происходить в удобном для неё темпе.

Её пальцы сжимаются вокруг моего члена, и у неё вырываются стон.

— Не уверена, что он сможет поместиться во мне, — предупреждает она.

— Не волнуйся об этом, — успокаиваю её я.

Рейган перелезает через меня, и я понимаю, что она тянется за презервативом. Но к этому я пока не готов, поэтому, когда она оказывается на мне, обнимаю её за талию. Потом приподнимаю так, что её грудь оказывается у моего лица, и целую левый сосок, пока он не

твердеет и не устремляется к моему рту. Она стонет и сдаётся, а я перехожу к другой груди, которую так же щедро одариваю вниманием. И она начинает трепетать в моих руках.

— Пит, — умоляет Рейган.

Провожу рукой между её ног, чтобы узнать, насколько она возбуждена. Просто не могу удержаться. Она чертовски мокрая, настолько, что почти истекает влагой.

— Боже, Рейган, — говорю я, задевая пальцами её клитор.

Слышу звук разрываемой обёртки презерватива, а потом чувствую, как он прижимается к головке моего члена. Она хочет надеть его на меня. Да, чёрт возьми! Но я беру её за руку и предупреждающе говорю:

— Рейган.

— Что? — вздыхает она.

— Я ведь мужчина.

— И что это значит? — шёпотом спрашивает она.

— Это значит, что если ты наденешь резинку на мой член, то в дальнейшем он окажется внутри тебя. — На секунду Рейган замирает, и я слышу, как у неё перехватывает дыхание.

Но она начинает раскатывать презерватив по моей длине, а когда доходит до основания, я немного его поправляю. Она была слишком аккуратна.

— Иди ко мне, — мягко подзываю её. — Садись сверху. Покажи мне, чего ты хочешь.

Она перекидывает через меня ногу и опускается на мои бёдра так, что теперь её влажные девичьи прелести прижимаются к моему твёрдому мужскому достоинству. Она колеблется, сидя на моей выпуклости, пока член не упирается в её клитор.

— Просунь между нами руку и направь его внутрь, — говорю ей. Мой голос звучит так грубо, что я сам себя не понимаю. Но она всё слышит и следует моему совету. Направляет головку моего члена к своему входу, но потом останавливается.

— Всё нормально? — спрашиваю я, прикусывая нижнюю губу, чтобы не закричать.

Она не отвечает, но начинает опускаться на меня. Её руки и ноги дрожат, и я придерживаю её за бёдра, направляя её движения. Она горячая и обхватывает меня подобно плотной бархатной перчатке.

— Проклятье, — вырывается у меня. И я тут же жалею об этом, потому что она останавливается.

— Что-то случилось? — беспокоится она.

— Ничего, — говорю я в ответ. — Ты чертовски идеальна. Просто продолжай.

Рейган ещё немного опускается и произносит:

— Ты вошёл.

Боже, да, да.

— Ага, — соглашаюсь я, стискивая зубы, чтобы не кончить раньше времени.

— Ты внутри меня, Пит, — продолжает она.

И я чувствую, как что-то капает мне на грудь.

— Ты плачешь? — спрашиваю её.

— Возможно, — произносит она очень тихо.

— Тебе больно? — пытаюсь выяснить я. А потом провожу руками по её обнажённым бёдрам.

— Нет, — отвечает Рейган. — Я так волновалась, что будет больно. А теперь просто... — Она всхлипывает. — Не хочу, чтобы это заканчивалось, Пит. Хочу навсегда тут остаться.

Сдавленно смеюсь над этими словами, и мой член дёргается внутри неё.

— Ох, — произносит она и немного меняет своё положение. Я вошёл в неё лишь на половину, но мне хочется, чтобы всё происходило так, как желает она. Мой член пульсирует, и я притягиваю её к себе, приподнимая бёдра, чтобы войти в неё ещё глубже. А она вскрикивает:

— Ох!

Прижимаю Рейган к себе и целую, чтобы заглушить стоны, потому что в гостиной сидят мои братья.

— Тс-с, — предупреждаю её. Потом снова толкаюсь бёдрами, погружаясь в неё, а её язык проскальзывает в мой рот. — Боже, — произношу я, когда она поднимает голову. Её ноги дрожат, и она опирается на мою грудь.

— Ты можешь? — спрашивает Рейган.

— Могу что? — Могу ли я оставаться так навсегда? Не-а. Потому что я очень близок к тому, чтобы кончить и оставить её неудовлетворённой.

— Можешь сам это сделать? — Она задаёт вопрос, а в голосе звучит сомнение.

Я приподнимаюсь и обнимаю её руками, а потом очень медленно переворачиваю на спину. Её ноги обвивают мои бёдра. Я снова вхожу в неё, ещё глубже, чем в прошлый раз, но всё равно не до конца.

— О, вот так хорошо, — говорит она в ответ.

Я смеюсь, прячу лицо в изгибе её шеи и шепчу:

— Так нормально? — И толкаюсь чуть дальше, а потом выхожу. Следующим движением я погружаюсь в неё как можно глубже. Она такая тесная, что я едва могу дышать.

— Ага, — стонет Рейган, когда я приподнимаю её попу и вторгаюсь в неё, принимая всё, что она готова мне дать.

Я уже близок к концу, а она ещё нет. Поэтому протискиваю руку между нашими телами, нахожу её разгорячённую плоть и ласкаю клитор. Слегка царапаю зубами сосок, и она начинает извиваться подо мной. Её бедра поднимаются навстречу моим толчкам, отчётливо слышны её стоны. Щекой я чувствую её дыхание, такое же влажное, как и интимное место, в котором я похоронен, и мне это чертовски нравится.

Внезапно она хватает меня за плечи и замирает подо мной. Её тело содрогается, и она начинает кончать. Я продолжаю свои ласки, однако безумно сложно сопротивляться искушению закинуть её ноги к плечам и раствориться в собственном оргазме. Но я всё-таки заставляю себя продолжать двигаться медленно и нежно. Она дрожит в моих объятиях, но в конце концов затихает и расслабляется. И вот теперь я разрешаю себе получить удовольствие. Крепко обхватываю Рейган руками и утыкаюсь в неё лицом, потом толкаюсь один раз, второй, третий. И, кончая, изливаюсь в неё. Такое ощущение, словно мои яйца вот-вот выскочат через пальцы на ногах. А когда я теряюсь в ней, она просто обвивает меня руками и прижимает к себе ещё крепче.

Я убираю волосы от её лица, и её тело подо мной начинает содрогаться. Она плачет? О чёрт. Но тут я слышу её фырканье и понимаю, что она смеётся. Почти истерически. Её тело трясётся и покачивается, а бёдра сжимают мой член. Я отстраняюсь от неё, не хочу, но так нужно. Мой член настолько чувствителен, что я едва могу выдержать паузу.

Она хихикает, и я поворачиваюсь к ней. В приглушенном свете лампы её глаза кажутся тёмными, и они сияют. Но не от слёз — от счастья.

— Как я справился? — спрашиваю её, оставляя на щеке лёгкие поцелуи. Она снова хихикает.

— Это была промежуточная контрольная, — отвечает она. — Когда мы сможем провести итоговую аттестацию?

Я делаю глубокий вдох.

— Когда пожелаешь, принцесса. Я всегда к твоим услугам.

Она снова смеётся, и я понимаю, что никогда в жизни не слышал более прекрасного звука. Никогда.

Рейган

Я просыпаюсь от того, что моя попа прижата к бёдрам Пита, и в меня упирается его эрекция. Он двигается ко мне, и я медленно открываю глаза. Пит перекидывает мои волосы вперёд, а его губы касаются чувствительного местечка у основания шеи. Сильные пальцы обхватывают мою грудь, но не сжимают. Пит не делает даже попытки прикоснуться к соску, просто лениво водит пальцами чуть ниже наиболее чувствительной зоны.

— Пит, — шепчу я.

— Что? — так же тихо отвечает он, и по голосу понятно, что он улыбается.

— Ты пытаешься со мной заигрывать? — дразню его.

Пит усмехается.

— Если ты задаёшь подобные вопросы, значит, у меня очень хреново получается. —

Потом переворачивает меня на спину и закидывает мои ноги себе на плечи. Его дыхание опаляет мою щёлочку, он широко улыбается и произносит: — Я буду лучше стараться.

Я ловлю ртом воздух, когда он большими пальцами приоткрывает мои складочки, опускает голову и снова и снова проводит языком по моему клитору.

— Похоже, ты успел потренироваться, — замечаю я между вздохами. Потом крепко сжимаю руками его волосы, тем самым направляя его. Он щёлкает по клитору, одновременно проникая в меня пальцами. По сравнению с прошлым разом, он действует чуть менее осторожно. Похоже, ему уже не так страшно попробовать со мной что-то новое, но Пит по-прежнему нежен и не торопит события. Я понимаю, что ради меня он сдерживается, и гадаю, сколько ещё ему будет казаться, будто мне это нужно. Вечно?

Я не боюсь его или того, что он со мной делает, и никогда не боялась. Хватаюсь руками за простыни и крепко их сжимаю, когда он сгибает палец внутри меня, задевая точку, о существовании которой я даже не подозревала. Я вскрикиваю, а он нежно и ритмично посасывает клитор в такт движениям пальцев до тех пор, пока я совсем не теряю голову. Я кончаю так сильно, что едва могу дышать, а он упивается этим. Становясь слишком чувствительной, отталкиваю его голову, и Пит отпускает мой клитор, проведя по нему языком ещё раз. По моему телу снова проходит лёгкая дрожь.

Пит вытирает лицо о внутреннюю поверхность моего бедра и ползёт вверх. Потом тянется через меня, хватает презерватив и быстро его надевает. Сначала я предполагаю, что он встанет между моих ног, но нет. Он очень медленно переворачивает меня и подкладывает подушку под мои бёдра.

— Так нормально? — спрашивает он. Затем прижимается к моей спине, а его губы снова касаются моего плеча так же, как и несколько минут назад. Пит нежно его покусывает и говорит: — Ты мне нужна.

Я киваю и отвечаю:

— Всё хорошо.

Он проскальзывает в меня сзади. Один медленный толчок, и вот он внутри.

— Тебе больно? — спрашивает он.

— Чуть-чуть, — признаюсь ему. Немного щиплет, но я приветствую эту боль, потому что Пит снова внутри меня, и я хочу, чтобы именно там он и находился.

— Я буду осторожен, — шёпотом обещает Пит. Знаю, что так и будет. Но мне не нужна осторожность. Я хочу Пита.

Он берёт меня медленными толчками, наполняя, а затем отступая, погружаясь и выходя обратно, двигаясь внимательно и осторожно. Я только что кончила, но снова чувствую нарастающее напряжение. И эти ощущения совершенно иные. Больше похожи на разливающиеся волны тепла, чем на бурлящий, доводящий до дрожи оргазм. Я кончаю, и он стонет, ещё глубже толкаясь в меня, его тело содрогается, когда он финиширует вместе со мной. Из него вырывается низкий гортанный стон — звук удовлетворения. Как-то очень быстро он выходит из меня, поднимается, снимает презерватив и приводит себя в порядок. Затем протягивает мне полотенце и снова поворачивается спиной. Я быстренько вытираюсь,

и Пит возвращается в постель, заключая меня в свои объятия.

— Ты в порядке? — спрашивает он, опуская меня чуть ниже на сгиб руки.

— Я не сломаюсь, Пит, — отвечаю ему тихим голосом. — Тебе не обязательно обращаться со мной так, словно я сделана из стекла.

Он вздрагивает и свысока смотрит на меня.

— Это не так.

— Нет, так, — мягко возражаю ему. Я не в восторге от того, что делаю. Но не могу строить отношения, основанные на страхе, что он решит избегать меня.

Звонит мой телефон, и я тянусь за джинсами, лежащими на полу, так как знаю, что он в кармане.

Вынимаю его и читаю сообщение.

Отец: *Ты где?*

Я: *У Пита.*

Отец: *Почему?*

Проклятье. Что я должна на это ответить?

Я: *Мы можем поговорить об этом попозже?*

Отец: *Конечно. Поговорим, как только ты появишься в своей квартире, где мы ждём тебя со вчерашнего вечера.*

Чёрт. Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Я: *Буду через несколько минут.*

Тяжело вздыхаю и откидываю голову на подушку. Отец убьёт меня. Или Пита.

— Родители ждут меня в моей квартире, — объясняю ему.

— О нет, — вздыхает он, потом перекатывается на край кровати и начинает одеваться.

— Куда ты собираешься? — интересуюсь я.

Подняв бровь, он смотрит на меня.

— Я иду с тобой.

— В этом нет необходимости, — отвечаю я. На самом деле будет лучше, если он не пойдёт. Отец будет в бешенстве, а встреча с Питом только всё усугубит.

— Я совсем не против, — говорит он, продолжая одеваться.

— Пит, — зову я, и он, наконец, смотрит на меня.

— Что?

— Тебе лучше остаться здесь.

— Почему? — Он выглядит растерянным.

— Сейчас утро воскресенья. Скорее всего, родители захотят остаться на весь день. Мне нужно какое-то время провести с ними. — И я действительно хочу уберечь его от отцовского гнева.

Он кивает и медленно отвечает:

— Ладно. — И начинает снимать обувь.

А я одеваюсь, подхожу к нему, чтобы поцеловать, и говорю:

— Я тебе попозже позвоню.

Он кивает.

— Хорошо.

Мне нужно решить всё с отцом, чтобы больше никогда к этому не возвращаться.

Пит

Мой телефон звонит, и я вскакиваю, чтобы взять его. Сегодня воскресенье, на часах уже шесть вечера, а Рейган не было весь день, и она даже ни разу не позвонила.

— Алло, — говорю я, поднимая трубку.

Сэм прыскает в кулак. Он возвращается в колледж ночным автобусом, так что будет здесь примерно до одиннадцати. Слышу его язвительные комментарии на тему того, что у меня яйца в тисках, и кидаю в него подушку.

— Это Пит? — произносит мужской голос.

— Да, — отвечаю я.

— Пит, это Фил. — Должно быть, я слишком удивлён и не произношу ни слова, потому что он продолжает: — Твой инспектор по надзору.

— Да, сэр, — говорю я и выпрямляюсь, слушая его очень внимательно.

— Пит, если я сейчас заберу тебя, сможешь съездить со мной по одному делу? Это очень важно.

— Конечно, — соглашаюсь я, не раздумывая. — А можно узнать, куда мы собираемся?

— Я всё объясню, когда приеду, — отвечает он. Судя по голосу, он чем-то расстроен, и мне хочется узнать, что происходит. — Ты успеешь собраться за десять минут?

Мы заканчиваем разговор, и я иду одеваться. Мне интересно, что же такое важное могло случиться, раз я понадобился Филу в воскресенье. Но, полагаю, очень скоро всё прояснится.

Фил останавливает свой чёрный «форд» перед моим домом и машет, чтобы я садился.

— У меня плохие новости, Пит, — начинает он, не глядя на меня.

— Какие?

— Эдвард, паренёк из программы для несовершеннолетних, вчера после собрания встречался с сестрой. Всё было отлично, и мне казалось, что он встал на путь исправления, особенно после того, как провёл столько времени с тобой в лагере. Но произошла стычка, в результате которой приёмный отец его сестры серьёзно пострадал. Эдвард был ранен, и его недавно прооперировали. А приёмный отец умер.

— Что? — выдыхаю я. — Как такое могло произойти?

— Похоже, сестра Эдварда рассказала ему, что с ней не очень хорошо обращались. Эдвард потерял голову и сорвался. Он ударил приёмного отца, и они оба боролись за нож, который был у того мужчины. Эдвард провёл всё утро в операционной.

— Он в порядке? — обеспокоенно спрашиваю я.

Фил качает головой.

— Не уверен. Именно поэтому я и решил его навестить. Он больше никого не захочет видеть, а тебе вроде бы удалось установить с ним контакт, когда вы были в лагере, да и на вчерашнем собрании. Вот я и подумал, что, возможно, он захочет с тобой поговорить.

— А что теперь с ним будет? — интересуюсь я.

— Если повезёт, то его действия расценят как самозащиту. Попав в неприятности в прошлый раз, он был несовершеннолетним. Сейчас ему восемнадцать. Поэтому если обвинения всё-таки предъявят, его будут судить как взрослого. — Он качает головой и тяжело вздыхает. — Нужно, чтобы он рассказал кому-то свою версию событий, тогда Кастер сможет составить план защиты, но Эдвард не станет ни с кем разговаривать. Я уже связался с Бобом Кастером, и он тоже приедет поговорить с ним.

— Он у Рейган, — сообщаю я.

Фил бросает на меня взгляд и включает передачу.

— Да, я слышал.

Я откидываюсь на сиденье и почёсываю затылок.

— Я же говорил тебе обращаться с ней бережно, — напоминает мне Фил.

— Я так и делал, — оправдываюсь я. — Обращался очень бережно.

— Её отец, мягко говоря, не в восторге, — сообщает он мне. Но я и так был в этом уверен.

— Я безумно её люблю, Фил, — признаюсь ему.

Он постукивает большим пальцем по рулю, но больше ничего не говорит. Когда мы приезжаем в больницу, Фил показывает своё удостоверение, и нас пропускают в палату. Он заходит, и я вижу Тик-Така — нет, Эдварда — лежащего на кровати. Из его тела торчат разные трубы и провода, а сам он выглядит таким хрупким... Рядом на стуле сидит молодая девушка, держа его за руку, и я почти не сомневаюсь, что это его сестра.

— Мне не стоило ему говорить, — произносит она. — Если бы я ничего ему не рассказала, всего этого удалось бы избежать.

Фил протягивает ей бумажную салфетку, а я засовываю руки в карманы, не зная, куда ещё их деть.

— Привет, — здороваясь я, когда она переводит взгляд на меня.

— Ты, должно быть, Пит, — отвечает она с улыбкой. — Эдвард столько всего о тебе рассказывал.

— Что произошло? — спрашиваю я, кивая в сторону кровати.

Её брови приподнимаются, изображая притворное веселье.

— Он пожертвовал своей жизнью ради меня. Снова. Когда-то он уже сделал так и попал в колонию для несовершеннолетних. А сегодня всё повторилось.

Фил кладёт руку ей на плечо и заставляет повернуться.

— Я бы выпил кофе, — говорит он. — Прогуляешься со мной?

Думаю, она понимает, что я хочу поговорить с Эдвардом, поэтому кивает и с тоской смотрит на кровать.

— Пожалуйста, убеди его бороться, — шепчет она. — Не позволяй ему опустить руки.

Они с Филом уходят, а я присаживаюсь на её стул и рассеянно грызу ногти, размышая, стоит ли его разбудить.

— Я такой симпатичный, что ты даже в себя прийти не можешь, да? — спрашивает он тихим голосом. А я и не заметил, что он проснулся. — Дыши глубже, мужик, — продолжает он. — Ты с этим справишься.

— Как у тебя дела? — спрашиваю я, стараясь придать голосу хоть немного веселья.

— Выглядишь ужасно.

— Спасибо. — Со стоном он пытается приподняться в кровати. — Говорят, жить буду. — Его взгляд блуждает по комнате, и я гадаю, думает ли он о мужчине, которого убил.

— Я рад, — отвечаю ему. Понятия не имею, как разговаривать с этим парнем. Я совсем запутался. — Расскажешь, что произошло?

Он отрицательно мотает головой.

— И всё-таки, почему бы нет? — настаиваю я.

— Он мёртв, так ведь? — спрашивает он. И по его щеке катится слеза, которую он тут же вытирает.

— Ага.

— Некоторые люди заслуживают смерти, — заявляет он. Но на его лице нет и тени улыбки, а голос надрывается. Уверен, ему больно.

— А он заслуживал смерти? — снова задаю ему вопрос.

— Он обижал мою сестру, — говорит он. — Я понял это в ту же секунду, как зашёл в комнату. — Он так сильно сжимает поручень кровати, что костяшки его пальцев белеют.

— Ей даже не нужно было ничего говорить, я просто увидел это в её глазах. Как и в прошлый раз.

— Там был нож? — Я продолжаю выяснять подробности, стараясь запомнить всё, что он говорит, и размышляю о том, что стоило бы это записать.

Его взгляд устремляется ко мне.

— Не мой, — объясняет он. — Это был его нож. И он пошёл с ним на меня, а я не

смог его остановить. — Он кладёт руку себе на живот. — Он пырнул меня, а когда я вынул нож, то набросился на меня и напоролся на него. — Теперь он открыто плачет. — Клянусь богом, я не собирался его убивать.

Я наклоняюсь и хлопаю его по руке, крепко её сжимая, а наши большие пальцы переплетены, как при настоящем мужском рукопожатии.

— Это был несчастный случай.

— Как думаешь, мне поверят? — спрашивает он.

— Не знаю, — тихо отвечаю я. Не хочу давать ему ложную надежду.

— Знаешь, а у меня ведь были планы, — признаётся он, хлюпая носом. — И я их записал.

Господи боже!

— Я хотел, чтобы сестра мной гордилась. Хотел стать для неё тем, кого не было у меня.

— Ты всё ещё можешь этого добиться, Эдвард, — говорю ему.

Он качает головой и задаёт вопрос:

— Меня посадят?

— Не знаю, — всё так же отвечаю я.

— Не хочу в тюрьму, — говорит он.

— Нам нужно сделать тебе парочку татух, — предлагаю я. — Никто не рискнёт с тобой связываться, если ты будешь весь в татуировках. — И сжимаю его руку. — Можешь сделать для меня кое-что?

— Что именно? — спрашивает он, недоверчиво глядя на меня.

— Мне нужно, чтобы ты запомнил, что твоя жизнь так же важна, как и жизнь твоей сестры.

— Это не так, — начинает он.

В этот раз я внимательно всматриваюсь в его лицо. И могу думать только о том, как когда-то мысленно называл его Тик-Таком, хотя теперь понимаю, какую медвежью услугу оказал этому пацану. Он выше этого. Внутри он прекрасный человек, и я мог бы попытаться стать таким же. Но я судил о нём по внешнему виду и из-за этого чувствую себя ужасно.

— Ты так же важен, как и она, просто у тебя не было никого, кто стал бы за тебя бороться. — Чувствую, как на глаза наворачиваются слёзы, но беру себя в руки. — Однако теперь у тебя кое-кто есть, дурачок. Я здесь. И никуда не денусь.

— Всю жизнь мне твердили, что я ни черта не стою.

— Тебе врали, — отвечаю я, скав зубы. — Люди лгали, чтобы очистить свою совесть.

— И пожимаю плечами. — Дело твоё, верить им или нет. — Я отпускаю его руку, потому что держать её дальше становится неловко, и продолжаю: — Но ты чертовски классный парень.

— Моей сестре нужно попасть в интернат для «трудных» подростков, пока я не смогу вытащить её из всей этой системы опеки, — говорит он.

— Мы поговорим с Филом и посмотрим, что удастся сделать. — Я делаю глубокий вдох. — Только не опускай руки, хорошо?

В ответ он просто молчит.

— Слушай, Эдвард, ты через многое прошёл, — продолжаю я. — Сколько людей смогли бы пережить подобное? А у тебя получилось. Так что не разбрасывайся этим. И не теряй надежду.

— Я не могу позволить себе надеяться, — фыркает он. — Надежда мне слишком дорого обходится.

— Тогда возьми немного моей. Да забирай к чёрту всю. Потому что у меня её чертовски много.

— Раньше никто никогда меня не поддерживал, — признаётся он.

Фил и мистер Кастанер заходят в палату. Мистер Кастанер свирепо смотрит на меня, а во взгляде Фила читается любопытство.

— Мужик напоролся на нож, — сообщаю им. — Эдвард не хотел этого.

Мистер Кастер достаёт блокнот и начинает записывать. Он жестом просит Эдварда продолжить, и тот рассказывает всю историю, пока отец Рейган делает пометки.

Фил похлопывает меня по плечу и говорит:

— Спасибо. Я действительно считаю, что ты бы прекрасно справился с такой работой.

— Не уверен, что могу выдержать всю эту головную боль, — признаюсь я.

— Ноешь как ребёнок, — подаёт голос Эдвард. Он смеётся, а потом хватается за бок, когда тот начинает болеть.

— Я не ною, — ворчу в ответ, а потом показываю на его бок. — И вот что бывает, когда строишь из себя умника.

— Лучше уж быть умником, чем придурком, — заявляет он, и я показываю ему средний палец.

— Мне стоит отвезти тебя домой, — говорит Фил. — Уже почти девять.

Проклятье. Я почти об этом забыл. Поэтому киваю и пожимаю руку Эдварду.

— Увидимся завтра, — обещаю я. А он кивает в ответ и улыбается. Смотреть на него — словно наблюдать за цветком, который тянется к солнцу. Очень похоже на татуировку Рейган.

— Мистер Кастер, — прощаюсь я и протягиваю ему руку. И он, хоть и неохотно, но всё-таки пожимает её. — Рад был снова с вами встретиться.

— Теперь ты будешь видеть меня намного чаще, Пит, — отвечает он и ухмыляется. Но в его словах нет ни капли юмора, только предупреждение.

— По-другому и быть не может, сэр, — говорю я.

Фил зовёт меня, и мы выходим к его машине. Меня переполняют эмоции, и мне очень хочется что-нибудь ударить.

— Часто с ребятами происходит то же, что случилось с Эдвардом? — интересуюсь я.

— Чаще, чем ты можешь себе представить, — отвечает он. — Ситуации разные, но суть одна. — И поднимает взгляд на меня. — Я не шутил, когда сказал, что ты отлично справишься с такой работой.

— Знаю. Я подумаю об этом. — До конца не уверен, хочу ли я быть, как он, на передовой. Или хочу стать адвокатом, как мистер Кастер. Я всё ещё размышляю об этом.

— Спасибо, что поехал со мной, — благодарит он.

— Всегда пожалуйста, — говорю в ответ, когда он останавливается, и выхожу из машины. Мне очень хочется пойти к Рейган, но я не могу этого сделать из-за чёртового браслета на ноге. Хотя, в любом случае, мне не стоит находиться рядом с ней. Прямо сейчас мои эмоции бьют через край, а в этом состоянии у меня не получится быть тем, кто ей нужен.

Я бегу вверх по лестнице, потому что мне необходима физическая активность, чтобы избавиться от накопившейся энергии. Чувствую, что ещё чуть-чуть, и перестану себя контролировать. Я зол. Зол на себя за то, что просрал свою жизнь. Меня бесит рак, который подкосил Мэта. Меня бесит моя жизнь и я сам. Меня бесит государство, которое не могло защитить Эдварда и его сестру. Меня просто бесит всё вокруг.

Я захожу в квартиру и вижу, что везде темно. Слава богу, дома никого. Но потом замечаю полоску света под дверью в мою комнату. Захожу туда и обнаруживаю Рейган, растянувшуюся на моей кровати с книгой в руках. Она садится и убирает волосы с лица.

— Ты дома, — произносит она и улыбается. Это так мило и трогательно, но совсем не то, что мне сейчас нужно.

— Тебе не стоило сюда приходить, — говорю я.

— Что? — Она хмурится, не понимая, что происходит.

— Тебе следует вернуться в свою квартиру, — отвечаю я, перебирая вещи на комоде, тем самым избегая её взгляда.

— Нет, — протестует она. А потом спрашивает: — Что случилось?

— У меня был тяжёлый день. И сейчас мне не особо хочется кого-либо видеть. — Понимаю, что делаю ей больно, но если она останется, я не смогу быть тем, кто ей нужен.

— Пит, — начинает она. — Расскажи, что произошло.

— А что случилось с тобой? — отвечаю я вопросом на вопрос. — Твой отец был в бешенстве из-за того, что ты провела ночь здесь? — С бывшим заключённым. Последняя фраза мелькает у меня в голове, но вслух я её не произношу.

— Да, — кивнув, соглашается она. А потом продолжает, осторожно подбирая слова: — Но он мой отец. Ему и положено так себя вести.

Её рука ложится на моё плечо, и я вздрагиваю. Она тоже, но продолжает ко мне прикасаться. Я закрываю глаза и упираюсь руками в комод, прижав локти к телу. Мне хочется, свернувшись клубком, забиться в угол и убаюкивать себя. Хотя нет. На самом деле я хочу заключить Рейган в свои объятия, погрузиться в неё, сделать её своей и позволить ей принять всё это. Но она не может. Не для этого она создана.

— Тебе лучше уйти, Рейган, — повторяю я.

— Нет, — отвечает она, пытаясь развернуть меня лицом к себе, но я не шевелюсь. Она шумно выдыхает и проскальзывает под моей рукой, чтобы оказаться между мной и комодом. Я делаю шаг назад. Не могу стоять так близко к ней. Просто не могу. Это ненормально.

— Сейчас я не могу быть тем, кто тебе нужен, — произношу я с лёгкой дрожью в голосе.

— А что, по-твоему, мне нужно? — шепчет она.

Я сглатываю ком в горле и сгибаю пальцы, снова и снова сжимая их в кулаки.

— Любить тебя нужно неторопливо и бережно. А сегодня я не способен ни на то, ни на другое. Так что тебе лучше уйти. — У меня нет сил даже взглянуть на неё. Я просто не могу.

— Ты думаешь, что меня нужно любить неторопливо и бережно, — медленно произносит она.

Я киваю, перекатывая пирсинг в губе.

— Хочешь знать, что думаю я? — спрашивает она.

— Что? — ворчу в ответ. Похоже, я превратился в пещерного человека, который способен говорить только однословно.

— Я считаю, что меня нужно любить всецело.

Мой взгляд устремляется к ней. В её глазах нежность, а на губах играет лёгкая улыбка.

Она подходит ко мне и берёт моё лицо в ладони.

— Я люблю тебя всецело, — говорю ей. — Но...

Она качает головой.

— Нет, это не так. Ты сдерживаешься, потому что боишься ранить меня. — Её руки обвиваются мою шею, а губы находятся в нескольких сантиметрах от моих. И она шепчет: — Люби меня всецело, Пит.

Я издаю стон и стаскиваю через голову её футболку, потом снимаю пижамные шортики, а вместе с ними и трусики. Она не пытается прикрыться, так что я веду её прямо к кровати. С каждым моим шагом вперёд она делает шаг назад, пока у неё не остаётся других вариантов, кроме как сесть на кровать. Рейган забирается на середину, а я упиваюсь её обнажённым видом.

— Я не могу быть неторопливым или бережным, — предупреждаю её, — но остановлюсь, если попросишь. Достаточно лишь одного твоего слова.

— Знаю, — отвечает она и манит меня к себе пальцем, но я беру инициативу в свои руки — хватаю её за ногу и притягиваю к себе. Хотя сразу же жалею об этом, опасаясь, что это было слишком жёстко, а она лишь посмеивается.

— Мне нужно оказаться внутри тебя, — заявляю ей, хватая презерватив и раскатывая

его по члену. — Не думаю, что смогу ещё хоть немного подождать.

Но в ответ не слышу ни слова.

Боюсь, что она недостаточно возбуждена, поэтому смачиваю член слюной и располагаюсь между её ног. Обхватываю ладонями её попку и приподнимаю ближе к себе, а затем погружаюсь в неё одним сильным толчком, в результате которого она смещается на кровати, ударяясь об изголовье. И вскрикивает. Но совсем не от боли.

— Не останавливайся, — умоляет она и хватает меня за волосы, побуждая посмотреть ей в глаза. — Позволь мне быть той, кто тебе нужен, и ты станешь тем, в ком нуждаюсь я.

С каждым моим движением у неё перехватывает дыхание. Но мне этого мало. Я хочу погрузиться в неё как можно глубже. Поэтому приподнимаю её ноги и прижимаю их к её груди, в результате чего попка задирается выше. Её руки опускаются на мою задницу, притягивая меня к себе, глубже и жёстче с каждым моим толчком. Я внутри неё, наслаждаюсь каждым сантиметром её шёлкового лона. И она принимает меня. Принимает мой гнев, моё бессилие, мою любовь к ней.

— Пит! — выкрикивает она. А потом снова и снова выдыхает моё имя, и я чувствую, как, кончая, она сжимается вокруг моего члена. Но я пока не готов всё прекратить. Поэтому переворачиваю её, ставлю на колени и снова в неё погружаюсь. Держу её за бёдра, притягивая к себе, и в этой позе она ощущается выше, если такое вообще возможно. Рейган наклоняется, положив голову на кровать и подняв попу вверх. Она позволяет мне брать её сзади, грубо и резко. Я чертовски сильно её люблю. Наматываю на кулак волосы, заставляя её повернуться, и целую в губы. Её язык касается моего, а губы дрожат. Я протягиваю руку и нахожу её клитор, лаская его так, как ей нравится. Потом замедляю движения и подвожу её к оргазму, пока она не начинает содрогаться в моих объятиях.

А после переворачиваюсь на спину, и она оказывается на мне.

— Не знаю, сколько ещё раз я смогу кончить, Пит, — произносит она, покусывая нижнюю губу.

— Садись сверху, — говорю я.

Рейган протягивает руку и сжимает меня в кулак, медленно лаская мой член. Он весь скользкий от её соков. Я останавливаю её, и она направляет в себя головку моего члена. Придерживаю её за бёдра и опускаю вниз, пока не заполняю её целиком. А потом притягиваю её к своей груди и жёстко трахаю.

Она выкрикивает моё имя вперемешку со стонами, и я в диком восторге от того, что она позволяет так себя любить. Чувствую её дыхание рядом со своим ухом, слышу, как она, словно мантру, повторяет: «Я люблю тебя, Пит», и не могу поверить, насколько мне, чёрт побери, повезло.

Она разлетается вдребезги в моих руках, а я ещё крепче обнимаю её, достигнув собственного оргазма. Сливаясь с ней, я ощущаю, как моё сердце переполняет любовь. Обвибаю её руками, чувствуя, что она до сих пор дрожит, и убираю за ушко влажную прядь волос.

— Ты в порядке? — интересуется она, потом опускает подбородок на мою грудь и смотрит на меня. Я выхожу из неё и не могу сдержаться, чтобы не застонать.

— Всё хорошо, — уверяю я. Потом поднимаю на неё глаза и внезапно чувствую вину за то, что так с ней обошёлся. — А как ты? — спрашиваю её. — Пожалуйста, скажи, что я не сделал тебе больно.

— Пит, — вздыхает она. — Тебе нужно перестать бояться ранить меня.

— Я уже почти с этим справился, — отвечаю ей. После всего этого в моём теле не осталось страха. Я усмехаюсь. — Точнее, полностью справился.

Рейган ложится, накрывая меня своим телом, и это кажется таким естественным. Я вырисовываю маленькие кружочки на её спине, а потом говорю:

— Я всецело люблю тебя, принцесса.

Она принимает меня и понимает, как никто другой. Она принимает меня как Пита. Как бывшего заключённого. Как брата четырёх мужчин, которые будут любить её только потому, что она важна для меня. И, надеюсь, однажды она примет меня в качестве своего мужа, потому что с этого момента я не представляю своей жизни без неё.

Рейган хихикает, и я чувствую вибрацию на своей коже.

— Думаю, сегодня мне будет слишком больно, чтобы позволить тебе ещё раз любить меня всецело.

— Уверен, мы что-нибудь придумаем.

Я слышу грустное *мяуканье* в коридоре и оборачиваюсь, чтобы увидеть крошечную лапку, пытающуюся пролезть в щель между дверью и полом.

— Неси сюда мою кошку, — заявляет она, толкая меня в плечо. — Ты так меня вымотал, что я не могу пошевелиться.

Я смеюсь и поднимаюсь, чтобы пустить котёнка в комнату.

Эпилог. Мэт

Рейган проводит занятие по самообороне в центре отдыха и развлечений, и всем братьям Рид велено быть здесь. Но мы понятия не имели, что она решила использовать нас в качестве тренировочных манекенов.

— А нам разве не нужно надеть маски и какую-нибудь защиту? — интересуется Пол, пытаясь уберечь свой пах от удара Фрайди. С большим трудом, но ему это удаётся.

— Я всё равно бы тебя сделала! — кричит Фрайди в ответ и поднимает кулак вверх в победном жесте. А Пол обхватывает её за талию и в шутку начинает раскручивать. Она верещит и вырывается, но он её не отпускает.

Рейган смотрит на Пита и подмигивает. Она больше не боится, когда кто-то из нас к ней прикасается. Пит её никогда не пугал, а теперь она спокойно и непринуждённо общается со всеми нами, и иногда я обнимаю её, просто потому что могу. Она делает Пита чертовски счастливым.

— Давай, нападай на меня, — призывает она. А когда он медлит, добавляет: — Ну, пожалуйста.

Со стоном Пит встаёт на ноги. Он всё ещё лежал на полу после последней попытки её атаковать. И теперь приближается к ней, а она разворачивается и бросает его на спину. Он стонет и сворачивается клубком.

— Хватит, — умоляет Пит. — Теперь очередь кого-нибудь другого.

Отец Рейган смеётся. Её родители приехали на выходные, и Пит слегка бесится из-за того, что, пока они живут в её квартире, ему приходится уходить домой. Теперь, когда его домашний арест остался позади, он почти всё время живёт у неё. А отец Рейган слишком уж наслаждается дискомфортом Пита. Её брат, Линк, тоже преуспел в боевых искусствах. Он относится к ним так же, как и ко всему остальному, — с энтузиазмом, предусмотрительностью и осторожностью. Он не часто с кем-то разговаривает, но мы привыкли. Он такой, какой есть, как и все мы.

Сэм выходит вперёд, и Рейган отрабатывает некоторые приёмы с одной из девушек из программы помощи жертвам насилия. Сэм стойко терпит все удары Рейган, и с каждым новым приёмом в той девушке растёт уверенность. Приятно видеть Рейган в её стихии, и я знаю, что она делает очень многое для этих девчонок.

Один из друзей Пита по тюремной программе пришёл сюда с сестрой. Его признали невиновным в смерти того мужчины, так что он много времени проводит с сестрой, хотя она и не может жить с ним. Он за ней присматривает. Она робкая, как мышонок, но милая девушка, хотя что-то мне подсказывает, что у неё получится всё преодолеть. Она не участвует в занятиях, а просто сидит с краю трибуны рядом с парнем в инвалидном кресле. Его вроде зовут Гонзо. Это ещё один подопечный Пита. Все они общаются с моим братом, как будто нуждаются в нём. Может, так оно и есть. Но в одном я уверен: с Рейган он стал именно тем мужчиной, которым всегда хотел быть. И я очень-очень им горжусь.

Гонзо смеётся, а я знаю, что паренёк не может говорить из-за трубки в трахее. Так что он пользуется компьютером, чтобы общаться с сестрой Эдварда. Вспомнить бы ещё, как её зовут. Она говорит с ним, а он ухмыляется и что-то быстро печатает. Её лицо розовеет. Они примерно одного возраста, и между ними явно пробежала искра. Как говорит Пит, к каждой кастрюле есть своя крышка. Я мысленно пожимаю плечами.

Рейган жестом зовёт меня быть следующим. Я вижу, что Сэм лежит на полу и не шевелится. Проклятье. Она всех нас покалечит.

— У меня был рак, — выпаливаю я, когда она мне улыбается. И напоминаю: — Я чуть не умер.

Она смеётся и показывает на мне несколько приёмов. Но обращается со мной не так жёстко. Или мне просто так кажется. А затем я тоже оказываюсь на полу. Она упирает руки в бёдра и широко улыбается, глядя на меня сверху вниз.

— Ты ведь не думал, что я и правда тебя пощажу? — спрашивает она.

Логан перекидывает Эмили через плечо и начинает бегать с верещащей девушкой по залу. Пол делает то же самое с Фрайди, а Сэм подходит и встаёт рядом со мной.

— Между Полом и Фрайди что-то есть? — интересуется он.

— Пол всё ещё думает, что она лесбиянка, — отвечаю я.

— Может, стоит сказать ему, что это не так? — предлагает Сэм.

Я качаю головой.

— Не-а. — И ухмыляюсь. Так намного веселее.

Бросаю взгляд на дверь и замечаю Скайлар, женщину, которая заботится о детях Кендры. Она обещала привезти Сета сегодня, и я очень рад её видеть. От одного взгляда на неё моё сердце замирает. На ней спортивная одежда, которая открывает её живот. И я хочу провести по нему языком. Или сделать в нём пирсинг. Или узнать, что находится выше. Мой член дёргается, и я подхожу к ней.

— Привет, — говорю я.

Она сдуваает со лба чёлку и отвечает:

— Привет.

— У тебя всё хорошо? — спрашиваю её. Она бросает взгляд в сторону Сета.

— Не совсем. — И тяжело вздыхает. — Я надеялась, что ты сможешь мне кое с чем помочь.

— Ради этих детей? — отвечаю я, указывая пальцем в их сторону. — Всё что угодно. Я оглядываю зал. Это и есть моя жизнь. И она мне чертовски нравится.

КОНЕЦ

Читайте продолжение серии «Братья Рид» Тэмми Фолкнер
в переводе группы [Translation for you](#).

Дорогие читатели!

Эта книга была путешествием, но, надеюсь, вы помните, что это путешествие Рейган, а у других жертв сексуального насилия оно может быть совершенно иным. Однако, независимо от истории, всем нам стоит знать следующее:

1. каждая четвёртая девушка во время учёбы в колледже подвергается сексуальному насилию;

2. двадцать процентов женщин на вопрос, принуждали ли их когда-либо к половому акту, отвечают «да».

Если вы жертва или знаете кого-то, кто подвергся насилию, имейте в виду: существуют национальные службы, куда вы можете обратиться за помощью.

Помните, даже если вы не жертва, у вас есть возможность помочь другим людям. Более подробную информацию можно получить, связавшись с местным кризисным центром для жертв насилия.

Надеюсь, вам понравилась история Рейган и Пита.

И помните, пожалуйста, что молчание ничего не изменит.

С наилучшими пожеланиями,

Тэмми.